

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 19 (1) 2022

IPL INSTITUTE of
&L PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2022

**«ДИСКУРС-ПИ»
19 (1) 2022
Апрель 2022**

**Научный журнал
Издается с 2001 года
Выходит четыре раза в год**

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 30.04.2022 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 15,93

Тираж 500 экз.

Заказ № 13440

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллех – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

06.10.2020 Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

**«DISCOURSE-P»
19 (1) 2022
April 2022**

**Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year**

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on April 30, 2022
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 15,93
Issues – 500
Order # 13440

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors to adhere
to the style of scientific discourse**

**Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

**June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties:
23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences**

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

**October 6, 2020 the journal is included in the European
Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

№ 19(1)

Тропы метода

Гаврилова М.В.

Заключительное выступление Д.А. Медведева на посту президента Российской Федерации: дискурсивный анализ тематической структуры.....10

Ребров С.А.

Понятие политического в рамках постальтюдосерианской парадигмы.....28

Ковба Д.М.

Китайские ученые о новом мировом порядке и роли КНР в нем43

Парадигмы и процессы

Саллех А.

Экофеминистская стратегия. Политика сохранения жизни-на-Земле.....62

Володенков С.В., Федорченко С.Н.

Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации.....84

Керимов А.А., Эбзеев А.А.

Факторы и тенденции протестной активности молодежи в современной России..... 104

Воронов А.С.

Инновационная привлекательность регионов Уральского федерального округа: сравнительный анализ..... 124

Конференц-зал

Кочухова Е.С., Трофимов А.В., Воробьёва М.В., Клинова М.А.

Реконструируя визуальные сообщения эпохи: итоги семинара «Исследовательские «оптики» визуального наследия советской повседневности»..... 150

Рецензии и рефераты

Фурсов К.К.

Медиадискурс Евромайдана: споры об уроках165

Вепрев Е.А.

Ключевые ресурсы и специфика изучения мягкой силы
африканских стран.....175

19(1)

Tropes of Method

Gavrilova, M.V.

President Dmitry Medvedev's Farewell Address:
a Discourse Analysis of the Thematic Structure.....10

Rebrov, S.A.

The Concept of the Political In the Post-Althusserian Paradigm.....28

Kovba, D.M.

Chinese Scientists on the New World Order and the Role of China in It.....43

Paradigms and Processes

Salleh, A.

Ecofeminist Strategy. The Politics of Holding Life-On-Earth62

Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N.

Traditional Political Institutions in the Context of Digitalization:
Risks and Prospects of Transformation.....84

Kerimov, A.A., Ebzeev A.A.

Factors and Trends of Youth Protest Activity
in Modern Russia 104

Voronov, A.S.

Innovative Attractiveness
of the Regions of the Ural Federal District: A Comparative Analysis 124

Conference Chamber

Kochukhova, E.S., Trofimov, A.V., Vorobyeva, M.V., Klinova, M.A.

Reconstructing The Visual Messages of the Epoch:
The Results of the Seminar "Research "Optics"
of the Soviet Everyday Life Visual Heritage" 150

Reviews and Abstracts

Fursov, K.K.

Euromaidan Media Discourse: Debate about the Lessons165

Veprev, E.A.

Key Resources and Specifics of Studying Soft Power
of African Countries175

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ Д.А. МЕДВЕДЕВА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Марина Владимировна Гаврилова,

Санкт-Петербургский государственный институт кино
и телевидения,
Санкт-Петербург, Россия,
politlinguistics@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.12.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Гаврилова М.В. Заключительное выступление Д.А. Медведева на посту президента Российской Федерации: дискурсивный анализ тематической структуры // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 10–27. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_10

Аннотация

Цель статьи – проанализировать тематическую структуру заключительного выступления президента России. Материалом исследования выступает речь Д.А. Медведева, произнесенная на инаугурации В.В. Путина 7 мая 2012 г. Анализ тематической структуры дискурса включает выявление семантических макропропозиций, создание информационного портрета текста, определение ключевых слов выступления, установление основных топиков, изучение речевых средств воплощения идейно-тематического содержания текста и риторических способов воздействия на аудиторию. Статистический анализ позволил установить наиболее информативные слова выступления: *мы, весь, я, Россия, наш, человек, гражданин, президент, государство, быть, работа, страна*. Речь Д.А. Медведева включает в себя следующие содержательные элементы: достижения страны в период его правления, испытания, образ будущего страны, президент. Политик формулирует достижения страны в виде четырех тезисов. Во-первых, продолжены ранее начатые

© Гаврилова М.В., 2022

экономические и политические преобразования, произошли положительные изменения в общественной жизни страны. Во-вторых, несмотря на глобальный экономический кризис, государство выполнило свои социальные обязательства. В-третьих, началась модернизация экономики. В-четвертых, улучшился диалог между властью и обществом. Образ будущего содержит такие политические понятия, как государство, закон, справедливость, безопасность, свобода, человек. Когнитивная схема понятия «президент» состоит из следующих элементов: опыт, знания, осведомленность, поддержка гражданами политического курса и работа. Д. А. Медведев использует в своей речи разноуровневые языковые средства и риторические приемы, чтобы сформировать положительный семантический фон восприятия результатов своей деятельности на посту президента. Делается вывод о том, что заключительное выступление президента имеет большое значение, поскольку представляет обществу итоги его деятельности и определяет перспективы дальнейшего развития страны.

Ключевые слова:

русский язык, политический дискурс, дискурс-анализ, инаугурация, политическая лингвистика, речевой жанр, президент России, Д. А. Медведев.

UDC 811.161+138+142+329 DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_10

PRESIDENT DMITRY MEDVEDEV'S FAREWELL ADDRESS: A DISCOURSE ANALYSIS OF THE THEMATIC STRUCTURE

Marina V. Gavrilova,

St. Petersburg State University of Film and Television,
Saint Petersburg, Russia,
politlinguistics@yandex.ru

Article received on December 7, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Gavrilova, M.V. (2022). President Dmitry Medvedev's Farewell Address: a Discourse Analysis of the Thematic Structure. *Discourse-P*, 19(1), 10-27. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_10

Abstract

The objective of this article is to examine the thematic structure of the president's farewell address. The research material is Dmitry Medvedev's speech at the inauguration of Vladimir Putin on May 7, 2012. The thematic structure analysis of the discourse includes

the identification of semantic macro-propositions, the creation of an informational portrait of the text, the definition of the key words, the establishment of the main topics, the study of linguistic means of embodying the ideological views and thematic content and rhetorical ways of influencing the audience. Statistical analysis shows the most informative words of the speech: *we, the whole, I, Russia, our, person, citizen, president, state, be, work, country*. Dmitry Medvedev's speech includes the following substantive elements: achievements of the country during his term in office, challenges, the image of the country's future, the president. The politician formulates the achievements of the country in four theses. Firstly, the previously initiated economic and political transformations have continued; positive changes have taken place in the public life of the country. Secondly, despite the global economic crisis, the state has fulfilled its social obligations. Thirdly, the modernization of the economy has begun. And fourthly, the dialogue between the government and society has improved. The image of the future contains such political concepts as the state, law, justice, security, freedom and person. The cognitive scheme of the concept "president" consists of the following elements: experience, knowledge, awareness, citizen support of the political course, and work. Medvedev uses multilevel linguistic means and rhetorical techniques to form a positive semantic background for the perception of the results of his presidency. It is concluded that the farewell address plays an important role, since it presents to the citizens the results of the president's activity and the vision of the country's development.

Keywords:

Russian language, political discourse, discourse analysis, inauguration, political linguistics, speech genre, president of Russia, D.A. Medvedev.

Введение

В политической лингвистике изучение особенностей выступлений Д. А. Медведева ведется при помощи различных методов и в различных тематических направлениях (Гаврилова, 2011; Иванова, 2011; Сладкевич, 2016). Наши наблюдения показывают, что языковеды преимущественно анализируют политические речи Д. А. Медведева в сопоставительном аспекте.

Цель данной статьи – выявить тематическую структуру заключительного выступления президента России.

Материалом исследования является речь Д. А. Медведева, произнесенная на инаугурации В. В. Путина в 2012 г. Отметим, что данный новый тип выступления мало изучен политическими лингвистами. Однако, по нашему мнению, заключительное заявление действующего президента имеет большое значение в его политической деятельности, поскольку руководитель представляет обществу итоги своей государственной деятельности и определяет перспективы дальнейшего развития страны (Гаврилова, 2021a, 2021b).

Актуальность исследования обусловлена важностью изучения тенденций развития жанров русского политического дискурса, необходимостью исследования дискурсивных способов перехода и легитимации высшей государственной

власти, а также интересом к анализу лингвистических механизмов (вос)производства идеологий в обществе.

Новизна исследования определяется введением в научный оборот новой разновидности политического текста и комбинацией применяемых техник качественного и количественного анализа.

Основным методом исследования является дискурс-анализ, который заключается в выявлении как вербальных компонентов (сочетание языковых знаков, их распределение в речевой линии), так и прагматических факторов (ситуации порождения и восприятия текста, коммуникативные и прагматические установки автора).

Дискурс-анализ тематической структуры выступления предполагает использование различных методик лингвистического анализа, интерпретации текста и включает в себя выявление семантических макропропозиций, создание информационного портрета текста, определение ключевых слов выступления, установление основных топиков, изучение речевых средств воплощения идейно-тематического содержания текста и риторических способов воздействия на аудиторию.

Результаты исследования

Первым этапом дискурс-анализа является изучение контекста коммуникативной ситуации. Известно, что «контекстные модели являются прагматическими и социальными. Они необходимы для того, чтобы создать связную базу текста, определить жанр дискурса, представить цели и интересы участников дискурса, а также обеспечить должное внимание общепризнанным или ситуативно обусловленным характеристикам участников коммуникации, таким, как статус или социальная роль. Эти условия необходимы также для того, чтобы приписать дискурсу прагматическую интерпретацию, т.е. определить, какой речевой акт при этом осуществляется» (Дейк, 1989, с. 95).

Отметим, что заключительное выступление Д.А. Медведева размещено на официальном сайте президента России в разделе «События» в текстовой версии описания церемонии инаугурации В.В. Путина¹.

Рассмотрим коммуникативную ситуацию произнесения заключительной речи Д.А. Медведева. Описывая временной контекст, укажем, что президент выступил перед собравшимися в Кремле около 12 часов дня 7 мая 2012 г. Время произнесения речи, полдень, приобретает дополнительные коннотативные значения: время перехода, рубеж, начало нового периода.

Изучая пространственный контекст коммуникативной ситуации, очертим маршрут передвижения действующего президента: Президентский корпус Кремля – Ивановская площадь – Соборная площадь – лестница Красного крыльца – Белый коридор – анфилада залов Большого Кремлевского дворца – Андреевский зал – лестница Красного крыльца – Соборная площадь. Иными словами, завершение срока исполнения должности происходит в историческом

¹ Владимир Путин вступил в должность Президента России (2012, 7 мая). Взято 1 ноября 2021, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15224>

и архитектурном центре Московского Кремля, что влияет на процессы понимания и интерпретации заключительной речи президента.

Добавим, что окружающее действующего президента пространство наполнено военно-историческими символами: здание Арсенала, трофейные пушки Наполеона у стен Арсенала, царь-пушка, парадно-историческая форма солдат почетного караула, Андреевский зал. При этом движение действующего президента сопровождается музыкой. Во время прохода по Соборной площади к военнослужащим Президентского полка в исполнении оркестра звучат военные марши. Действующий президент поднимается на подиум под звуки «Президентской фанфары» П. Овсянникова. Таким образом, различные семиотические средства помогают передать патриотические чувства и настраивают на торжественный лад.

Следующий элемент контекстуальной модели – участники коммуникативной ситуации. Непосредственными слушателями заключительного выступления президента являются около 3 тыс. человек, приглашенных на инаугурацию В. В. Путина. Среди них – члены Правительства РФ, депутаты Госдумы, члены Совета Федерации, судьи Конституционного суда, представители других федеральных органов государственной власти, главы дипломатических миссий, представители духовенства, деятели науки, культуры и искусства и пр. Однако прежде всего выступление адресовано всем гражданам России, о чем свидетельствует обращение в начале речи. Кроме того, действующий президент осуществляет коммуникативное взаимодействие с командиром и служащими Президентского полка, избранным президентом, руководителями Федерального собрания и председателем Конституционного суда.

Анализируя политический контекст произнесения заключительной речи, рассмотрим государственные задачи, которые президент решил в последний день исполнения должности, поскольку они приобретают символическое значение. Мы выяснили, что 7 мая 2012 г., перед инаугурацией избранного президента, Д. А. Медведев подписал указ «О Президентской программе повышения квалификации инженерных кадров на 2012–2014 годы»² и утвердил Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 28 апреля 2012 г.³ Показательно, что указ подписан в целях модернизации и технологического развития экономики России, перечень поручений касался совершенствования общественно-политической сферы. Таким образом, последние действия на посту президента были направлены на развитие тех направлений государственной деятельности, которые Д. А. Медведев определил для себя в качестве приоритетных: модернизация российской экономики, совершенствование правовой системы, борьба с коррупцией, развитие демократии и гражданского общества.

² Подписан Указ «О Президентской программе повышения квалификации инженерных кадров на 2012–2014 годы» (2012, 7 мая). Взято 1 ноября 2021, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15223>

³ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека (2012, 7 мая). Взято 1 ноября 2021, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15222>

Далее перейдем к анализу тематической макроструктуры выступления. Согласно Т. А. ван Дейку, это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания дискурса. Макроструктура представляет собой последовательность макропропозиций, т. е. пропозиций, выводимых из пропозиций исходного дискурса по определенным правилам (так называемым макроправилам). В ходе смысловой компрессии текста обычно применяются правила сокращения (несущественной информации), обобщения (двух или более однотипных пропозиций) и построения (комбинации нескольких пропозиций в одну) (Дейк, 1989, с. 42). Существенно, что последовательность извлекаемых макропропозиций должна быть представлена в виде связного текста.

Важно отметить, что тематические макроструктуры соответствуют структурам долговременной памяти: они суммируют информацию, которая удерживается в течение достаточно длительного времени в памяти людей, услышавших или прочитавших некоторый текст. Процесс построения макроструктур является одной из стратегий понимания дискурса.

На первом этапе дискурсивного анализа мы выяснили, что выступление Д. А. Медведева состоит из 387 слов и содержит 31 предложение, объединенное в 11 абзацев.

Тематическая макроструктура текста представляет собой последовательность семантических макропропозиций: *Уважаемые граждане России! Дорогие друзья! (абзац 1). Вступление избранного Президента в должность – новый этап жизни в стране (абзац 2). Для движения России вперед важна последовательность государственного курса. Необходимо продолжить начатые преобразования с тем, чтобы построить сильное демократическое государство (абзац 3). Исполняя должность президента, я работал открыто и честно, в интересах людей (абзац 4). Мы многого достигли: выполнили социальные обязательства, начали модернизировать экономику (абзац 5). И прошли серьезные испытания (абзац 6). Важным достижением я считаю широкое участие граждан в политической жизни. Государство и граждан объединяют общие ценности (абзац 7). Хочу поблагодарить всех, кто поддерживал меня, и всех граждан России (абзацы 8–9). Я рад, что сегодня Президентом станет Владимир Владимирович Путин (абзац 10). Желаю ему успехов (абзац 11).*

Таким образом, путем свертывания содержания мы свели сложное разнонаправленное значение выступления к более простому, обобщенному и отвлеченному значению макроструктуры. Однако процесс выявления тематической структуры, т. е. приписывания определенных тем тексту и извлечения из него краткого содержания, является субъективным по своему характеру, поскольку читатель извлекает из текста то, что ему представляется важным.

Далее в целях объективации результатов исследования мы применили автоматический анализ текста, используя программу *TextAnalyst 2.0*⁴. Алгоритм реферирования основан на выборе из текста готовых предложений, которые содержат наибольшее число часто встречающихся понятий, иногда с учетом

⁴ *TextAnalyst 2.0. Персональная система автоматического анализа текста* (без даты). Взято 2 ноября 2021, с <https://www.analyst.ru/index.php?lang=eng&dir=content/products/&id=ta>

их связей. Таким образом, информационный портрет документа раскрывается в форме последовательности цитат, отобранных из оригинала (Ермаков, 2000). В результате автоматического реферирования получен информационный портрет заключительной речи Д. А. Медведева, состоящий из наиболее значимых в смысловом отношении предложений: *«И я рад, что сегодня Президентом станет Владимир Владимирович Путин – опытный человек и сильный руководитель, которого поддерживает большинство граждан нашей страны. Желаю Владимиру Владимировичу Путину успехов в должности Президента России, в его работе для нашей страны, для наших людей!»*. Очевидно, что коммуникативная интенция Д. А. Медведева направлена на избранного президента, реализуясь в положительной характеристике В. В. Путина и пожелании ему успехов в руководстве страной.

Третьим этапом анализа тематической структуры является определение в тексте частоты употребления слов с тем, чтобы выявить наиболее информативные и значимые слова выступления. Статистический анализ позволил установить ключевые слова заключительного обращения Д. А. Медведева: *мы* (11 словоупотреблений), *весь* (9), *я* (8), *Россия* (7), *наш* (7), *человек* (6), *гражданин* (5), *президент* (5), *государство* (5), *быть* (4), *работа* (4), *страна* (4). Количественные характеристики текста позволяют выявить его внутренний содержательный план, который может быть представлен в виде концептуальной модели: *Россия (Россия, страна, государство) – президент (я, президент, работа) – народ (человек, гражданин) – общность (мы, весь, наш) – быть*. Иными словами, президент подчеркивает важность единства (чувства общности) как политической ценности, актуализирует в сознании аудитории ключевой концепт политического дискурса «Россия», формирует положительное общественное мнение о себе/о должности президента, работающего в интересах людей.

Далее необходимо установить основные топики⁵ заключительного выступления Д. А. Медведева. Мы выяснили, что основу содержательной структуры речи составляют следующие темы: 1) достижения страны в период его правления; 2) испытания; 3) образ будущего страны; 4) президент.

Достижения страны в период правления президента. Перейдем к описанию того, как происходит смысловое развертывание топиков. Коммуникативная ситуация произнесения заключительной речи президента обуславливает необходимость перечислить успехи, достигнутые страной под его руководством. Рассмотрим, что президент определяет в качестве важных результатов работы государственного аппарата.

Во-первых, с 2008 по 2012 гг. были продолжены ранее начатые преобразования в экономике, политике и общественной жизни страны: *«Очень важно, чтобы масштабные преобразования, которые мы проводили в предыдущие годы в экономической, социальной и политической сферах, получили дальнейшее развитие»*. Во-вторых, государство в период глобального экономического кризиса выполнило свои социальные обязательства: *«Мы полностью выполнили наши социальные обязательства»*. В-третьих, Россия приступила к модернизации экономики: *«более того – занялись модернизацией экономики»*. В-четвертых,

⁵ Топики – когнитивные единицы, которые отражают понимание текста, то, что было признано важным, и то, как эта важная информация организуется в памяти.

граждане стали активно участвовать в политической жизни страны, а власть проявила готовность открыто обсуждать вопросы и сотрудничать с обществом: *«Считаю одним из важных достижений, очевидных достижений, широкое участие граждан в политической жизни. Принципиально важно, что и сама власть стала более открытой для диалога и для сотрудничества»*. При этом основой для диалога государства и граждан являются объединяющие их ценности: благо, свобода, прогресс, любовь к детям, любовь к России: *«Ведь всех нас объединяет стремление к общему благу, к свободе, к прогрессу. И конечно, нас объединяет любовь к детям и к нашей стране – России»*.

Д. А. Медведев подчеркивает, что для дальнейшего развития страны важно непрерывное следование определенным принципам политической деятельности: *«Последовательность государственного курса – это необходимое условие для движения России вперед»*.

Представляя положительные результаты государственной деятельности, Д. А. Медведев, с одной стороны, говорит о продолжении политического курса, предложенного предшественниками (*«преобразования, которые мы проводили в предыдущие годы <...> получили дальнейшее развитие»*), с другой – указывает на новизну государственных стратегических задач (*«заялись модернизацией экономики»*), используя глагол *заяться* в его основном значении «начать делать что-либо», «приступить к какому-либо занятию» (Кузнецов, 2004, с. 210).

Речевое воплощение семантики эффективности и успехов деятельности осуществляется на нескольких уровнях текста. На лексическом уровне показателен выбор политиком слов *развитие, достижение, преобразование*, в значении которых присутствуют семы «положительный результат работы», «коренные изменения», «довести до высокого уровня». Добавим, что существительные, обозначающие итоги развития страны, наделяются признаками со значением «существенный» и «крупный»: *масштабный, важный, очевидный, широкий*.

На грамматическом уровне для указания на осуществление и законченность действия используются глаголы прошедшего времени совершенного вида: *удалось, выполнили, занялись*. Морфологические характеристики результативности усиливаются семантикой целостности действия, воплощенной и в лексическом значении глагола *выполнить* (т. е. осуществить целиком), и в наличии признака действия, выраженном наречием *полностью* (т. е. в полном объеме). Иными словами, значение глаголов совместно с определенными грамматическими свойствами обозначают сам факт совершения действия, его законченность и полноту.

Использование сравнительной степени прилагательного (*более открытый*) позволяет предположить, что, по мнению президента, в предшествующей период власть была менее готовой к взаимодействию с гражданами.

На риторическом уровне Д. А. Медведев использует лексический повтор, чтобы более точно выразить свою мысль и выделить значимое с его точки зрения слово *достижение*: *«Считаю одним из важных достижений, очевидных достижений»*.

Сделанные лингвистические наблюдения приводят к выводу о том, что президент использует разноуровневые языковые средства, чтобы сформировать положительный семантический фон восприятия результатов своей деятельности на посту президента.

Отметим, что, говоря о достижении определенных целей развития, Д. А. Медведев признает, что *«не все получилось, не все задуманное удалось реализовать до конца»*. Примечательно, что, заявляя как об успехах, так и о незавершенных проектах, президент употребляет слова, имеющие широкое обобщающее значение: *многое* («о том, что является значительным по количеству, содержанию»), *все* («то, что есть, целиком»), *задуманное* («то, что мысленно решили сделать»). Отвлеченное лексическое значение слов и словообразовательный процесс субстантивации⁶ придают высказываниям о результатах политической деятельности отвлеченный характер, затушевывают смысл и позволяют избегать обозначения конкретных предметов.

Говоря о развитии страны, Д. А. Медведев дважды в пределах одного абзаца употребляет глагол *удаться*: *«Нам многое удалось»*, *«не все задуманное удалось реализовать до конца»*. Лексический повтор способствует усилению смысловой роли глагола в тексте, что представляется не вполне риторически верным. Во-первых, *удаться* – это глагол со стилистической пометой «разговорное», и его употребление не соответствует коммуникативной ситуации торжественного красноречия, во-вторых, *удаться* означает «оказаться возможным» (Кузнецов, 2004, с. 859), и в значении слова присутствует сема «неожиданность», «внезапность». Иными словами, применение этого глагола ослабляет тематическую линию активного деятеля и эффективной деятельности.

Напомним, что, будучи кандидатом в президенты России, Д. А. Медведев в 2008 г. изложил на V Красноярском экономическом форуме свое видение основ государственной политики: *«Продолжая реализацию тех проектов, которые были инициированы 2–3 года назад, мы должны сконцентрироваться на четырех своеобразных «И»: институтах, инфраструктуре, инновациях, инвестициях»*⁷. Это выступление было воспринято аудиторией как предвыборная программа политика.

Затем, вступив в должность президента, Д. А. Медведев в инаугурационной речи 7 мая 2008 г. вновь употребляет слова, выражающие стратегический замысел его политического курса: *«Мы будем добиваться внедрения инновационных подходов во все сферы жизни <...> модернизировать промышленность <...> создавать мощные стимулы для частных инвестиций <...> чтобы Россия прочно утвердилась среди лидеров технологического и интеллектуального развития»; «взаимодействие <...> с институтами гражданского общества»*⁸.

И в первом послании Федеральному собранию Д. А. Медведев, привлекая внимание общества к своим политико-экономическим идеям и целям, повторяет слова, обозначающие суть новой государственной политики: *«Наши*

⁶ Субстантивация – переход в категорию имен существительных других частей речи.

⁷ Медведев, Д. А. (2008). Стенограмма выступления первого заместителя Председателя Правительства России Дмитрия Медведева на V Красноярском экономическом форуме «Россия 2008–2020. Управление ростом». *Среднерусский вестник общественных наук*, (2), 138–149.

⁸ Выступление Д. А. Медведева на церемонии вступления в должность Президента России (2008, 7 мая). Взято 2 ноября 2021, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1>

действия в экономике будут базироваться на уже заявленной концепции четырех «И» – институты, инвестиции, инфраструктура, инновации. Такой подход закреплен и в подготовленной Правительством концепции развития до 2020 года. Реализовать его нужно в полном объеме. Добавив к нему, как я уже об этом както говорил, пятую составляющую – интеллект»⁹. Таким образом, эти пять существительных можно рассматривать как опознавательные знаки определенного политического времени, как своеобразную визитную карточку Д.А. Медведева. Значимость этих слов в системе представлений политика позволяет предположить, что они будут использоваться и в его заключительной речи на посту президента. Лингвистический анализ показал их отсутствие в тексте, что, вероятно, обусловлено политическими задачами. В этой связи представляется перспективным изучение семантических лакун, т. е. тех ключевых слов и тем, которые не находят своего отражения в идеологически важных выступлениях, поскольку в определенной общественно-политической ситуации для анализа и прогнозирования политического процесса существенно само их неупоминание в тексте.

Испытания. В заключительном выступлении 2012 г. Д.А. Медведев описывает испытания, которые пришлось пройти стране за последние четыре года. Во-первых, это экономические проблемы. Политик считает нужным напомнить, что срок исполнения должности президента совпал со сложным периодом резких изменений в мировой экономике: *«Нам многое удалось – даже в непростой период глобального кризиса»*. Во-вторых, трудности в военно-политической сфере. Президент подчеркивает, что России угрожала военная опасность: *«безопасность России испытывали, как и раньше, на прочность. Нам пришлось дать отпор агрессору»*. Полагаем, что речь идет о военной операции против атаковавшей Южную Осетию Грузии. В-третьих, террористические атаки: *«И мы продолжили борьбу с терроризмом, который остается угрозой для нашей страны»*.

На лексическом уровне тема испытаний раскрывается при помощи значений слов, содержащих семы с отрицательными коннотациями (*кризис, испытание, агрессор, терроризм, угроза*), и наделения существительных признаками существенный (*серьезные испытания*) и трудный (*непростой период*).

Д.А. Медведев подчеркивает, что страна успешно справилась с трудностями. Обратим внимание, что, говоря о преодолении сложностей, политик актуализирует объединительную семантику, употребляя наречие *вместе* и предложения с местоимением *мы*. Добавим, что для описания действий, связанных с преодолением трудностей, используются грамматические свойства, указывающие на результативность и завершенность действия, а именно глаголы прошедшего времени совершенного вида: *«нам вместе пришлось пройти серьезные испытания»*, *«нам пришлось дать отпор агрессору»*, *«мы продолжили борьбу с терроризмом»*. Отметим, что грамматические признаки встроены в риторический прием единоначатия «Нам пришлось + инфинитив». Напомним, что анафора используется для выделения наиболее важных идей выступления, для придания речи торжественного звучания: *нам пришлось пройти испытания, нам пришлось дать отпор*. При этом семантика активных действий ослабляется,

⁹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (2008, 5 ноября). Взято 10 ноября 2021, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968>

во-первых, грамматическим значением безличного предложения, для которого характерно опосредованное указание на субъект действия, элемент пассивности и инертности; во-вторых, лексическим значением глагола *прийтись*, т. е. «стать необходимым, неизбежным в зависимости от чего-либо» (Кузнецов, 2004, с. 611).

Иными словами, говоря об испытаниях, о преодолении трудностей, президенту важно указать не столько на производителя действия (кто совершил действие), сколько на само действие, а именно указать на его результативность, завершенность, необходимость и зависимость от обстоятельств.

Образ будущего. Примечательно, что в отличие от других российских президентов Д. А. Медведев в заключительном выступлении предложил образ будущего России. Это *«сильное демократическое государство, где торжествует закон и социальная справедливость, где обеспечена безопасность, где созданы все возможности для самореализации человека, его предпринимательских, гражданских и творческих инициатив»*. Таким образом, представление об идеальном устройстве страны содержит следующие элементы: государство, человек и взаимоотношения между ними. Искомые признаки государства – это мощный (*сильное*) и основанный на принципах демократии (*демократическое*). В государстве главенствует закон и социальная справедливость, гарантируется безопасность, созданы благоприятные условия для развития личности. Человек, в свою очередь, успешен в экономике (*предприимчив*), активен в политике (*гражданин*), интересуется культурой и вовлечен в художественный процесс (*творческая личность*).

Отметим, что и в 2008 г. в своем первом выступлении на посту президента Д. А. Медведев описал образ будущего страны, подчеркивая важность соблюдения законов (*«Мы обязаны добиться истинного уважения к закону, преодолеть правовой нигилизм, который серьезно мешает современному развитию»*), обеспечения безопасности людей (*«чтобы Россия стала одной из лучших стран мира, лучшей – для комфортной, уверенной и безопасной жизни наших людей»*), социального государства (*«сделать, чтобы государство было действительно справедливым и заботливым по отношению к гражданам»*), свобод и условий для личностного роста (*«дальнейшее развитие гражданских и экономических свобод, создание новых, самых широких возможностей для самореализации граждан»*).

Таким образом, образ будущего страны является значимым в системе представлений Д. А. Медведева, поскольку видение перспектив развития эксплицировано в идеологически важных выступлениях политика. При этом постоянными элементами образа будущего России являются: государство, закон, безопасность, *«граждане, свободные и ответственные как за свой личный успех, так и за процветание всей страны»*.

Одним из языковых средств экспликации образа будущего в выступлении являются риторические приемы. Например, метафора, метафора как образ, обладающий большой пре-образ-ующей силой, способный изменить индивидуальное и общественное сознание. Президент использует метафору строительства (*«мы построим сильное демократическое государство»*) и метафору движения (*«условие для движения России вперед»*). Показательно, что строительная метафора предоставляет максимальную активность участникам политического процесса и ориентирует на поэтапность выполнения намеченных планов. Метафора

движения по горизонтали вперед содержит положительные коннотации в русском языковом сознании. Добавим, что эту метафору можно рассматривать как аллюзию к программной статье Д. А. Медведева «Россия, вперед!»¹⁰. Таким образом, данные метафорические модели, выполняя функцию моделирования действительности и эмоционального воздействия, воплощают привлекательный образ будущего страны.

Президент. Д. А. Медведев начинает свою речь с утверждения о том, что «*вступление избранного Президента в должность – это всегда начало нового этапа в жизни России, в ее истории*», подчеркивая тем самым значимость роли руководителя страны в управлении и историческом развитии государства. Далее он напоминает о том, что значит быть президентом России: «*Президент является главой государства, гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина, определяет основные направления внутренней и внешней политики*». Очевидно, что политик цитирует Конституцию Российской Федерации¹¹, в частности, фрагменты ст. 80 (п. 1–3), устанавливая интертекстуальные связи с законодательным текстом. Располагая данными утверждения в сильной позиции (в начале выступления), Д. А. Медведев актуализирует в общественном сознании роль, определение и основные функции главы государства.

Эксплицитно представленные характеристики избранного президента можно толковать как одобряемые Д. А. Медведевым признаки руководителя страны: «*И я рад, что сегодня Президентом станет Владимир Владимирович Путин – опытный человек и сильный руководитель, которого поддерживает большинство граждан нашей страны*». Таким образом, обладание опытом (*опытный*) и знаниями (*сильный*), одобрение граждан и их согласие с политическим курсом президента (*поддерживать*) являются важными атрибутами руководителя страны. Отметим, что в лексическом значении прилагательных *опытный* и *сильный* наличествует сема «обладание знаниями», что позволяет предположить, что в системе политических представлений Д. А. Медведева президент – это все знающий и обо всем осведомленный человек. Примечательно, что в заключительном выступлении формируется смысловая связь «сильное государство – сильный руководитель».

Д. А. Медведев концептуализирует деятельность главы государства в категории «работа»: «*Я работал*», «*Государство ведь не может эффективно работать без обратной связи с людьми*», «*В своей работе я руководствовался этим*», «*Завершая работу на посту главы государства*», «*работать для нашего народа*», «*в его работе для нашей страны*». Обратим внимание, что *работать*, т. е. заниматься каким-либо делом, – это семантически опустошенное слово. Кроме того, в русской ментальности концепт «работа» содержит отрицательные коннотации и толкуется как «тяжелый подневольный труд по обязанности (рабство) с установкой на характер исполнения и качество (обычно низкое) без внимания к процессу и результату («работа не волк, в лес не убежит»)» (Колесов и др., с. 148).

¹⁰ Россия, вперед! Статья Дмитрия Медведева (2009, 10 сентября). Взято 15 ноября 2021, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413>

¹¹ Конституция Российской Федерации. Глава 4. Президент Российской Федерации (1993, 12 декабря). Взято 20 ноября 2021, с <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-6.htm>

Отметим, что Д. А. Медведев использует окказиональное (не соответствующее общепринятому употреблению, носящее индивидуальный характер) глагольное управление *работать для кого-чего*, указывая на цель, причину, основание совершения действия.

Наши наблюдения показывают, что утверждение о выполнении обещаний становится обязательным элементом тематической структуры заключительной речи президента. Д. А. Медведев также подчеркивает, что выполнил обещание, данное на церемонии вступления в должность президента: *«Я работал, как и обещал, принимая присягу: открыто и честно, в интересах людей, делая все для того, чтобы они были свободны и уверенно смотрели в будущее»*. Примечательно, что словосочетание *«работать открыто и честно»* не употребляется в инаугурационной речи Д. А. Медведева в 2008 г. (*«Хотел бы заверить сегодня всех граждан страны, что буду работать с полной отдачей сил как Президент и как человек, для которого Россия – это родной дом, родная земля»*), а также не включено в текст присяги президента.

Мы выяснили, что Д. А. Медведев цитирует обещание президента В. В. Путина, данное им на церемонии вступления в должность президента России в разные годы: *«... но что я могу обещать и обещаю – это то, что буду работать открыто и честно»*¹²; *«Как и в предыдущие годы, буду работать активно, открыто и честно, сделаю все, что смогу, все, что в моих силах, чтобы оправдать надежды миллионов людей»*¹³; *«Восемь лет назад, впервые принимая присягу Президента России, я брал обязательство работать открыто и честно, верно служить народу и государству»*¹⁴. Произнесенное неоднократно в коммуникативных ситуациях торжественного собрания словосочетание *«работать открыто и честно»* ассоциируется именно с языковой личностью В. В. Путина. Мы наблюдаем речевую ситуацию присвоения чужого текста. В этой связи следует указать на недобросовестную работу спичрайтеров, не проверивших тексты, к которым идет отсылка в выступлении.

Также Д. А. Медведев в своем заключительном выступлении подчеркивает, что руководить страной – ответственное дело и большая честь: *«Возглавлять Российское государство, работать для нашего народа – это великая ответственность и великая честь»*. Иными словами, по мнению политика, деятельность президента связана с необходимостью давать отчет в своих действиях, с обязанностью отвечать за их возможные последствия, воспринимается как важное и серьезное дело (Кузнецов, 2004, с. 469), которое в свою очередь вызывает почет и уважение (с. 924). В целях усиления речевого воздействия на аудиторию Д. А. Медведев использует в рамках одного предложения такие риторические

¹² Выступление В. В. Путина на церемонии вступления в должность Президента России (2000, 7 мая). Взято 1 декабря 2021, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21399>

¹³ Обращение В. В. Путина к гражданам страны при вступлении в должность Президента России (2004, 7 мая). Взято 1 декабря 2021, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22452>

¹⁴ Выступление В. В. Путина на церемонии вступления Д. А. Медведева в должность Президента России (2008, 7 мая). Взято 1 декабря 2021, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/2>

приемы, как синтаксический параллелизм и лексические повторы. В контексте произнесения торжественной политической речи согласование прилагательного *великий* со словами *ответственность* и *честь* приводит к смысловому обогащению прилагательного, сращиванию сем «огромный» и «выдающийся по своему значению».

Одним из языковых средств экспликации темы «президент» являются предложения, в которых политик обозначает свои действия. Для этого необходимо выявить предложения, где на первый план выдвигается «Я-тема». Это предложения со структурой «я + предикат» или определенно-личные предложения, где глагольная форма позволяет легко восстанавливать Я-субъект.

Лингвистический анализ позволил определить в выступлении Д. А. Медведева 7 грамматических основ предложений с Я-подлежащим. Далее рассмотрим те сказуемые, которые выражены глаголом: *руководствоваться*, *хотеть*, *благодарить*, *желать*, *быть* (нулевая связка). Распределив глаголы по тематическим группам на основе идеографического словаря (Бабенко, 1999), мы выяснили, что президент занимается интеллектуальной (*руководствоваться*), социальной (*хотеть*), речевой деятельностью (*благодарить*, *желать*). Добавим, что Д. А. Медведев преимущественно использует глаголы настоящего времени несовершенного вида, выражающие действие в процессе его протекания в актуальном переживаемом моменте. Иными словами, преимущественно действия президента ограничены временными рамками актуальной коммуникативной ситуации сложения полномочий.

Полагаем, что свобода играет важную роль в системе политических ценностей Д. А. Медведева. Уже в предвыборной речи на V Красноярском экономическом форуме он подчеркивал: *«В основе нашей политики должен лежать принцип, который, я считаю, несмотря на всю его очевидность, важнейшим для деятельности любого современного государства, стремящегося к достижению высоких стандартов в жизни: свобода лучше, чем несвобода. Речь идет о свободе во всех ее проявлениях – о личной свободе, об экономической свободе, наконец, о свободе самовыражения. Считаю достижение гармонии между свободой и правопорядком самым важным на данном этапе»*. Со временем фраза «Свобода лучше, чем несвобода» стала своеобразным политическим лозунгом и запоминающимся изречением политика.

Отметим значимость в семантической структуре выступления контекстов, в которых употребляется слово *свобода*. Во-первых, когда речь идет об определении должности президента, указывается, что он является гарантом *«прав и свобод человека и гражданина»*. Во-вторых, Д. А. Медведев, описывая результаты своей политической деятельности, отмечает, что он работал, *«делая все для того, чтобы они [люди] были свободны и уверенно смотрели в будущее»*. В-третьих, свобода представлена как национально-культурная особенность россиян (*«Ведь всех нас объединяет стремление <...> к свободе»*).

Несмотря на завершение срока исполнения должности, Д. А. Медведев намерен продолжать активно заниматься политической деятельностью: *«Нам еще очень многое предстоит сделать»*. В этом предложении находят свое языковое воплощение такие семантические категории, как объем (*очень многое*), результативность и будущее (*предстоит сделать*), совместность (*нам*), возможность для осуществления чего-либо (*еще*).

Одна из речевых интенций заключительного выступления президента – это выражение благодарности. Отличительной чертой выступления Д. А. Медведева является наличие двух адресатов, которым президент выражает признательность: группа поддержки и граждане страны. Президент благодарит поддерживавших его людей за доверие, помощь, сопереживание и совместную деятельность: *«Завершая работу на посту главы государства, хочу поблагодарить всех, кто поддерживал меня все эти годы. Благодарю вас за то огромное доверие, которое вы оказали мне, за вашу помощь, за ваше сопереживание. За то, что мы были вместе»*.

Примечательно, что контекстуально формируется социальное разграничение: те, кто поддерживал президента, и граждане России. Объекты благодарности выделены композиционно, при помощи двух различных абзацев. Они отличаются по степени детализации описания: подробное объемное изложение признательности группе поддержки и лаконичное спасибо гражданам страны. При восприятии текста может возникнуть вопрос: Кто составляет эту группу поддержки, и почему граждане России не включены в нее? Попробуем реконструировать эту группу, используя лексическое значение слов. Итак, те люди, которых благодарит Д. А. Медведев, были убеждены в его искренности, честности и добросовестности (*доверие*) (Кузнецов, 2004, с. 166), они содействовали президенту (*помощь*) (с. 574), они переживали/пережили с президентом сложные ситуации (*сопереживание*) (с. 774), совместно осуществляли какие-либо действия (*вместе*) (с. 82). Вероятно, президент высоко ценит группу поддержки, поскольку счел нужным отдельно поблагодарить ее в своей заключительной речи.

Отметим, что речевая интенция благодарности эксплицитно выражена в выступлении Д. А. Медведева и реализуется в церемониале инаугурации в форме семантической последовательности: благодарность Вооруженным силам – благодарность тем, кто поддерживал, – благодарность гражданам России.

Завершая выступление, Д. А. Медведев обращается с пожеланием к избранному президенту: *«Желаю Владимиру Владимировичу Путину успехов в должности Президента России, в его работе для нашей страны, для наших людей!»* Известно, что в русской ментальности успех – это «высшее достижение предпринятых спешно и споро личных усилий и действий, которые успели вовремя и принесли заслуженную благодарность заинтересованных лиц и даже общественное признание» (Колесов и др., 2014, с. 437).

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что дискурс-анализ тематической структуры выступления позволяет выявить идеологические представления, значимые в картине мира политика. Кроме того, семантические макропропозиции, управляя процессами внимания, влияют на понимание и усвоение политических знаний, эксплицитированных в тексте.

Символический переход государственной власти от действующего президента к избранному осуществляется при помощи определенного следования речевых действий: выступление действующего президента – слово председателя Конституционного суда – присяга избранного президента – слово председателя

Конституционного суда – инаугурационная речь вступившего в должность президента.

Основная интенция заключительной речи президента – представить обществу итоги своей государственной деятельности и определить перспективы дальнейшего развития страны.

Основной коммуникативной стратегией заключительного выступления Д. А. Медведева является стратегия персуазивности, направленная на убеждение аудитории и на формирование положительного общественного мнения об итогах его деятельности в должности президента.

Тематическая структура заключительной речи Д. А. Медведева включает в себя следующие содержательные элементы: достижения страны в период правления президента; испытания; образ будущего страны; президент.

Ключевые слова заключительного обращения (*мы, весь, я, Россия, наш, человек, гражданин, президент, государство, быть, работа, страна*) создают смысловой стержень выступления, обеспечивают тематическое единство текста и отражают своеобразие политических воззрений президента.

Политик формулирует достижения страны в период исполнения им должности президента в виде четырех тезисов. Во-первых, были продолжены ранее начатые экономические и политические преобразования, произошли положительные изменения в общественной жизни страны. Во-вторых, несмотря на глобальный экономический кризис, государство выполнило свои социальные обязательства. В-третьих, началась модернизация экономики. В-четвертых, улучшился диалог и сотрудничество между властью и гражданами.

Тема экономических и военно-политических испытаний раскрывается через описание их успешного и совместного преодоления.

Когнитивная схема понятия «президент» состоит из следующих элементов: опыт, знание, осведомленность, одобрение гражданами политического курса и работа.

Образ будущего содержит такие политические понятия, как государство, закон, справедливость, безопасность, свобода и человек.

Заключительное выступление Д. А. Медведева устанавливает интертекстуальные связи с Конституцией Российской Федерации, его собственной инаугурационной речью и инаугурационными речами В. В. Путина.

Нам представляется важным дальнейшее изучение жанровой системы русского политического дискурса, поскольку жанры президентской речи отражают изменения в политической жизни страны и общества, политические интересы главы государства, а также позволяют увидеть в жанрах и через жанры движение политических процессов.

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. (Ред.). (1999). *Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. М.: АСТ-Пресс.
2. Гаврилова, М. В. (2011). Некоторые черты речевого портрета президента России Д. А. Медведева. *Вестник Тверского государственного университета*.

Серия: Филология, (3), 4–10.

3. Гаврилова, М. В. (2021a). Идейно-тематические особенности выступления уходящего с должности президента России. *Политическая лингвистика*, (3), 37–48. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_03

4. Гаврилова, М. В. (2021b). «Передавая сегодня символ государственной власти...» – дискурсивные особенности выступления уходящего с должности президента России. *Дискурс-Пи*, 18(1), 31–47. <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-31-47>

5. Дейк, Т. А. ван. (1989). *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Прогресс.

6. Ермаков, А. Е. (2000). Тематический анализ текста с выявлением сверхфразовой структуры. *Информационные технологии*, (11), 37–40.

7. Иванова, А. И. (2011). «Мы и Россия сегодня»: лингвистический анализ твиттер-платформы президента Дмитрия Медведева. *Политическая лингвистика*, (2), 104–107.

8. Колесов, В. В., Колесова, Д. В., Харитонов, А. А. (2014). *Словарь русской ментальности*: в 2 т. Т. 2. СПб.: Златоуст.

9. Кузнецов, С. А. (Ред.). (2004). *Современный толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт.

10. Сладкевич, Ж. Р. (2016). Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Беларуси и Польши за 2000–2015 гг.). *Политическая наука*, (3), 168–193.

References

1. Babenko, L. G. (Ed.). (1999). *Tolkovij slovar' russkix glagolov: ideograficheskoe opisanie. Anglijskie e'kvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-Press.

2. Dijk, T. A. (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress.

3. Ermakov, A. E. (2000). Tematicheskij analiz teksta s vyyavleniem sverxfrazovoj struktury [Thematic analysis of the text with the identification of superphrasal structure]. *Informacionnye texnologii*, (11), 37–40.

4. Gavrilova, M. V. (2011). Nekotorye cherty rechevogo portreta prezidenta Rossii D. A. Medvedeva [Some features of a rhetoric portrait of Russian President D. A. Medvedev]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija*, (3), 4–10.

5. Gavrilova, M. V. (2021a). Idejno-tematicheskie osobennosti vystupleniya uxodyashhego s dolzhnosti prezidenta Rossii [Ideological and thematic features of the outgoing Russian President's speech]. *Politicheskaya lingvistika*, (3), 37–48. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_03

6. Gavrilova, M. V. (2021b). «Peredavaya segodnya simvol gosudarstvennoj vlasti...» – diskursivnye osobennosti vystupleniya uxodyashhego s dolzhnosti prezidenta Rossii [“Transmitting today a symbol of state power” – discursive features of the outgoing President's speech]. *Discourse-P*, 18(1), 31–47. <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-31-47>

org/10.24412/1817-9568-2021-1-31-47

7. Ivanova, A. I. (2011). «My I Rossija segodnja»: lingvističeskij analiz tvitter-platformy prezidenta Dmitrija Medvedeva [“We and Russia today”: Linguistic analysis of Dmitry Medvedev’s Twitter account]. *Politicheskaja lingvistika*, (2), 104–107.

8. Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., & Kharitonov, A. A. (2014). *Slovar’ russkoj mental’nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. Vol. 2. Saint Petersburg: Zlatoust.

9. Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2004). *Sovremennyj tolkovyj slovar’ russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint.

10. Sladkevich, Zh. R. (2016). Organizacija semiotičeskogo prostranstva novogodnego pozdravleniya prezidenta (na materiale novogodnix obrashhenij prezidentov Rossii, Belarusi i Pol’shi za 2000–2015 gg.) [The organization of the semiotic space of the New Year’s President’s greetings (based on the New Year messages of the Presidents of Russia, Belarus and Poland in 2000–2015)]. *Politicheskaja nauka*, (3), 168–193.

Информация об авторе

Марина Владимировна Гаврилова, доктор филологических наук, профессор кафедры драматургии и киноведения, факультет экранных искусств Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9100-7694>, e-mail: politlinguistics@yandex.ru

Information about the author

Marina Vladimirovna Gavrilova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Drama and Film Studies, Faculty of Screen Arts, St. Petersburg State University of Film and Television, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9100-7694>, e-mail: politlinguistics@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО В РАМКАХ ПОСТАЛЬТЮССЕРИАНСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Сергей Александрович Ребров,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
naruto639@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Ребров С. А. Понятие политического в рамках постальтюссерианской парадигмы // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 28–42. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_28

Аннотация

Французский мыслитель Л. Альтюссер известен в первую очередь как основоположник структуралистского марксизма – философского течения, зародившегося в 60–70-е гг. XX столетия и основанного на новой интерпретации учения К. Маркса. Этот подход ставит под сомнение отсутствие самостоятельного статуса у политического внутри марксистской интеллектуальной традиции, что зачастую выражалось в экономической интерпретации любого политического процесса. Кроме того, Л. Альтюссер стал основателем собственной научной школы, влияние которой испытали многие ключевые представители современной политической философии. Цель настоящего исследования заключается в характеристике эволюции постальтюссерианской политической философии на основе сравнения идей ее некоторых представителей с исходными текстами Л. Альтюссера. Автор статьи с опорой на герменевтический метод П. Рикёра стремится выстроить общую генеалогию различных направлений постальтюссерианской теории, анализируя работы таких мыслителей, как Э. Балибар, А. Негри, Ж. Рансьер, А. Бадью, Э. Лаклау, Ш. Муфф. В процессе исследования доказываем, что наиболее существенные различия между подходами данных мыслителей заключаются в их оригинальных интерпретациях политики и политического как

© Ребров С.А., 2022

базовых понятий политической философии. На основе сравнительного анализа автор статьи выделяет три ключевых направления современного постальтюссеризма и приходит к выводу, что представители данных направлений опираются на произведения французского философа, относящиеся к разным периодам его творчества. Дальнейшее расхождение в интерпретации альтюссеровского наследия происходило под влиянием других направлений социально-политической философии, в том числе операизма, делезианства, грамшианства, шмиттианства. Все это в конечном итоге привело к формированию различных подходов к определению политического в рамках постальтюссеризанской парадигмы.

Ключевые слова:

марксизм, постмарксизм, политическая философия, Альтюссер, постальтюссеризм, гегемония, множество, антагонизм, эмансипация.

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_28

THE CONCEPT OF THE POLITICAL IN THE POST-ALTHUSSERIAN PARADIGM

Sergey A. Rebrov,

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia,
naruto639@mail.ru

Article received on December 10, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Rebrov, S.A. (2022). The Concept of the Political In the Post-Althusserian Paradigm. *Discourse-P*, 19(1), 28–42. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_28

Abstract

The French thinker Louis Althusser is known primarily as a founder of Structural Marxism – a philosophical trend that originated in the 60s and 70s of the 20th century and based on the new interpretation of Marx's theory. This approach calls into question the lack of independent status of the political within the Marxist intellectual tradition, which was often expressed in the economic interpretation of any political process. In addition, Althusser was also the founder of his own scientific school, the influence of which was experienced by many key representatives of modern political philosophy. The purpose of this research is to characterize the evolution of the post-Althusserian political philosophy on the basis of comparing the ideas of some of its representatives with the source texts of Althusser. The author of the article, relying on the hermeneutical method of P. Riker, tries to build a general genealogy of various trends of post-Althusserianism, analyzing

the works of such thinkers as E. Balibar, A. Negri, J. Ranciere, A. Badiou, E. Laclau, and Ch. Mouffe. The study reveals that the most significant differences between the approaches of these authors are in their original interpretations of policy and the political as fundamental concepts of political philosophy. Based on a comparative analysis, the author of the article identifies three key directions of modern post-Althusserianism and comes to the conclusion that their representatives rely on Althusser's works belonging to different periods of his oeuvre. Further divergence in interpretation of the Althusserian legacy occurred under the influence of other directions of socio-political philosophy, including Workerism (or Operaismo), theories of G. Deleuze, A. Gramsci, and C. Schmitt. Eventually, all this has led to the formation of various approaches to the definition of the political in the post-Althusserian paradigm.

Keywords:

marxism, post-marxism, political philosophy, Althusser, post-Althusserianism, hegemony, multitude, antagonism, emancipation.

Введение

В контексте современных дискуссий о политическом как об одном из базовых концептов современного философского знания теоретики марксизма исторически занимали неоднозначную сторону. Несмотря на жесткие позиции в отношении задач осмысления политической борьбы социальных классов, многочисленные сторонники К. Маркса всячески подчеркивали ограниченность политики как исключительной сферы классовых обществ, которой, в свою очередь, просто не должно быть места в будущем коммунистическом обществе по причине неизбежного снятия (нем. *Aufhebung*) данного типа противоречий. Так, даже современный неомарксистский теоретик Ф. Джеймсон справедливо указывает на парадоксальное сходство марксизма и либерализма в теме общего стремления к абсолютной рационализации системы управления посредством замены политики всеобщей экономической выгодой. Продолжая данную линию аргументации, Ф. Джеймсон описывает необходимость постепенного отказа от политической мысли как от духовного следствия процесса всеобщего отчуждения (Jameson, 1992, p. 265). В схожем ключе рассуждает и современный политический теоретик П. Розанваллон, рассматривающий учение Маркса в плоскости продолжения рыночной утопии А. Смита (Розанваллон, 2007, с. 192).

Так или иначе, проблематика политического внутри марксистской интеллектуальной традиции изначально не имела самостоятельного статуса, что зачастую выражалось в экономической интерпретации любого политического процесса. Однако уже во второй половине XX в. данный аспект наследия Маркса был подвергнут существенной критике, во многом связанной с именем французского мыслителя Л. Альтюссера, предложившего новый подход к пониманию задач политической философии как дисциплины. Последующее поколение его учеников, отдельные представители которого в разной степени отстранились от исходных постулатов общего направления, внесли существенный вклад в общий контекст реинтерпретации базовых оснований политической мысли

как таковой. Дальнейшее зарождение постмарксизма как широкого спектра различных направлений критической теории ключевым образом касалось мыслителей-постальтюссерянцев, многие из которых до сих пор остаются ключевыми фигурами современной политической философии.

То обстоятельство, что альтюссерянское понимание сферы политического имело широкое пространство для дальнейшей рецепции данного подхода среди ряда его бывших учеников и последователей, в конечном итоге послужило причиной для разделения отдельных представителей некогда единой школы. Последующее закрепление сторонников той или иной линии постальтюссерянской теории за конкретной интерпретацией политики как базовой категории человеческих взаимоотношений и послужило возникновению трех направлений мысли среди бывших сторонников Л. Альтюссера. Стоит особо отметить, что сравнительный анализ данных течений демонстрирует, что между ними существуют как общие точки согласия по определенным идейно-теоретическим вопросам (наподобие критического отношения к любым возможным концепциям «гармоничного общества»), так и значительные расхождения. Так, сторонники спинозистской линии (Э. Балибар, А. Негри) настаивают на необходимости политизации всех возможных областей социальной жизни населения с целью ликвидации современной структуры власти капитала и государства. В это же время теоретики гегемонистского направления (Э. Лаклау, Ш. Муфф) подчеркивают непосредственно антагонистический характер самой сферы политического, регулирующей посредством постоянной борьбы за гегемонию со стороны тех или иных социальных групп, идентичность которых находится в постоянном становлении. На контрасте с обоими вышеописанными направлениями теоретики ультраполитики (Ж. Рансьер, А. Бадью) рассматривают саму по себе политику в качестве крайне редкого явления, базовые характеристики которого относятся к исключительному событию подрыва устоявшейся системы иерархии. С этой точки зрения сама политическая философия как дисциплина, претендующая на наиболее точное осмысление политики, должна быть отброшена вследствие ее неразрывной связи с существующей системой классового господства (Бадью, 2005, с. 103–104).

Цель данной статьи – проанализировать различные направления эволюции постальтюссерянской политической философии в контексте общего сравнения их позиций с исходным источником в виде корпуса текстов Л. Альтюссера. Пользуясь классификацией постальтюссерянских теорий политической субъективности, которая в свое время была предложена С. Жижekom (2014, с. 233–235), мы, тем не менее, поставили перед собой задачу – модернизировать его типологию за счет новых источников, способствующих более содержательному пониманию базовых постулатов постструктуралистской интерпретации марксизма. В рамках построения новой системы классификации различных течений современного постальтюссерянства нами были подробно проанализированы ключевые особенности использования таких понятий, как «политика» и «политическое» среди наиболее известных учеников и последователей Л. Альтюссера. Опираясь на совокупность методик философской герменевтики, разработанную в конце 1960-х гг. французским философом П. Рикёром (2008), нами было проведено качественное сравнение отдельных положений исходной мысли создателя школы структуралистского марксизма, что в контексте после-

дующей реинтерпретации его идей послужило основанием для формирования собственной позиции в отношении его конкретных произведений.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что непосредственно разрыв в понимании сущности политики как базовой категории всей политической философии послужил главной причиной размежевания различных постальтюссерианцев друг от друга, что, в свою очередь, способствовало сближению их подходов с рядом альтернативных традиций в истории политической философии (шмиттианство, Спинозизм и др.). В этой связи основным объектом нашего исследования является интерпретация понятия политического в работах представителей трех направлений постальтюссерианской философской мысли: спинозистского, ультраполитического и гегемонистского.

Результаты исследования

Основу постальтюссерианских теорий политической субъективности, как впрочем и всей постсовременной политической философии, составляла критика предшествующих традиций понимания сущности политики как одной из центральных категорий философского знания. Вспоминая историко-философскую типологию Л. Штрауса, разделившего историю политического знания на классический и современный этапы (подробнее см. Штраус, 2000), стоит подчеркнуть, что нынешние политические теоретики в своей массе выступают против как морального универсализма классических мыслителей, так и против геоцентристских амбиций политических философов Нового времени, связанных с поиском универсального объяснительного принципа всей структуры социальной жизни всего человеческого общества. Критический анализ классической философии, представители которой на уровне базовых посылок стремились к созданию максимально обобщающих понятий, основанных на качественных характеристиках всего человеческого бытия, позволил постальтюссерианцам максимально уйти от универсалистских схем предшествующих парадигм в истории политического знания. Другими словами, большинство нынешних представлений о назначении политического исходит из определения самой политики как процедуры выхода за пределы существующей системы иерархии, построенной на сдерживании революционного потенциала широких масс (а не средства классического осуществления власти). В этом смысле точка зрения нескольких учеников и последователей Альтюссера напрямую соответствует данному ходу мысли.

Касаясь базового основания различных направлений постальтюссерианской теории, стоит подчеркнуть, что основной корпус текстов Л. Альтюссера не содержал в себе фундаментальных произведений, посвященных непосредственно определению политики и политического. Несмотря на то, что публикация посмертных рукописей французского мыслителя полностью перевернула традиционные представления о характере его политической философии, прижизненные работы Альтюссера лишь вскользь касались определения политики как категории философского знания. Вместе с этим, как указывает греческий исследователь П. Сотирис, уже концепция сверхдетерминации содержала в себе теоретическое обоснование возможности политического вмешательства в объективный структурный процесс с целью его дальнейшего преобразования (Sotiris, 2020, p. 340). Помимо данного аспекта творчества создателя школы

структуралистского марксизма, уже в его прижизненных работах содержалась масштабная критика гуманистического понимания истории как процесса всеобщего отчуждения, стремящегося к возвращению некой исходной сущности всего человечества. Посредством радикального антитеологизма, ставшего основанием для альтюссеровской интерпретации истории как бессубъектного процесса, французский философ отстаивал принцип отсутствия некой изначальной структуры, развивающейся по заранее обозначенным принципам исходного объекта. Главной мишенью критики Альтюссера в данном контексте становились многочисленные историцистские направления социальной гармонизации общественных взаимоотношений, которые в рамках его системы связывались с именами таких мыслителей, как Г. Гегель и Л. Фейербах (Althusser, 2003).

Другим ключевым аспектом наследия Альтюссера, который помимо всего прочего в настоящее время рассматривается исследователями в качестве центрального элемента его понимания сферы политического, остается материалистическая интерпретация мысли Н. Макиавелли, являющаяся, по словам самого французского философа, первым в истории примером анализа политической конъюнктуры. В противовес гегельянскому проекту универсальной истории, подчиняющейся общим законам движения абсолютного духа, Альтюссер использовал конъюнктурный характер логики текущего момента политической реальности, существующей в режиме реального времени посредством столкновения внутренних акторов. С этой точки зрения подлинными характеристиками материалистического взгляда на процесс политического противостояния антагонистических групп обладает лишь та система мысли, что основана на учете всех возможных последствий объективного столкновения враждующих сторон. В этом смысле макиавеллистская теория конъюнктуры изначально исходила из случайной природы самой ситуации, развивающейся в отсутствие определяющего центра (Althusser, 1999, p. 18). Несмотря на то обстоятельство, что письменные работы Альтюссера, содержащие подробное описание его материалистического взгляда на политический процесс, стали доступны лишь в 1990-е гг., уже в работах многих его бывших учеников и последователей высказывались схожие идеи, которые тем не менее имели лишь косвенное отношение к потайному проекту материалистической критики истории политической философии самого Альтюссера.

По справедливому замечанию Д. Уэста (2015), вся постклассическая философия использовала критику классического картезианского субъекта в качестве отправной точки построения собственных систем (с. 269). В контексте непосредственно политической теории данный аспект по большей части касался как критики государства как базовой сферы политических отношений, так и поиска новых моделей революционной субъектности, отвечающих вызовам современного постиндустриального общества. Итоговый процесс поиска форм новых политических субъектов в конечном итоге привел ряд бывших сторонников Альтюссера к необходимости обращения к спинозистской стороне его учения, направленной в сторону политики множества. Анализируя современные формы политических протестов, французский философ Э. Балибар пересмотрел многие положения традиционного альтюссеризма, что сблизило его точку зрения с подходом итальянского политического теоретика А. Негри, который на определенном этапе также испытал влияние альтюссеровской интерпретации

учения К. Маркса. Опуская многие различия концептуальных систем данных мыслителей, нельзя не подчеркнуть, что эволюция их подходов в настоящее время напрямую соотносится с реактуализацией политической философии Б. Спинозы, мысль которого в этом случае и становится основанием для теоретиков спинозистской линии постальтюссериянства. Аномальный характер учения Спинозы, которое уже в период формирования национальных государств строилось на обосновании творческого потенциала множества, имеющего перво-степенный характер по отношению к структурам государственной власти, как раз и послужил основой для марксистской интерпретации его учения (Negri, 1991, p. 10). Последующее противостояние спинозизма и гегельянства в интерпретации Негри развивалось в том числе за счет противопоставления радикальной имманентности, характеризующейся внутренней нестабильностью, трансцендентному диалектическому опосредованию, стремящемуся к снятию любых форм отчуждения и неопределенности. То есть знаменитый спинозистский бог в этом смысле рассматривался в качестве имманентной причины, существующей исключительно во внутренних аффектах, что тесно переплетается с альтюссеровским понятием структурной причинности (фр. *causalité structurelle*), которое сам философ использовал в противовес историческому телеологизму Гегеля.

Так или иначе, дальнейшие дискуссии о качественных характеристиках нового революционного субъекта, способного к радикальному переустройству существующей системы классовой иерархии, ключевым образом повлияли на формирование спинозистского течения постальтюссериянства. Классические подходы к определению политического субъекта исторически обосновывались различными теоретиками в зависимости от структуры тогдашней государственной власти, что фактически и создало все предпосылки для кризиса традиционных моделей политической субъектности. В этом смысле наиболее известное столкновение понятий в истории политической философии описывалось теоретиками данного направления как противостояние гоббсианского понятия народа (лат. *populus*), основанного на идее учреждения суверенной власти посредством народного волеизъявления, и спинозистского понятия множества (лат. *multitudo*), отрицающего абсолютистский характер любой государственной власти (Вирно, 2013, с. 10–11). Сама традиция восприятия множества как возможной угрозы любой устоявшейся системе правопорядка привела к забвению политической мысли Спинозы на многие столетия, что, однако, быстро изменилось в процессе зарождения постиндустриального общества в XX в. По мысли А. Негри, нынешняя структура глобального суверенитета («Империя» в его терминологии) наследует трансцендентный характер классической политической мысли, теоретики которой мыслили государство в качестве воплощения смертного бога, порожденного непосредственно народным волеизъявлением. Экономический же тип власти, существующий в форме капитала, напротив, действует сквозь сеть имманентных потоков, стремясь к постоянному расширению контролируемых территорий. В данном аспекте подход Негри тесно переплетается с концептуальной системой Ж. Делёза и Ф. Гваттари (Делёз, Гваттари, 2010, с. 119). То есть определение множественности различных субъективностей, подчиняющихся случайной логике сборки (фр. *agencement*), использовалось теоретиками спинозистского направления в качестве базовой характеристики современной политики, направленной на сопротивления мно-

жества глобальному суверену. Стоит особым образом подчеркнуть, что именно данный аспект интерпретации политики как множественности различных сингулярностей, качественно отличает подход Балибара и Негри от остальных направлений постальтюдосерианской парадигмы, представители которых отстаивали антагонистический характер сферы политического как объективного столкновения равных соперников.

В контексте сравнения концептуальных систем А. Негри и Э. Балибара можно обратить внимание на то, что ключевые понятия их политической философии строятся вокруг различных элементов современной социальной жизни. Так, исходной посылкой точки зрения Балибара становится необходимость преодоления разрыва между сферами индивидуального и коллективного, препятствующего дальнейшей эмансипации широких масс. С этой целью французский философ ввел понятие «трансиндивидуальность» (фр. *le transindividuel*), позволяющее объединить разрозненные идентичности, существующие в общем поле социальных взаимоотношений индивидов и групп, в пространстве прозрачной коммуникации, которая с этой же точки зрения рассматривается в качестве возможного будущего (Balibar, 2002, p. 171). Параллельно с преодолением оппозиций между индивидуальностью и коллективностью подход Балибара также изначально строился вокруг низового сопротивления масс непосредственно структурам трансцендентной власти, сдерживающей творческий потенциал участников низового протеста. Несмотря на то обстоятельство, что сам французский философ в данном контексте не использовал концепт множества, являющийся основным понятием политической философии А. Негри, его интерпретация современного политического протеста как формы имманентной субъектности, противостоящей властной структуре симбиоза государства и капитала, полностью вписывается в современную спинозистскую традицию интерпретации сферы политического, которая с течением времени обязана исчезнуть посредством гармонизации социальных различий.

В противоположность данному направлению постальтюдосерианства, теории ультраполитического течения настаивают на неисчерпаемом характере политики как процесса постоянного обновления существующих систем иерархии, каждая из которых рано или поздно встает на пути политической эмансипации, которая как раз и рассматривается сторонниками данного направления в качестве синонима политики как таковой. С этой точки зрения многочисленные устремления спинозистов по ликвидации сферы политического посредством упразднения всех возможных структур трансцендентной власти, которые в противовес низовым общественным организациям являются паразитическими состояниями, изначально основаны на их собственном страхе перед настоящей политической эмансипацией по причине возможной угрозы стандартизации различных сингулярностей внутри жестких социальных единств. То есть политика в этом случае становится отнюдь не институцией власти, но той силой, что объективно противостоит любому виду социального структурирования, стремящегося к распределению закрепленных мест всех участников единого процесса (Саркисянц, 2016, с. 20). Преодолевая традиционный взгляд на неизбежное противопоставление государства обществу как искусственной структуры естественному образованию, Ж. Рансьер использовал термин «полиция» в качестве базовой характеристики любой символической сети учета всех возможных

действий конкретных индивидов и групп. Другими словами, любое крупное объединение отныне могло использовать полицейскую логику структуризации всех возможных изменений, посягающих на базовые основания самого восприятия существующей системы издержек и противовесов.

Традиционный для политической философии поиск наилучшего государственного устройства, который так или иначе неявно присутствовал у сторонников спинозистской линии постальтюссерианства, отрицался теоретиками ультраполитики по причине полицейского содержания самой постановки данного вопроса. Неслучайно в рамках продолжения данного тезиса сам Рансьер склонялся к негативной оценке политической философии как дисциплины, которая еще со времен диалогов Платона полностью выстраивалась по логике абсолютной ликвидации политики внутри проекта идеального полиса (Рансьер, 2013, с. 13). Многочисленные попытки структуризации политического процесса со стороны социологических или этических теорий также рассматривались французским философом в качестве торжества непосредственно полицейской логики внутри гуманитарного знания как такового. С учетом того, что процесс политической эмансипации по Рансьеру противостоит любым полицейским структурам его подчинения, политика становится внезапным событием, способным к подрыву всей устоявшейся системы иерархий (вне зависимости от степени ее демократичности). По этой причине представители ультраполитического направления изначально выстраивали собственный подход в контексте острейшей критики рационалистического понимания сферы политического, теоретики которого стремились к созданию максимально достоверного знания о политической практике различных индивидов и групп. В свое время с аналогичной целью возникла и политическая наука как область социогуманитарного знания, против которой выступал и Ж. Рансьер.

Именно с критики подобной задачи, которую еще на раннем этапе собственного творчества поставил перед собой Л. Альтюссер, фактически началось постальтюссерианство как направление мысли. Так, наиболее острой критике со стороны Рансьера подверглась непосредственно альтюссеровская политика теории, обосновывающая классовый характер марксистской теории как подлинно пролетарского мировоззрения. В сравнении с платоновской идеей государства философов, идеи которых в общественном сознании рассматриваются в качестве обоснования общего блага всего населения полиса, критика данного подхода Рансьером заключалась в обнаружении скрытого платонизма внутри теории Альтюссера, выступающего фактическим ретранслятором полицейской логики внутри лагеря коммунистической интеллигенции (Rancière, 2011, pp. 76–77). Опуская конкретные обстоятельства пересмотра Альтюссером своих изначальных позиций, от которых он отошел уже в 1970-е гг., стоит отметить, что данная особенность фактически послужила отправной точкой для формирования оригинальной системы концептов как самого Рансьера, так и А. Бадью, выступившего с альтернативной позицией критики политической философии.

Посредством отбрасывания самой по себе сферы политического, которая, с точки зрения Бадью, выполняет исключительную функцию сдерживания подлинной политики как относительно редкого явления, пробивающего барьер существующей системы подавления истины, философ ставит перед собой цель – ликвидировать политическую философию как область знания (Бадью, 2005,

с. 53–54). То есть, как и в случае с Рансьером, политика в данном контексте теряет какую-либо связь с институтами государственной власти, превращаясь в некое подобие революционного события, преобразующего действительность. Преодоление метаполитического характера марксистского учения, обосновывающего необходимость ликвидации политики как неотъемлемой черты любого классового общества, в конечном итоге и стало главным отличительным признаком теоретиков ультраполитики, которые в противовес сторонникам спинозистской линии постальтюссеррианства настаивали на бесконечном характере политической эмансипации как возможности постоянного преодоления существующих границ.

Вместе с тем наиболее слабой стороной представителей ультраполитического постальтюссеррианства становится общая ограниченность их интерпретации политики как исключительного восстания неучтенных сообществ. За счет ограничения политической сферы структурами низовой субъектности, которые в рамках любой ситуации обязаны рассматриваться теоретиками в качестве подлинно политического субъекта, противостоящего аппаратам полицейской системы ранжирования, Рансьер и Бадью фактически осуществляют возврат к классическому гуманизму, базирующемуся на необходимости защиты всех угнетенных сообществ.

Невозможность политики сверху, которая в рамках данной системы концептов неизбежно утрачивает политическое содержание, автоматически означает, что любая аналогичная форма иерархической власти неизбежно соединится с существующими полицейскими структурами, что, в свою очередь, предполагает отсутствие какой-либо позитивной программы по преобразованию общества. В данном аспекте можно согласиться с точкой зрения С. Жижека (2014), интерпретирующего радикальное противопоставление политики и полиции по аналогии с истерическими провокациями, принятыми внутри психоаналитического дискурса (с. 326).

Так или иначе, необходимость сохранения антагонистического понимания сферы политического в совокупности с преодолением современного социалистического гуманизма, базирующегося на традиционной защите угнетенных сообществ, способствовали возникновению третьей ветви постальтюссеррианской философии, связанной с именами Э. Лаклау и Ш. Муфф. Посредством радикализации отдельных положений политической философии Альтюссера, не совершившего, по мнению сторонников гегемонистского направления, окончательного разрыва с марксистским экономикоцентризмом, Лаклау и Муфф полностью отказались от структуры экономического базиса как от своеобразной субстанции любого политического процесса (Laclau & Mouffe, 2001, p. 98). Политическая критика экономической идеологии классического марксизма в рамках их подхода заключалась в интерпретации самой по себе категории политического как первопричины любых социальных взаимоотношений. То есть именно политический антагонизм, существующий практически во всех сферах общественной жизни, отныне становился базовой характеристикой структуры тех или иных областей (в том числе экономики). Обращаясь к альтюссерровской концепции сверхдетерминации, Лаклау и Муфф стремились обосновать практику политического подчинения экономических структур воле того или иного коллективного субъекта, одержавшего победу в дискурсивной борьбе

за гегемонию. За счет гибридизации учения Альтюссера с подходом А. Грамши и рядом концептуальных систем отдельных представителей постструктурализма сторонники гегемонистского направления предложили рассматривать сам факт столкновения различных сообществ, стремящихся к подчинению механизмов производства нормативных дискурсов, в качестве первопричины формирования любых социальных структур. В рамках данного подхода политическое как таковое утрачивало характеристики надстроечного элемента по отношению к экономическому базису, порождающему все остальные сферы общественной жизни. Таким образом, политическое предшествовало социальному, которое в процессе постоянного противостояния разрозненных сообществ и групп создается за счет исхода политического конфликта различных дискурсивных формаций.

Критические выпады Лаклау и Муффа против социологических теорий единого общества как учредителя того или иного политического порядка в первую очередь касались их общего подхода к конструированию социальной идентичности посредством тех или иных форм политического конфликта. В частности, интерпретируя фиксированные структуры единого общественного организма в русле философского эссенциализма и теории идеологии Альтюссера, Лаклау рассматривал социальную совокупность индивидов и групп в качестве бесконечной игры различий, каждое из которых находится в процессе постоянного становления в борьбе за гегемонию собственной идентичности (Лаклау, 2003, с. 55). Таким образом, как и в случае с теоретиками ультраполитического направления, Лаклау и Муфф отказываются от восприятия политики как одной из сфер общественной жизни (наряду с культурой или экономикой). Однако в противовес интерпретации политики как эмансипаторного события, противостоящего существующей системе иерархии, сторонники гегемонистской линии рассматривали политическое в качестве первопричины любой существующей социальной структуры, возникшей в процессе столкновения многочисленных дискурсивных формаций. Вместо вертикального противостояния угнетенных сообществ и структурирующих практик полицейской системы (в терминологии Рансьера) теоретики гегемонии обратились к подходу К. Шмитта, позиция которого касалась интерпретации политической сферы как самой возможности противостояния друзей и врагов (Mouffe, 2005, p. 120).

В контексте перспектив политизации любой области современной общественной жизни Ш. Муфф делает акцент на бессмысленности телеологических установок по построению общества прозрачной коммуникации, основанного на открытых механизмах взаимодействия индивидов и групп друг с другом. Несмотря на то простое обстоятельство, что данная концепция дискурсивной борьбы за гегемонию была сформулирована до момента публикации посмертных рукописей самого Альтюссера, фактические пересечения его позиций с подходами сторонников гегемонистского направления в случае внимательного прочтения текстов французского философа становятся очевидными. Так, критикуя марксистское представление о коммунизме как обществе всеобщего снятия любых форм политического антагонизма, Альтюссер указывает на идеалистический характер представлений Маркса о коммунизме как обществе, основанном на практике прозрачных механизмов качественного раскрытия творческого потенциала индивидов (Althusser, 2006, p. 36–37). Другими словами, в отношении подлинного назначения политической философии как дисциплины, способствующей

вскрытию антагонистических отношений в тех или иных сферах общественной жизни, представители гегемонистской линии постальтюссерианства оказались куда ближе к взглядам самого Альтюссера, чем сами подозревали.

Закключение

Изначальное зарождение постальтюссерианства как широкой совокупности подходов различных мыслителей, испытавших в той или иной степени влияние идей Л. Альтюссера, не подразумевало четкой линии преемственности между самим французским философом и его бывшими учениками и последователями. То обстоятельство, что отдельные тексты различных периодов творчества Альтюссера послужили основой для формирования трех основных течений критического переосмысления его философской мысли, свидетельствует лишь о многозначности альтюссерианства как направления. Дальнейшее размежевание теоретиков отдельных подходов к интерпретации альтюссероовского наследия происходило под влиянием ряда других направлений социально-политической философии (итальянского операизма, делезианства, грамшианства, шмиттианства и др.). Тот факт, что сближение бывших альтюссерианцев с данными течениями способствовало дальнейшему поиску новых парадигм описания политического внутри современного социо-гуманитарного знания, свидетельствует лишь о дальнейших перспективах творческого наследия Альтюссера в XXI столетии.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что итоговое содержание определенных политики среди некоторых представителей постальтюссерианства существенным образом совпадает с аналогичными концепциями представителей иных направлений в современной политической философии. В частности, как справедливо указывает С. Жижек (2014), подход того же Балибара к определению трансиндивидуальности поразительно схож с теорией коммуникативного действия немецкого философа Ю. Хабермаса, учение которого полностью вписывается в классические либеральные представления о будущем обществе прозрачной коммуникации (с. 235). Таким образом, стремясь к модернизации учения Альтюссера, Балибар не только обращается к тем мыслителям, идеи которых полностью противоречат исходному источнику его же собственных философских воззрений, но и фактически лишает собственную концептуальную систему существенных отличительных признаков, выделяющих его политическую теорию на фоне более известных направлений. Помимо данного аспекта, затрудняющего процесс дальнейшей рецепции учения Альтюссера в контексте современной философской рефлексии, отсутствие какого-либо методологического потенциала среди концепций постальтюссерианцев также становится серьезным препятствием на пути дальнейшего развития теории. С учетом того, что те же сторонники ультраполитического направления на уровне базовых посылок исходят из отрицания большинства методологических моделей в современных гуманитарных науках, вопрос о дальнейшем развитии данного подхода в политической философии, которая в рамках нынешней структуры междисциплинарного синтеза активно соприкасается с различными видами научного знания (как естественного, так и гуманитарного), остается крайне неопределенным.

В противоположность обоим вышеописанным направлениям внутри пост-альтуссеррианской парадигмы, теоретики гегемонистского течения не склонны к радикальной оппозиции собственной теории по отношению к остальным формам знания об обществе и политике. Стремясь к критическому анализу либеральной парадигмы внутри современной политической теории, Лаклау и Муфф на уровне базовых оснований, как известно, исходят из неспособности большинства современных политических теоретиков (например, Дж. Ролза или Ю. Хабермаса) ставить перед собой подлинно политические проблемы, связанные с объективными интересами коллективного антагонизма отдельных групповых идентичностей. Фактически именно данный аспект в свое время являлся ключевым тезисом критики Альтюссером классического марксизма из-за неспособности самого Маркса отойти от историцистской парадигмы диалектической системы Гегеля, что также осложнялось для него влиянием политической экономии А. Смита, стремящегося к обоснованию неизбежности установления прозрачных механизмов рыночного обмена (Althusser, 2006, p. 37).

Таким образом, на наш взгляд, именно теоретики гегемонистского направления оказываются наиболее последовательными наследниками Альтюссера, что автоматически сближает их подход с учением К. Шмитта, идеи которого в последние годы также обретают популярность среди академических исследователей. Учитывая тот факт, что ряд новейших направлений в современной политической философии (наподобие левого акселерационизма или постанархизма) фактически осуществляют возврат к классическим идеям построения гармоничного общества, ключевой задачей для альтюссерианства в XXI в. остается идея развития непосредственно антагонистического измерения социальной реальности, находящейся в процессе постоянного становления и реконфигурации конфликтующих сторон.

Список литературы

1. Бадью, А. (2005). *Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. М.: Логос.
2. Вирно, П. (2013). *Грамматика множества: К анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
3. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2010). *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
4. Жижек, С. (2014). *Щекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии*. М.: Дело.
5. Лаклау, Э. (2003). Невозможность общества. *Логос*, (4–5), 54–57.
6. Рансьер, Ж. (2013). *Несогласие: Политика и философия*. СПб.: Machina.
7. Рикёр, П. (2008). *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М.: Академический проект.
8. Розанваллон, П. (2007). *Утопический капитализм. История идеи рынка*. М.: Новое литературное обозрение.
9. Саркисянц, А. А. (2016). Место события: устройство политического у Жака Рансьера. *Социология власти*, 28(4), 14–34.
10. Уэст, Д. (2015). *Континентальная философия: Введение*. М.: Дело.

11. Штраус, Л. (2000). *Введение в политическую философию*. М.: Логос, Праксис.
12. Althusser, L. (1999). *Machiavelli and us*. London & New York: Verso.
13. Althusser, L. (2003). *The humanist controversy and other writings* (1966–67). London & New York: Verso.
14. Althusser, L. (2006). *Philosophy of the encounter. Later writings, 1978–87*. London & New York: Verso.
15. Balibar, E. (2002). *Politics and the other scene*. London & New York: Verso.
16. Jameson, F. (1992). *Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism*. London & New York: Verso.
17. Laclau, E., & Mouffe C. (2001). *Hegemony and socialist strategy: Toward a radical democratic politics*. London & New York: Verso.
18. Mouffe, C. (2005). *On the political*. London & New York: Routledge.
19. Negri, A. (1991). *The savage anomaly: The power of Spinoza's metaphysics and politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
20. Rancière, J. (2011). *Althusser's lesson*. London & New York: Continuum.
21. Sotiris, P. (2020). *A philosophy for communism: Rethinking Althusser*. Leiden & Boston: Brill.

References

1. Althusser, L. (1999). *Machiavelli and us*. London & New York: Verso.
2. Althusser, L. (2003). *The Humanist controversy and other writings* (1966–67). London & New York: Verso.
3. Althusser, L. (2006). *Philosophy of the encounter. Later writings, 1978–87*. London & New York: Verso.
4. Badiou, A. (2005). *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike* [Metapolitics. Can politics be thought? A short treatise on metapolitics]. Moscow: Logos.
5. Balibar, E. (2002). *Politics and the other scene*. London & New York: Verso.
6. Deleuze, G., & Guattari, F. (2010). *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
7. Jameson, F. (1992). *Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism*. London & New York: Verso.
8. Laclau, E. (2003). Nevozmozhnost' obshchestva [The impossibility of society]. *Logos*, (4–5), 54–57.
9. Laclau, E., & Mouffe C. (2001). *Hegemony and socialist strategy: Toward a radical democratic politics*. London & New York: Verso.
10. Mouffe, C. (2005). *On the political*. London & New York: Routledge.
11. Negri, A. (1991). *The savage anomaly: The power of Spinoza's metaphysics and politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
12. Rancière, J. (2011). *Althusser's lesson*. London & New York: Continuum.
13. Rancière, J. (2013). *Nesoglasie: Politika i filosofiya* [Disagreement: Politics and philosophy]. Saint Petersburg: Machina.
14. Ricoeur, P. (2008). *Konflikt interpretacij. Ocherki o germeneytike* [The conflict

- of interpretations: Essays in hermeneutics]. Moscow: Akademicheskij proekt.
15. Rosanvallon, P. (2007). *Utopicheskij kapitalizm. Istoriya idei rynka*. [Utopian capitalism: The history of the market ideas]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
 16. Sarkisyants, A. A. (2016). Mesto sobytiya: ustrojstvo politicheskogo u Zhaka Rans'era [A place of the event: Arrangement of the political in theory of Jacques Rancière]. *Sociologiya vlasti*, 28(4), 14–34.
 17. Sotiris, P. (2020). *A philosophy for communism: Rethinking Althusser*. Leiden & Boston: Brill.
 18. Strauss, L. (2000). *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [Introduction to political philosophy]. Moscow: Logos, Praxis.
 19. Virno, P. (2013). *Grammatika mnozhestva: K analizu form sovremennoj zhizni* [A grammar of the multitude: For an analysis of contemporary forms of life]. Moscow: Ad Marginem Press.
 20. West, D. (2015). *Kontinental'naya filosofiya: Vvedenie* [Continental philosophy: An introduction]. Moscow: Delo.
 21. Žižek, S. (2014). *Shhekotlivyj sub"ekt: Otsutstvuyushhij centr politicheskoy ontologii* [The ticklish subject: The absent centre of political ontology]. Moscow: Delo.

Информация об авторе

Сергей Александрович Ребров, аспирант кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2993-5945>, e-mail: naruto639@mail.ru

Information about the author

Sergey Aleksandrovich Rebrov, Postgraduate Student of the Department of Political Theory and Political Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2993-5945>, e-mail: naruto639@mail.ru

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_43

КИТАЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ И РОЛИ КНР В НЕМ

(Анализ книги: Breslin, S., & Xiao, R. (Eds.). (2021). *China debates its global role: Chinese scholars on Chinese scholarship*. Routledge)

Дарья Михайловна Ковба,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
dmkovaljova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2022, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Ковба Д.М. Китайские ученые о новом мировом порядке и роли КНР в нем // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 43-61. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_43

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей китайского академического дискурса в области международных отношений. Актуальность работы обусловлена высоким интересом российских авторов к внешней политике Китая, его стратегиям, продвигаемым им «большим идеям». Официальные заявления лидеров Китая нередко становятся частью повестки дня мировых средств массовой информации, однако за кадром остаются мнения китайских ученых. В данном случае интересно, как последние интерпретируют различные аспекты глобального подъема КНР, каких исследовательских традиций они придерживаются, как оценивают состояние национальной школы международных отношений, какие стратегии глобального управления предлагают. Материалом для статьи послужила книга *China Debates Its Global Role: Chinese Scholars on Chinese Scholarship*, вышедшая на английском языке в сентябре 2021 г. Ее содержание – результат аккумуляции взглядов китайских авторов, труды которых, как правило, издаются на китайском языке и недоступны

© Ковба Д.М., 2022

англоязычной и русскоязычной аудитории. В результате анализа материала было установлено, что китайские исследователи осознают и поддерживают установку лидеров страны на поднятие престижа национальной науки. Создание китайской школы международных отношений призвано снизить доминирование западных теорий. Выявлено, что, по мнению исследователей, китайские внешнеполитические приоритеты должны заключаться в наращивании стратегического потенциала, институциональной мощи и нормативной власти. При этом наиболее упоминаемым сценарием мирового порядка является идея симбиотического существования. Можно утверждать, что большинство китайских исследователей поддерживают более активное участие страны в формировании нового мирового порядка, но выступают против явной и открытой конфронтации с США, Россией и другими крупными государствами. Другие особенности дискурса – постулируемая необходимость учета национальной специфики как в академической сфере, так и при реформировании различных институтов, а также идея установления справедливости в ситуации неравенства западных государств и развивающихся стран.

Ключевые слова:

КНР, международные отношения, китайская внешняя политика, возвышение Китая, нормативная сила, система глобального управления, китайская специфика, стратегия Китая.

UDC 327

DOI 10.17506/18179568_2022_19_1_43

CHINESE SCIENTISTS ON THE NEW WORLD ORDER AND THE ROLE OF CHINA IN IT

(Book analysis: Breslin, S., & Xiao, R. (Eds.). (2021). China debates its global role: Chinese scholars on Chinese scholarship. Routledge)

Daria M. Kovba,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
dmkova1jova@mail.ru

Article received on January 10, 2022, accepted on February 10, 2022

For citation: Kovba, D.M. (2022). Chinese Scientists on the New World Order and the Role of China in It. *Discourse-P*, 19(1), 43-61. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_43

Abstract

The article is devoted to the study of the features of Chinese academic discourse in the field of international relations. The relevance of the work is due to the high interest of Russian authors in China's foreign policy, its strategies, and the "big ideas" promoted by it. Official statements by Chinese leaders often become part of the agenda of the world media, but the opinions of Chinese scientists remain behind the scenes. In this case, it is interesting how they interpret various aspects of the global rise of the PRC, what research traditions they adhere to, how they assess the state of the national school of international relations, and what global governance strategies they offer. The material for the article was the book "China Debates Its Global Role: Chinese Scholars on Chinese Scholarship", published in English in September 2021. Its content is the result of the accumulation of views of Chinese authors whose works, as a rule, are published in Chinese, and therefore are unknown to English- and Russian-speaking audiences. As a result of the analysis of the material, it was found that Chinese researchers are aware of and support the policy of the country's leaders to raise the prestige of national science. The creation of the Chinese School of International Relations is intended to reduce the dominance of Western theories. It is revealed that, according to the researchers, building up strategic capacity, institutional strength, and normative power should be the Chinese foreign policy priorities. At the same time, the most mentioned scenario of the world order is the idea of symbiotic existence. It can be argued that the majority of Chinese researchers support more active participation of the country in the formation of a new world order, but oppose explicit and open confrontation with the United States, Russia and other major states. Other features of the discourse are the postulated need in consideration of the national specifics both in the academic sphere and while reforming various institutions; as well as the idea of establishing justice in the situation of inequality of Western states and developing countries.

Keywords:

PRC, international relations, Chinese foreign policy, rise of China, normative power, global governance system, Chinese characteristics, Chinese strategy.

Введение

По мнению исследователей, трансформация глобальной международной среды и изменение роли Китая в новом мировом порядке – тема, содержащая «пока больше вопросов, чем ответов» (Купряшкин, 2019, с. 37). Данная проблематика неизменно вызывает бурные споры в академической и публицистической литературе, публичных выступлениях. Ученые выдвигают гипотезы о том, кто станет новым глобальным лидером, оценивают возможность скорого упадка США и возвышения Китая, перечисляют ограничения и препятствия на пути роста КНР, анализируют последствия «подъема» Китая для отдельных стран, регионов и мира в целом.

Среди отечественных авторов, исследующих перспективы Китая стать глобальным гегемоном, можно упомянуть В. В. Шишкова (2017),

Л.Г. Фишмана (2021), А.Д. Воскресенского (2020), И.В. Купряшкина (2019) и др. Кроме того, ученых волнуют такие вопросы, как роль Китая и России в новом глобальном мироустройстве (Дмитриева, 2019), отношения Китая и США (Мосяков, Шпаковская, 2018), влияние пандемии COVID-19 на положение КНР на мировой арене (Арсентьева, 2021), инициатива «Один пояс – один путь» (Гамерман, 2021), «большие идеи», выдвигаемые китайским правительством («мирный подъем», «мирное развитие», «сообщество единой судьбы человечества») (см., например, Помозова, 2021) и многие другие. В целом интерес российских ученых к исследованию внешней политики КНР, а также анализу академических трудов китайских авторов, занимающихся данной темой, очень большой: достаточно сказать, что по данным одной из крупнейших научных электронных библиотек «КиберЛенинка», количество статей, посвященных исследованию данной проблематики, вышедших с 2017 г. по настоящее время, превышает 16 тыс.

Вместе с тем изучение текстов китайских ученых исторически было сопряжено с рядом проблем технического (недоступность работ, необходимость их перевода с китайского языка) и содержательного (зависимость китайских исследователей от высшего руководства, трансляция линии партии и связанная с этим вторичность идей) плана. Однако в последнее десятилетие ситуация начала меняться: китайские исследователи в области политической науки и международных отношений стали активнее заявлять о себе. Перечислим факторы, которые этому способствовали:

1) китайские авторы начали завоевывать англоязычное пространство и публиковать результаты своих исследований в ведущих научных журналах, входящих в известные международные базы – *Web of Science*, *Scopus* и др.;

2) возросло число китайских журналов, публикующих статьи не только на национальном, но и на английском языке;

3) «увеличилось количество университетских факультетов, в которых преподаются и исследуются проблемы мировой политики и международных отношений... произошел резкий рост научно-исследовательских институтов и аналитических центров как на национальном уровне, так и на уровне провинций... в результате научное сообщество в этой сфере было признано одним из самых динамичных и быстроразвивающихся ветвей мирового... сообщества международных отношений» (Zhang, 2020, p. 284);

4) китайские ученые начали постепенно отходить от ортодоксального марксизма, благодаря чему их научные изыскания стали более авторскими; увеличилось тематическое разнообразие статей; в результате попыток объединить национальную идеологию с традиционными китайскими ценностями тексты приобрели особую специфику (соответствующее предложение китайского правительства исследовано в работе директора Института международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтуна (Yan, 2018, p. 20));

5) Китай, наряду с такими странами, как Сингапур, Южная Корея, Индия, стал одним из крупнейших центров азиатской академической мобильности (Ковба, Грибовод, 2019, с. 21); благодаря студенческому и научному обмену произошла постепенная трансформация китайской науки; ученые из КНР адаптируют западные теории, нередко критикуют их и выступают с новаторскими гипотезами.

Перечисленные выше изменения дают представление о том, насколько сложное, большое и разноплановое научное сообщество формируется сегодня в Китае. Разнообразие мысли может вызвать удивление у российского читателя, который нередко имеет стереотипные представления о китайской науке (считается, что она догматична и не отличается многообразием). Возможность в этом убедиться, а также углубить знания о китайском академическом дискурсе дает вышедшая в сентябре 2021 г. книга *China Debates Its Global Role: Chinese Scholars on Chinese Scholarship*¹ (Breslin & Xiao, 2021), анализу которой посвящена данная статья.

Результаты исследования

В отличие от массива работ, продающихся большими тиражами на крупнейших платформах электронной коммерции и являющихся скорее художественными размышлениями о судьбах глобального порядка, данная книга представляет собой сборник научных статей, первоначально опубликованных в специальном выпуске известного журнала *The Pacific Review*². Именно добротный научный материал делает эту книгу полезной и интересной для читателей. В ней поднимаются следующие вопросы: каково, по мнению китайских ученых, состояние национальной школы международных отношений; в чем специфика исследовательских традиций, сложившихся при изучении китайской внешней политики; каковы внешнеполитические планы и стратегии Китая; какую концепцию глобального мирового порядка может предложить КНР и т. д.

Редакторами книги являются Шон Бреслин и Сяо Жэнь. Шон Бреслин – профессор политики и международных исследований Уорикского университета (Великобритания), ведущий британский эксперт в области китайской экономики, политики и регионализма. Из-под его пера вышли такие произведения, как «Китай и мировая политическая экономика» (Breslin, 2007), где исследованы взаимосвязи между внутренней политикой Китая и вовлечением его в мировую экономику, и «Мао» (Breslin, 2000) – книга о деятельности Мао Цзэдуна, анализирующая личность китайского лидера с разных сторон – как революционера, лидера страны, идеолога и политика. Второй редактор, Сяо Жэнь, занимает должность профессора международной политики в Институте международных исследований Университета Фудань в Шанхае, где он также возглавляет Центр изучения внешней политики Китая. Его авторству также принадлежит книга «Новые рубежи во внешних связях Китая» (Xiao & Carlson, 2011), в которой дается критическая оценка упрощенным интерпретациям подъема КНР.

В предисловии редакторы отмечают, что целью сбора материала и объединения позиций ряда авторов под одной обложкой является «анализ дискуссий в области международной политики и обсуждений глобальной роли Китая, происходивших внутри страны в последние годы» (Breslin & Xiao, 2020, p. 357). Уникальность издания состоит в том, что в нем представлены материалы, обыч-

¹ На русский язык название можно перевести следующим образом: «Китай обсуждает свою глобальную роль: китайские ученые о китайском научном сообществе».

² Далее по тексту мы будем ссылаться на статьи данного журнала, а не на аналогичные главы книги.

но доступные только на китайском языке, из-за чего западным читателям, как правило, сложно получить к ним доступ и корректно интерпретировать.

Книгу открывает глава, посвященная обзору исследовательских традиций при изучении внешней политики Китая (Feng & He, 2020). Она начинается с описания проблем, возникающих при анализе внешней политики, одной из которых является недостаток данных. Это действительно любопытный фрагмент, поскольку у иностранных исследователей может существовать иллюзия большой осведомленности китайских авторов. В действительности же большинство ученых из КНР имеют ограниченный доступ к процессу принятия решений, и им, так же как и внешним наблюдателям, сложно судить, «как и почему Китай принял то или иное политическое решение в определенное время, а также когда и при каких условиях он изменит свой внешнеполитический курс в будущем» (р. 363). Что же касается сложившихся исследовательских традиций по изучению внешней политики КНР, то они следующие:

1) традиционное регионоведение, которое подразумевает обширную полевую работу по сбору материала, проведение интервью с представителями китайской политической элиты; как правило эксперты, придерживающиеся данного направления, хорошо владеют китайским языком и имеют глубокое понимание китайской истории и культуры; недостаток данного подхода – необходимость наличия личных связей с чиновниками для интервьюирования, а также узкая специализация исследований (Feng & He, 2020, р. 365);

2) применение теории международных отношений к китайской внешней политике (имеется в виду дедуктивный переход от теории к фактам); преимуществом такого подхода является то, что исследователю не требуются специфические знания об истории и культуре Китая для анализа внешнеполитического курса; авторы придерживаются различных методологических позиций (реализм, конструктивизм, либерализм) при изучении КНР как растущей мировой державы, выстраивающей различные отношения с другими государствами; недостатком этого подхода является игнорирование многих неявных культурных факторов, оказывающих влияние на поведение лиц, принимающих решения (р. 365);

3) третий подход объединяет регионоведение и международные отношения; такой комплексный анализ призван максимизировать сильные стороны двух предыдущих подходов, однако он задает очень высокие стандарты для исследователей в плане их теоретической подкованности и владения языком (р. 366).

Второй раздел книги посвящен исследованию дебатов вокруг создания китайской школы международных отношений. Утверждается, что еще в 1991 г. на первой Конференции по теории международных отношений, прошедшей в Шанхае, Хуань Сян, занимавший пост генерального директора Китайского центра международных исследований и советника по внешней политике, выдвинул предложение о создании теории международных отношений с китайской спецификой (Xiao, 2020, р. 387). Эту идею поддержал профессор Пекинского университета Лян Шоудэ. По его мнению, «китайские особенности» означают не только «необходимость признания национальной специфики в области международных отношений в разных странах, но также подразумевают наличие новаторского духа и стремления к совершенству» (р. 387). Тем не менее различия в трактовках «китайских особенностей» или «китайской

специфики» показали, что сами исследователи подчас не понимают, какой смысл закладывается в этот термин. Более того, скептики иронически пишут о том, что это просто калька с популярного политического лозунга «социализм с китайской спецификой» (р. 388).

Интересны мотивы создания такой школы. Дело в том, что китайские исследователи достаточно часто «выражают беспокойство по поводу доминирования американской теории международных отношений» и критикуют китайское научное сообщество за то, что оно «позволяет американским авторам оказывать на себя слишком большое влияние» (Xiao, 2020, р. 391). Создание китайской школы международных отношений призвано переломить в свою пользу ситуацию доминирования западных теорий. Кроме того, одна из причин связана с глобальным статусом Китая как страны-производителя знаний: «Точно так же, как государства могут относиться к «ядру» или «периферии» в области политики и экономики, они могут быть отнесены к той или иной категории в сфере производства интеллектуальных продуктов и идей» (р. 391). Таким образом, китайские исследователи осознают и поддерживают установку на поднятие престижа национальной науки.

Третья глава посвящена обсуждению стратегических планов Китая. Многие российские читатели, интересующиеся внешней политикой КНР, знают, что в течение долгого времени после окончания холодной войны китайские дипломаты следовали наказу Дэн Сяопина «вести себя сдержанно». С тех пор лозунг значительно трансформировался, однако этапы его эволюции известны немногим – в основном на слуху провозглашенная «Си Цзиньпином в 2013 г. внешнеполитическая стратегия «стремления к достижениям» (Ломанов, 2020, с. 42). Автор третьей главы, профессор Вэй Лин, пишет, что в действительности первоначальный лозунг утверждал необходимость «вести себя сдержанно, достигая при этом некоторых результатов» (Wei, 2020, р. 414). После чего в 2011 г. на смену ему пришел принцип «проактивного достижения». В 2013 г. он преобразовался в «стремление к достижению», а в 2017 г. – в «стремление к достижениям в новую эру» (р. 431).

Каждая из этих трансформаций подробно обсуждалась в китайской научной среде. В целом исследователи соглашались с необходимостью проведения более активного дипломатического курса (Wei, 2020, р. 431). Утверждалось, что по мере экономического подъема КНР и принятия им новых международных обязательств, выполнять принцип «сдержанности» становилось все сложнее, поэтому на первый план вышла задача определения внешнеполитических приоритетов. Обобщая результаты научных дискуссий, Вэй Лин пишет, что такими целями могут быть «наращивание стратегического потенциала, институциональной мощи и нормативной власти» (р. 431). Большинство китайских ученых полагают, что приоритетом Китая должен быть, во-первых, Восточноазиатский регион, а во-вторых, страны, которые могут выполнять функцию ключевых узлов при реализации инициативы «Один пояс – один путь». Более того, китайские авторы уверены, что «стремление к достижениям» требует превращения Китая из бенефициара в инициатора трансформаций институциональной среды. В то же время ученые предостерегают от чрезмерного акцента на «стремлении к достижениям» из-за вероятной идеологической конфронтации с США и Западом в целом.

В четвертой главе раскрывается понимание китайскими исследователями современного глобального порядка, а также перечисляются предложения по его реформированию. Авторы пишут, что для них (как и для китайских ученых, чьи статьи они анализируют), современный мировой порядок является гибридным. Он представляет собой сложный конструкт, состоящий из мирового порядка, основанного на принципе суверенитета и закрепленного в Уставе ООН, а также из нового либерального порядка под руководством США (Chen & Zhang, 2020, p. 442). Интересно, что изначально Китай не признавал либеральные экономические институты (такие как Генеральное соглашение по тарифам и торговле, которое затем сменила Всемирная торговая организация) и не присоединился к ним (p. 444). Однако постепенно лидеры КНР осознали необходимость принятия глобальных правил и норм, регламентирующих либеральную торговлю и инвестиции. Для Китая это был единственный способ участвовать в экономической глобализации и организовывать взаимовыгодное сотрудничество. КНР пришлось приложить огромные усилия для реформирования своей экономической системы. По мнению исследователей, сегодня Китай признает, что часть либерального международного порядка легитимна и должна быть сохранена (p. 444). Помимо экономических правил и норм, эта страна продемонстрировала готовность принимать глобальные правила игры и в других областях.

Однако признавая важность международных правил и институтов, Китай не согласен с некоторыми нормами (например, он отстаивает концепцию интернет-суверенитета (Chen & Zhang, 2020, p. 445)). Помимо этого, китайские авторы настаивают на необходимости глобальной реформы системы мирового порядка. Данная потребность, по их мнению, обусловлена следующими причинами:

1) западные страны занимают центральное место в мировой политической системе; они определяют повестку дня, формируют общественное мнение, активно участвуют в глобальном управлении; многие либеральные правила и нормы были сформированы Западом и отвечают его ценностям и интересам; одновременно с этим большинство развивающихся стран находится в невыгодных и несправедливых условиях (p. 447);

2) ключевые глобальные институты, созданные для поддержания текущего мирового порядка, устарели с точки зрения репрезентативности; в качестве примера китайские авторы приводят монополию США и европейских стран во Всемирном банке и Международном валютном фонде, тогда как доля квот Китая в этих организациях слишком мала и не соответствует экономическому весу данной страны (p. 448);

3) в ближайшем будущем назреет проблема дефицита общественных благ (имеется в виду оказание разного рода помощи); по мнению китайских авторов, в долгосрочной перспективе доминирование США пойдет на спад; одновременно с этим снизится готовность этого государства предоставлять международные общественные блага; условия оказания помощи европейскими странами также не устраивают многие государства по причине привязки этой помощи к политическим требованиям для расширения сетей безопасности и продвижения демократии (p. 449);

4) корыстная национальная политика западных стран нередко оказывает негативное воздействие на незападный мир; в качестве примера приводится

случай Ливии (после военной интервенции 2011 г. и произошедшей там смены режима, ни у США, ни у его союзников не было постконфликтного плана восстановления этой страны) (р. 449).

Таким образом, китайские авторы считают, что их государство, как и многие развивающиеся страны, находится в невыгодном положении относительно некоторых существующих институтов и норм. Они полагают, что новый мировой порядок будет характеризоваться увеличением мощи незападных стран. Этим государствам должно быть позволено участвовать в процессе нормотворчества соразмерно их экономическому весу и влиянию (Chen & Zhang, 2020, р. 449). Что касается конкретных сценариев нового мирового порядка, то наиболее упоминаемой является идея симбиотического существования. Утверждается, что одновременно с постепенной трансформацией Китая из региональной державы в мировую происходит переход к гармоничному симбиозу – порядку, при котором страны, вне зависимости от их размера, культуры, мощи и ценностей, смогут существовать на равных и приносить друг другу выгоду. В симбиотической системе страны имеют взаимосвязанные интересы, права и обязанности (р. 457).

Другие менее популярные сценарии – это воплощение идеи Тянься (семья государств и людей, следующих набору правил и ритуалов; подвергается критике, т. к. в рамках этого направления предполагается существование всемирного института, обладающего высшей политической властью) и идеи лидерства на основании морального превосходства (предполагается, что Китай должен стать моральным авторитетом и установить справедливую систему отношений; критикуется за высокий риск возникновения биполярности – жесткой конкуренции с США).

И, наконец, четвертый сценарий связывается с продвигаемой председателем КНР Си Цзиньпином концепцией «сообщества единой судьбы человечества». Этот сценарий подразумевает существование суверенных государств и многополярности и предлагает выработку многосторонних и двусторонних механизмов для увеличения сотрудничества. По сути, это не замена существующего порядка, а его улучшение (Chen & Zhang, 2020, р. 458).

В целом можно сделать вывод о том, что китайские ученые выдвигают достаточно оптимистические предположения относительно роли Китая в будущем мировом порядке: даже если КНР не станет новой доминирующей силой, США будут постепенно утрачивать лидирующие позиции.

Пятый раздел посвящен критическому анализу стратегий глобального управления, предлагаемых китайскими учеными. Автор раздела Лю Хунсун, профессор Школы международных и общественных отношений Шанхайского университета Цзяотун, пишет о существовании четырех вариантов решения проблемы глобального управления (Liu, 2020, р. 478). Читателям не стоит труда догадаться, какой вариант считается базовым и наиболее популярным. Это воплощение на практике идеи «сообщества единой судьбы человечества». Согласно второй точке зрения, Китай должен сделать ставку на свой путь, а также на практический опыт, накопленный за период реформ и открытости. Утверждается, что китайский путь может быть привлекателен для стран, желающих ускорить свое развитие и в то же время сохранить независимость. Сторонники третьего варианта предлагают опираться на конкретные рабо-

чие схемы при решении глобальных проблем, совершенствовать механизмы глобального управления и принимать во внимание интересы развивающихся стран. Четвертая точка зрения предполагает ряд опций для решения проблемы глобального управления – от дополнения и модификации текущей модели управления до поиска альтернатив ей (р. 478). К сожалению, Лю Хунсун не раскрывает в деталях четвертую точку зрения. В текущем виде она представляет собой сухой остаток, получившийся в результате анализа и синтеза текстов статей, посвященных решению проблемы глобального управления.

В качестве конкретных шагов при реализации стратегии глобального управления предлагаются следующие варианты:

1) продвигать власть институционального дискурса; утверждается, что институциональная власть КНР по-прежнему слаба; Китаю следует продвигать реформу системы международных институтов и предлагать больше общественных благ для мирового сообщества (Liu, 2020, р. 479);

2) содействовать трансформации системы глобального управления; Китай должен постоянно предлагать макроконцепции и отстаивать глобальные инициативы, исходя из собственных потребностей и возможностей; помимо этого, КНР следует взять на себя роль защитника, разработчика, реформатора и, в идеале, лидера системы глобального управления;

3) возглавить реформу системы глобального управления с использованием китайского опыта; КНР должна привносить в нее китайскую мудрость, а также поддерживать дискурсивное влияние развивающихся стран;

4) интегрировать национальное и глобальное управление, внутреннюю и внешнюю политику; утверждается, что текущая система национального управления ограничивает степень участия страны в глобальном управлении, поэтому прежде всего Китай должен заняться ее модернизацией (р. 481).

Помимо общих стратегий, китайские ученые предлагают руководству КНР обратить внимание на ряд ключевых областей: пересмотреть статус управления Антарктикой, занять лидерские позиции в области контроля киберпространства, а также изменить систему управления космическим пространством, опираясь на идею «сообщества единой судьбы» в отношении космоса (р. 485).

В то же время Лю Хунсун указывает на недостатки в трудах китайских ученых. Так, последние в основном анализируют идеи и концепции, предлагаемые китайским руководством, и не рассматривают фактические действия Китая в сфере глобального управления. Если при Ху Цзиньтао авторы изучали, как участие в глобальном управлении будет способствовать мирному развитию Китая и построению гармоничного мира, то при Си Цзиньпине исследования направлены на интерпретацию таких политических дискурсов, как «сообщество единой судьбы человечества», «Один пояс – один путь». Лишь немногие авторы исследовали условия, при которых КНР сможет успешно формировать повестку дня (Liu, 2020, р. 486). Более того, сложно обнаружить отличия в представленных выше четырех вариантах решения проблемы глобального управления, ведь, по сути, они не исключают друг друга и используют идею «сообщества единой судьбы» в качестве руководящего принципа (р. 486). Наибольший недостаток работ, полагает Лю Хунсун, – отсутствие конкретики: авторы не разъясняют, как именно китайские власти смогут использовать опыт внутреннего управления во внешнеполитической сфере (р. 487), не предлагают

конкретных политических мер, не определяют, какие инструменты КНР может использовать для продвижения институционального дискурса и установления повестки дня, не анализируют данные по конкретным проектам инициативы «Один пояс – один путь» (р. 488).

Таким образом, можно сделать вывод о сосредоточенности китайских авторов на предлагаемых правительством дискурсах, об отсутствии эмпирической и иной доказательной поддержки своих идей. Предлагаемые исследователями решения находятся скорее в идейной, чем в тактической области.

В шестом разделе книги исследуется дискуссия об отношениях Китая с соседними странами и ведущими мировыми державами, а также анализируются позиции американских экспертов по поводу стратегических намерений КНР (Wang & Meng, 2020). Благодаря этому материалу можно сформировать общее представление о китайском академическом дискурсе в области международных отношений, сделать выводы о наличии лидеров мнений по определенным вопросам, а также о том, какая позиция является доминирующей и насколько она совпадает с официальной позицией партии.

Так, необходимость построения союза Китая и России отстаивает один из самых видных китайских ученых в области международных отношений Янь Сюэтун. Его работы хорошо известны отечественным специалистам, они не раз публиковались и обсуждались на страницах ведущих российских журналов (см., например, Кривохиж, Соболева, 2017). По мнению Янь Сюэтуна, Пекин и Москва разделяют одни и те же стратегические интересы и проблемы безопасности. Однако его точка зрения – скорее исключение. Большинство китайских исследователей занимают нейтральную позицию и считают, что наиболее рациональная стратегия – поддержка квази-альянса. Они прогнозируют дальнейшее следование принципу «налаживания партнерства без образования союза». Эта позиция в целом совпадает с официальной линией Пекина, в соответствии с которой «стратегическое партнерство России и Китая является внеблоковым, неконфронтационным и не нацелено на третьи страны» (Wang & Meng, 2020, p. 497).

Интересный дискурс сложился вокруг оценки политики США в Восточной Азии. Так, Лю Фэн из Нанькайского университета утверждает, что для ослабления американских позиций Китаю следует активнее формировать коалиции со странами региона для решения различных проблем, а также приносить экономические выгоды дружественным странам и налагать санкции на «нарушителей спокойствия» (Wang & Meng, 2020, p. 501). Чжун Чжэньмин из Университета Тунцзи убежден, что Китай может использовать «стратегию клина», чтобы расколоть оппонентов. В отношении слабых членов системы альянсов США могут быть применены такие меры, как заверения, переговоры и даже умеренное принуждение. Тем не менее такая точка зрения не является доминирующей. Большинство китайских исследователей-международников считают, что КНР не должна оказывать чрезмерное давление на страны, т. к. это может привести к непредсказуемым последствиям и даже изоляции Китая (р. 502). Часть авторов рассматривает возможность стратегического компромисса с США: Китай должен признать интересы и военное присутствие США в западной части Тихого океана, в то время как США должны согласиться с законными интересами КНР в прибрежных районах Восточной

Азии и принять переход Китая из статуса «сухопутной державы» в статус «комбинированной морской и сухопутной державы» (р. 503).

Какой вывод можно сделать из этих дискуссий? Принимая во внимание обеспокоенность США глобальным подъемом Китая³, создается впечатление, что Соединенные Штаты могли преувеличить стратегические намерения Китая. По крайней мере, такой посыл содержится в трудах китайских ученых: вместо того, чтобы писать о необходимости свержения гегемонии США и установления гегемонии Китая в регионе, большинство авторов не поддерживают идею создания конкурирующего альянса для противодействия системе альянсов под руководством США, а также не имеют явных стратегических намерений вытеснить США из региона.

Таким образом, учитывая содержание этого и предыдущих разделов, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, китайские исследователи поддерживают более активное участие Китая в формировании нового мирового порядка; с другой – выступают против открытой конфронтации. Эта позиция полностью соответствует официальной позиции правительства, придерживающегося принципов мира и развития. Скорее всего, следует говорить не о намерении КНР лишить США лидерских позиций, а неявном и постепенном ослаблении стратегических позиций США и формировании более сбалансированной системы распределения власти, по крайней мере, в ближайшем будущем.

Вместо заключения

Не будем раскрывать содержание последних двух разделов, посвященных исследованию проблем оказания помощи развивающимся странам (Huang & Ли, 2020) и становления международного права Китая (He, 2020), хотя признаем, что в них представлен достаточно богатый и интересный для специалистов материал. Вместо этого выделим некоторые моменты, бросающиеся в глаза при чтении этих и предыдущих разделов.

Во-первых, о чем бы ни шла речь – о формировании школы международных отношений, системе оказания помощи, теории международного права и т. д. – прослеживается идея учета национальных интересов и национальной специфики. Китайские исследователи вслед за политическими лидерами настаивают на идее инаковости, особом пути развития страны, сепарации от западных норм, моделей и образцов. При этом допускается рецепция некоторых концепций и их последующая адаптация в соответствии со стоящими перед государством целями и задачами (например: «Китай не должен использовать западные теории и принципы для трансформации системы внешней помощи; он может лишь заимствовать некоторые элементы западной практики для ре-

³ В Стратегии национальной безопасности США утверждается, что «Китай и Россия разрабатывают современное оружие и ищут способы нанести урон критически важной для США архитектуре управления, безопасности и контроля». См.: *National Security Strategy of the United States of America* (2017, December). Retrieved January 5, 2022, from: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

формирования и совершенствования своей системы внешней помощи. У Китая есть собственные мотивы, философия, принципы и практика иностранной помощи» (Huang & Hu, 2020, p. 522)). Китайских авторов беспокоит доминирование западных концепций и идей, поэтому они настаивают на производстве и продвижении «здоровых альтернативных китайских точек зрения» (Xiao, 2020, p. 392), причем под «нездоровыми» подразумеваются идеи, продвигаемые США и европейскими странами.

Еще одной особенностью является встречающаяся в заголовках научных статей приписка «с китайской спецификой» (*with Chinese characteristics*). Интересно, что консенсуса относительно понимания данной специфики не сложилось. Сами китайские авторы признают, что этот вопрос является недостаточно прозрачным для понимания и нередко критикуют коллег за использование подобных формулировок. В частности, указывается, что китайским ученым следует отличать «идеологическую гонку от исследования национальных интересов, а анализ политики – от академических исследований» (Xiao, 2020, p. 389). Однако это не такая простая задача, «учитывая то, что ведущие ученые и исследователи аналитических центров одновременно могут быть советниками китайского правительства по вопросам международной политики. Отсюда – прямая связь между академическими дебатами и дискурсом официальной политической стратегии» (Noesselt, 2015, p. 444).

Тем не менее, в самом общем смысле, поиск «китайской специфики» можно расценивать как свидетельство защиты национальной идентичности, суверенитета и национальных интересов, стремления укрепить статус страны на мировой арене. По мнению исследователей, нарративы, утверждающие существование «китайской специфики», могут быть нацелены на разные аудитории. Так, в отношении китайского общества они укрепляют уверенность граждан в независимости китайского подхода к политике и оправдывают китайский путь развития, представляя последний как стратегию, основанную на истории и традициях. Обращаясь к международному сообществу и особенно к соседям по региону, китайские концепции стремятся разрядить восприятие угроз, функционируют как элементы «мягкой силы» и публичной дипломатии (Noesselt, 2015, pp. 444–445). Помимо этого, на наш взгляд, имеет место попытка повысить международный статус и постепенно стать более активным игроком. Так, если пять лет назад мы писали о крайне осторожном подходе при использовании политических ресурсов «мягкой силы» (Ковба, 2017, с. 109), то в будущем можно ожидать большей активности в этом направлении. Об этом также свидетельствуют предложения продвигать во внешний мир некоторые удачные элементы китайских управленческих моделей, предлагать их в качестве нормативных и организационно-управленческих решений. Такие рекомендации в английском языке имеют приписку «по китайскому образцу» (*with Chinese solutions*); пример – «реформа системы глобального управления по китайскому образцу» (Liu, 2020, p. 480).

Во-вторых, во многих текстах китайских ученых явно или подспудно звучит идея справедливости. По мнению многих авторов, существующие международные нормы и институты не принимают во внимание интересы развивающихся стран, оказывающихся в результате в уязвимом и подчиненном положении (например: «Иногда международное право выражает волю и ин-

тересы великих держав и жертвует интересами малых государств» (He, 2020, p. 551)). Китаю следует взять на себя роль защитника слабых государств (мотив прослеживается в статьях различной тематики, например, когда заходит речь об оказании помощи африканским государствам, в дискуссиях о роли международного права, при обсуждении формирования нового справедливого мирового порядка и т. д.). При этом Китай будет действовать не только в чужих интересах – он сам хотя и не оказался на обочине системы управления, но явно недополучил некоторые причитающиеся ему привилегии (например: «Существует... несоответствие между экономическим весом Китая и долями квот Китая, его правом голоса во Всемирном банке и МВФ» (Chen & Zhang, 2020, p. 448)).

В-третьих, китайский дискурс международных отношений, международного права и внешней политики не соответствует стереотипным представлениям об его посредственности и единообразии. Напротив, нередко он оказывается довольно оригинальным, критическим, многообразным. Несмотря на то, что по многим проблемам можно выделить господствующее мнение, зачастую отражающее линию партии, им дискуссия не ограничивается. Сегодня в Китае сложилось действительно широкое и разноплановое научное сообщество, представители которого критически оценивают и труды своих коллег, и состояние различных отраслей наук в стране (например: «Теоретическое изучение международного права в Китае отстает от других государств; следует поощрять искренние и глубокие теоретические споры, а также академическую критику...» (He, 2020, p. 567)).

И, наконец, подобно тому, как западные и российские исследователи анализируют содержание работ ученых и текстов выступлений лидеров КНР, китайские авторы также внимательно изучают иностранные статьи и документы, посвященные внешней политике Китая. От их взгляда не ускользают тревоги об увеличении мощи КНР (например: «Русские опасаются становиться «младшим партнером» Китая и стараются не быть втянутыми в конфронтацию между Китаем и США» (Wang & Meng, 2020, p. 479)). При этом китайские авторы опровергают агрессивные и гегемонистские амбиции своей страны. По их мнению, Китаю в ближайшем будущем не следует бросать вызов ни текущему глобальному порядку, ни существующей системе оказания помощи (Huang & Hu, 2020, p. 532), ни США (Wang & Meng, 2020, p. 501), т. к. это приведет к серьезным экономическим и иным рискам, создаст ситуацию напряженности и вызовет дестабилизацию мировой политической системы. При этом в ближайшем будущем мы можем ожидать от Китая предложений по «мягкой» реконструкции глобальной системы управления в его пользу, большего количества глобальных инициатив, а также более активного экспорта нормативных концепций и теорий.

Список литературы

1. Арсентьева, И. И. (2021). Политический дискурс стигматизации Китая в контексте пандемии COVID-19. *Вестник МГИМО-Университета*, 14(2), 22–46. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46>

2. Воскресенский, А. Д. (2020). Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места. *Сравнительная политика*, 11(4), 5–26. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10045>
3. Гамерман, Е. В. (2021). Российский Дальний Восток и российские проекты и их интеграция с китайскими инициативами «Один пояс. Один путь» в контексте формирования Большой Евразии. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 37, 50–57. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.50>
4. Дмитриева, М. О. (2019). Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*, (1), 139–146. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-1-139-146>
5. Ковба, Д. М. (2017). «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона [Дис. ... канд. полит. наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина]. Электронный научный архив УрФУ. <http://elar.urfu.ru/handle/10995/50372>
6. Ковба, Д. М., Грибовод, Е. Г. (2019). Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы». *Образование и наука*, 21(10), 9–31. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-9-31>
7. Кривохиж, С., Соболева, Е. (2017). Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка. *Мировая экономика и международные отношения*, 61(11), 76–84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>
8. Купряшкин, И. В. (2019). Накануне гегемона? Мир-системный подход к перспективе глобального лидерства КНР. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*, (4), 32–42. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-4-32-42>
9. Ломанов, А. В. (2020). Россия и Китай в «Новую эпоху»: вызовы и перспективы. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*, 25(25), 34–50. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10002>
10. Мосяков, Д. В., Шпаковская, М. А. (2018). Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2(3), 5–11.
11. Помозова, Н. Б. (2021). Социологический дискурс-анализ контекста концепции «мирного развития» Китая. *Вестник экономики, права и социологии*, (2), 122–126.
12. Фишман, Л. Г. (2021). Достойный гегемон «испорченного» мира. *Россия в глобальной политике*, 19(4), 98–110. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-98-110>
13. Шишков, В. В. (2017). Кризис глобальной гегемонии: перенапряжение гипердержавности США в XXI в. *Вестник МГИМО-Университета*, (1), 36–56. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-1-52-36-56>
14. Breslin, S. (2000). *Mao*. Routledge.
15. Breslin, S. (2007). *China and the global political economy*. Palgrave Macmillan.
16. Breslin, S., & Xiao, R. (2020). Introduction: China debates its global role.

The Pacific Review, 33(3–4), 357–361. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728575>

17. Breslin, S., & Xiao, R. (Eds.). (2021). *China debates its global role: Chinese scholars on Chinese scholarship*. Routledge.

18. Chen, Z., & Zhang, X. (2020). Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era. *The Pacific Review*, 33(3–4), 438–468. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728574>

19. Feng, H., & He, K. (2020). The study of Chinese scholars in foreign policy analysis: An emerging research program. *The Pacific Review*, 33(3–4), 362–385. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1738538>

20. He, Z. (2020). International law debates in China: Traditional issues and emerging fields. *The Pacific Review*, 33(3–4), 550–573. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1729231>

21. Huang, M., & Hu, J. (2020). Foreign aid study: Chinese schools and Chinese points. *The Pacific Review*, 33(3–4), 520–549. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728571>

22. Liu, H. (2020). Chinese perception of China's engagement in multilateralism and global governance. *The Pacific Review*, 33(3–4), 469–496. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728570>

23. Noesselt, N. (2015). Revisiting the debate on constructing a theory of international relations with Chinese characteristics. *The China Quarterly*, 92(4), 430–448. <https://doi.org/10.1017/S0305741015000387>

24. Wang, D., & Meng, W. (2020). China debating the regional order. *The Pacific Review*, 33(3–4), 497–519. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728576>

25. Wei, L. (2020). Striving for achievement in a new era: China debates its global role. *The Pacific Review*, 33(3–4), 413–437. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728572>

26. Xiao, R. (2020). Grown from within: Building a Chinese school of international relations. *The Pacific Review*, 33(3–4), 386–412. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728573>

27. Xiao, R., & Carlson, A. (2011). *New frontiers in China's foreign relations*. Lexington Books.

28. Yan, X. (2018). Chinese values vs. liberalism: What ideology will shape the international normative order? *The Chinese Journal of International Politics*, 11(1), 1–22. <https://doi.org/10.1093/cjip/poy001>

29. Zhang, Y. (2020). The Chinese school, global production of knowledge, and contentious politics in the disciplinary IR. *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace*, 9(2), 283–298. <https://doi.org/10.20991/allazimuth.725252>

References

1. Arsent'yeva, I.I. (2021). Politicheskij diskurs stigmatizacii Kitaya v kontekste pandemii COVID-19 [Political discourse on China's stigmatization in the context of COVID-19 pandemic]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 14(2), 22–46. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46>

2. Breslin, S. (2000). *Mao*. Routledge.

3. Breslin, S. (2007). *China and the global political economy*. Palgrave Macmillan.
4. Breslin, S., & Xiao, R. (2020). Introduction: China debates its global role. *The Pacific Review*, 33(3–4), 357–361. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728575>
5. Breslin, S., & Xiao, R. (2021). *China debates its global role: Chinese scholars on Chinese scholarship*. Routledge.
6. Chen, Z., & Zhang, X. (2020). Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era. *The Pacific Review*, 33(3–4), 438–468. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728574>
7. Dmitrieva, M.O. (2019). Rossiya i Kitaj v Central'noj Azii: sotrudnichestvo ili sopernichestvo [Russia and China in Central Asia: Cooperation or competition]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki*, (1), 139–146. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-1-139-146>
8. Feng, H., & He, K. (2020). The study of Chinese scholars in foreign policy analysis: An emerging research program. *The Pacific Review*, 33(3–4), 362–385. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1738538>
9. Fishman, L.G. (2021). Dostojnyj gegemon “isporchennogo” mira [Worthy hegemon of the “tainted” world]. *Rossija v global'noj politike*, 19(4), 98–110. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-98-110>
10. Gaman, E.V. (2021). Rossijskij Dal'nij Vostok i rossijskie proekty i ih integracija s kitajskimi iniciativami “Odin pojas. Odin put” v kontekste formirovanija Bol'shoj Evrazii [The Russian Far East and Russian projects, their integration with the Chinese “One Belt. One Road” initiatives in the context of Greater Eurasia formation]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie*, 37, 50–57. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.50>
11. He, Z. (2020). International law debates in China: Traditional issues and emerging fields. *The Pacific Review*, 33(3–4), 550–573. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1729231>
12. Huang, M., & Hu, J. (2020). Foreign aid study: Chinese schools and Chinese points. *The Pacific Review*, 33(3–4), 520–549. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728571>
13. Kovba, D.M. (2017). “Myagkaya sila” kak politicheskaya strategiya gosudarstv Vostochnoaziatskogo regiona [“Soft power” as a political strategy of the states of the East Asian region] [PhD thesis, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin]. Electronic scientific archive of the Ural Federal University. <http://elar.ufu.ru/handle/10995/50372>
14. Kovba, D.M., & Gribovod, E.G. (2019). Mezhdunarodnaja akademicheskaja mobil'nost' skvoz' prizmu teorii «mjagkoj sily» [International academic mobility through the prism of soft power theory]. *Obrazovanie i nauka*, 21(10), 9–31. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-9-31>
15. Krivokhizh, S., & Soboleva, E. (2017). Drevnost' na sluzhbe sovremennosti: teorija moral'nogo realizma Jan' Sjujetuna i budushhee mirovogo porjadka [The past serving the present: Yan Xuetong's theory of moral realism and the future of the global order]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61(11), 76–84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>
16. Kupryashkin, I.V. (2019). Nakanune gegemona? Mir-sistemnyj podhod

k perspektive global'nogo liderstva KNR [On the eve of hegemon? A world-system approach to the perspective of the PRC global leadership]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija*, (4), 32–42. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-4-32-42>

17. Liu, H. (2020). Chinese perception of China's engagement in multilateralism and global governance. *The Pacific Review*, 33(3–4), 469–496. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728570>

18. Lomanov, A. V. (2020). Rossiya i Kitaj v “Novuju jepohu”: vyzovy i perspektivy [Russia and China in the “new era”: challenges and perspectives]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*, 25(25), 34–50. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10002>

19. Mosyakov, D. V., & Shpakovskaya, M. A. (2018). Kitaj pereigrivaet SShA v otnoshenijah s ASEAN [China outplays the US in relations with ASEAN]. *Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija*, 2(3), 5–11.

20. Noesselt, N. (2015). Revisiting the debate on constructing a theory of international relations with Chinese characteristics. *The China Quarterly*, 92(4), 430–448. <https://doi.org/10.1017/S0305741015000387>

21. Pomozova, N. B. (2021). Sociologicheskij diskurs-analiz konteksta koncepcii “mirnogo razvitija” Kitaja [Sociological discourse analysis of the context of the concept of “peaceful development” of China]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii*, (2), 122–126.

22. Shishkov, V. V. (2017). Krizis global'noj gegemonii: perenaprjazhenie giperderzhavnosti SShA v XXI v. [Crisis of global hegemony: The overstretch of us hyperpower in the 21st century]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, (1), 36–56. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-1-52-36-56>

23. Voskressenski, A. D. (2020). Logika novoy miroustroitel'noy arhitektoniki: praktika i teoriya pereosmysleniya mnogomernogo mira i poisk Kitayem svojego mesta [The logic of the new world political architectonics: Praxis and theory of rethinking multidimensional world and China's search of its place]. *Sravnitel'naja politika*, 11(4), 5–26. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10045>

24. Wang, D., & Meng, W. (2020). China debating the regional order. *The Pacific Review*, 33(3–4), 497–519. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728576>

25. Wei, L. (2020). Striving for achievement in a new era: China debates its global role. *The Pacific Review*, 33(3–4), 413–437. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728572>

26. Xiao, R. (2020). Grown from within: Building a Chinese School of International Relations. *The Pacific Review*, 33(3–4), 386–412. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728573>

27. Xiao, R., & Carlson, A. (2011). *New frontiers in China's foreign relations*. Lexington Books.

28. Yan, X. (2018). Chinese values vs. liberalism: What ideology will shape the international normative order? *The Chinese Journal of International Politics*, 11(1), 1–22. <https://doi.org/10.1093/cjip/poy001>

29. Zhang, Y. (2020). The Chinese school, global production of knowledge, and contentious politics in the disciplinary IR. *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace*, 9(2), 283–298. <https://doi.org/10.20991/allazimuth.725252>

Информация об авторе

Дарья Михайловна Ковба, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>, e-mail: dmkovaljova@mail.ru

Information about the author

Daria Mikhailovna Kovba, Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>, e-mail: dmkovaljova@mail.ru

ЭКОФЕМИНИСТСКАЯ СТРАТЕГИЯ. ПОЛИТИКА СОХРАНЕНИЯ ЖИЗНИ-НА-ЗЕМЛЕ*

Ариэль Саллех,

Университет Нельсона Манделы,
Порт-Элизабет, ЮАР,
arielsalleh7@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.11.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Саллех А. Экофеминистская стратегия. Политика сохранения жизни-на-Земле // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 62–83. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_62

Аннотация

В данной статье экологический феминизм (экофеминизм) представлен как практика и стратегия объединения или поддержания биосоциальных отношений, которые делают возможной жизнь на Земле. В отличие от либерального феминизма, а также некоторых версий марксизма, материалистический экофеминизм уделяет

* Впервые текст статьи был частично опубликован на испанском языке в эквадорском журнале. См.: Salleh, A. (2018). Una estrategia eco-feminism: militar por el agua, el clima, u las luchas postdesarrollo. *Ecuador Debate*, (103), 147–158. Перевод для журнала «Дискурс-Пи» сделан по рукописи на английском языке. Переводчик – П. Н. Кондрашов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН. Для перевода проф. Саллех сделала множество пояснений и дополнений, чтобы ее текст был более понятен русскоязычному читателю, фактически незнакомому с экологическим феминизмом из-за отсутствия переводов как базовых текстов его представителей, так и обзорных работ этого научного направления и международного движения. Некоторые термины, употребляемые автором, пояснены переводчиком в подстрочных примечаниях. С избранными работами А. Саллех можно ознакомиться на ее сайте (www.arielsalleh.info).

© Саллех А., 2022

Большое внимание репродуктивному труду, отличающемуся от так называемого производительного труда. Автор вводит в оборот термин «метаиндустриальный класс» для описания деятельности заботящихся о семье женщин, крестьян-фермеров, собирателей и коренных народов, живущих на обочине индустриальной цивилизации. Их труд является не только основой человеческого существования, но и необходимой предпосылкой производительного труда как такового. Однако долг современных обществ перед метаиндустриальным трудом, особенно перед домашним хозяйством, постоянно недооценивается. В отличие от риторики научного и технического прогресса, которая оправдывает постоянно возрастающую эксплуатацию и потребление «неисчерпаемой» природы, имманентная логика метаиндустриального труда защищает метаболизм между человечеством и природой. В то время как линейный инструментальный разум современной промышленности оставляет за собой беспорядок и энтропию, метапромышленный труд, непосредственно участвуя в метаболических циклах Земли, восстанавливает термодинамическую устойчивость. Метаиндустриальный класс, с его осторожной эпистемологией, усвоенной в результате практического труда, не нуждается в линейной логике продуктивизма. Репродукция следует циклической логике регенерации. Автор статьи рассматривает это через призму воды, поскольку она опосредует обмен веществ между природой и людьми, всегда остающимися частью природных экосистем. В соответствии с этой экологикой все явления, объекты и процессы являются взаимосвязанными компонентами устойчивого органического целого. Материалистическая экофеминистская политическая стратегия демонстрирует возможность замедления роста с опорой на эмпиризм народной науки.

Ключевые слова:

экофеминизм, экология, устойчивость, метаиндустриальный класс, обмен веществ между человечеством и природой, вода, репродуктивный/восстановительный труд.

UDC 101

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_62

ECOFEMINIST STRATEGY. THE POLITICS OF HOLDING LIFE-ON-EARTH

Ariel Salleh,

Nelson Mandela University,
Port Elizabeth, the Republic of South Africa,
arielsalleh7@gmail.com

Article received on November 20, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Salleh, A. (2022). Ecofeminist Strategy. The Politics of Holding Life-On-Earth. *Discourse-P*, 19(1), 62–83. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_62

Abstract

The article presents ecological feminism or ecofeminism as the praxis and strategy for holding-together or sustaining the bio-social relations that make possible life-on-Earth. In contrast to Liberal feminism, as well as some versions of Marxism, materialist ecofeminism attends to re-productive labor, as distinct from so-called productive labor. The author introduces the term ‘meta-industrial class’ to describe the activities of women caring for family, peasant farmers, gatherers, and indigenous peoples living at the economic margins of industrial civilization. Their labor is not only foundational to human existence, it is a prerequisite to productive labor as such. However, the debt owed by modern societies to meta-industrial labor, especially housework, is constantly underestimated. In contrast to the rhetoric of scientific mastery that justifies ever increasing exploitation and consumption of ‘inexhaustible’ nature, the immanent logic of meta-industrial labor protects the humanity-nature metabolism. While the linear instrumental reason of modern industry leaves behind disorder and entropy, meta-industrial labor, engaging directly with the Earth’s metabolic cycles, restores thermodynamic stability. With its precautionary epistemology learned through experiential labors, the meta-industrial class has no use for the linear logic of productivism. Re-production follows a regenerative circular logic. The author considers this through the prism of water as it mediates the metabolism of humans embodied in nature. By this eco-logic, all phenomena, objects, processes, are inter-related components of a stable organic whole. A materialist ecofeminist political strategy demonstrates the possibility of a de-growth grounded in the empiricism of vernacular science.

Keywords:

ecofeminism, ecology, sustainability, meta-industrial class, humanity-nature metabolism, water, reproductive/regenerative labor.

Введение: определение экофеминизма

Экологический феминизм, или экофеминизм (англ. *ecological feminism*, *ecofeminism*), этот «новый термин для древней мудрости», вырос из различных общественных движений – феминистского, движения за мир и экологию – в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Хотя сам термин впервые был использован Ф. Д’Обонн более 40 лет назад (D’Eaubonne, 1980), он стал популярным только в контексте многочисленных протестов и мероприятий против разрушения окружающей среды, вызванных повторяющимися экологическими кризисами. Катастрофа на Три-Майл-Айленде¹ побудила большое количество женщин в США собрать

¹ 28 марта 1979 г. на АЭС Три-Майл-Айленд (англ. *Three Mile Island*) произошла одна из крупнейших аварий в истории ядерной энергетики США. Несмотря на то, что

ся на первую экофеминистскую конференцию – «Женщины и жизнь на Земле: Конференция по экофеминизму в восьмидесятых», которая прошла в Амхерсте в 1980 г. На этой конференции были исследованы связи между феминизмом, милитаризацией, целительством и экологией.

Несмотря на то, что само слово «экофеминизм» довольно новое, его смысл и внутреннее содержание во все времена стимулировали усилия женщин по сохранению средств к существованию и обеспечению безопасности своих сообществ. От жителей леса Чипко в Северной Индии около 300 лет назад до матерей угледобывающих Аппалачей в настоящее время продолжается борьба за создание жизнеутверждающих и жизнеспособных обществ. Сегодня эта борьба усиливается по мере того, как глобализирующее влияние транснациональных корпораций расширяется, когда фактически весь мир втягивается в сферу их эксплуатации. Экофеминизм говорит об общей энергии, которая присутствует в движении на всех континентах. В этом смысле экологические феминистки одновременно являются и уличными борцами, и философами.

Призыв экофеминизма «Только подключайся!» подводит итог тому, что представляет собой его перспектива. Экофеминизм – единственная известная мне политическая система мысли, которая может объяснить исторические связи между неолиберальным капиталом, милитаризмом, корпоративной наукой, отчуждением работников, насилием в семье, репродуктивными технологиями, секс-туризмом и проституцией, растлением малолетних, неокOLONIALИЗМОМ, исламофобией, экстрактивизмом², жестоким обращением с животными, ядер-

попавшее в окружающую среду количество радиации и радиоактивных веществ было незначительным, авария вызвала широкий резонанс в американском обществе. Началась широкомасштабная и алармистская антиядерная кампания, результатом которой стал постепенный отказ от строительства новых энергоблоков. – *Прим. пер.*

² Экстрактивизм (англ. *extractivism*) – процесс извлечения природных ресурсов для продажи на мировом рынке. В отличие от простой добычи полезных ископаемых, экстрактивизм характеризуется следующими основными чертами: 1) добыча осуществляется в основном транснациональными корпорациями в тесной кооперации с правительствами стран центра капиталистической мир-системы на территориях периферии и полупериферии, в то время как добыча на собственных территориях почти не ведется; 2) в государствах, на территории которых осуществляется экстрактивистская добыча, на эти ресурсы нет внутреннего спроса в силу отсутствия развитой обрабатывающей промышленности, либо эти государства сознательно проводят сырьевую экономическую политику; 3) как правило, ТНК на используемых для экстрактивизма территориях не заботятся о безопасности рабочих и защите окружающей среды; 4) в расширительном смысле под экстрактивизмом также понимают использование трудовых, водных и земельных ресурсов эксплуатируемых стран; 5) являясь необходимой частью эоимпериализма (а ранее колониализма), экстрактивизм структурно встроен в гегемонистский порядок глобального капитализма; 6) экстрактивизм (в отличие, например, от ресурсо-ориентированной экономики) основывается на прометеанстве, рассматривающем природу как количественно «неисчерпаемую кладовую», которую необходимо познать и на основании научно-технического знания завоевать в целях использования для удовлетворения постоянно растущих человеческих потребностей посредством непрерывного роста производства и, соответственно, перманентного увеличения степени

ным оружием, промышленными токсичными веществами, захватом земель и водных бассейнов, вырубкой лесов, генной инженерией, изменением климата и мифом о современном прогрессе. Экофеминистские решения также являются синергетическими; организация повседневной жизни вокруг воспроизводства средств к существованию способствует продовольственному суверенитету, развитию демократии прямого участия и продуктивному взаимодействию системы «человек-техника» с природными экосистемами.

Экологический феминизм сегодня представлен во многих книгах и статьях, он преподается в качестве университетской специальности, а также на курсах по экологической этике, социальной и политической мысли, гендерным исследованиям, географии человека, гуманитарным наукам об окружающей среде и, совсем недавно, политической экологии.

Тем не менее общественность не всегда ясно представляет себе связь между экофеминизмом и феминизмом как таковым. Мейнстрим феминизма имеет множество притоков с различными целями и стратегиями. Наиболее фундаментальная форма феминизма обнаруживает себя тогда, когда радикальные феминистки слишком раздуто подчеркивают противоречия повседневного опыта женщин в условиях мужского доминирования и угнетения. С другой стороны, представительницы культурного феминизма (англ. *cultural feminism*) отмечают освободительный потенциал «женских ценностей», хотя и признают, что многие из «ценностей» (например, «большая близость женщин к природе», а мужчин – «к разуму и культуре») исторически навязаны женщинам, как правило, мужчинами. Социалистические феминистки рассматривают уникальную форму экономической эксплуатации женщин как неоплачиваемый домашний труд на мировом рынке. Либеральные феминистки просто стремятся к равным (с мужчинами) возможностям для женщин, при этом оставляя само капиталистическое общество нетронутым. Постструктуралистские феминистки смотрят на то, как женщины социально устроены и позиционируются с помощью языка в популярных средствах массовой информации, литературе, религии, праве и т. д.

В экофеминизме обнажаются глубинные политические аспекты современных взаимоотношений между такими феноменами, как техника, природа, женский и вообще репродуктивный труд, капиталистический способ производства, экологическая борьба и т. п.³ Первая предпосылка экологического феминизма состоит в том, что «материальные» ресурсы женщин и природы структурно взаимосвязаны в капиталистической патриархальной системе. Экофеминистки могут иногда опираться на другие направления феминизма,

агрессивной эксплуатации природы при полном игнорировании последствий этой эксплуатации как для окружающей среды, так и для человеческого общества. – *Прим. пер.*

³ Например, экофеминизм объясняет, как гендерно обусловлены финансовый и экологический кризисы. Более того, каждый кризис теперь активизирует новые виды политического сопротивления – молодежь, нестандартные рабочие, беженцы с географической периферии. Сегодня к нему присоединяются, если не возглавляют, активисты альтерглобализма – Всемирного социального форума, *Via Campesina*, Экологической сети коренных народов, Всемирного марша женщин, движения *Occupy!*, *Animal Liberation*. – *Прим. пер.*

но либеральные и постмодернистские подходы, как правило, бесполезны для создания глобальных политических союзов с рабочими, крестьянами, коренными народами и другими жертвами западного стремления к накоплению. Критически важным аспектом экофеминизма является то, что он предлагает альтернативу релятивизму, который берет верх по мере того, как капиталистическая коммодификация гомогенизирует культуры. Так, например, Мария Миэс и Вандана Шива описывают резкий контраст между социальным упадком пассивного буржуазного потребительства и социальной жизнеспособностью самодостаточных и автономных экономик (Mies & Shiva, 2014).

Никакая другая политическая перспектива – либерализм, социализм, феминизм, экологизм – не может объединить то, что делает экофеминизм: почему с народом рома (цыганами) по-прежнему обращаются как с животными; почему женщины выполняют 65 % мировой работы за 10 % ее заработной платы; почему интернет-изображения детей, подвергшихся сексуальному насилию, приносят миллионы долларов; или почему самой Землей манипулируют как оружием войны. Исчезновение видов является эндемичным явлением; приближается пик истощения пресной воды; почвы теряют органическую целостность; атмосфера расколота яростными штормами. Вандана Шива отмечает, что мы находимся в эпическом соревновании между правами Матери-Земли и правами корпораций и милитаризованных государств, использующих устаревшие мировоззренческие установки.

Не все женщины, которые были движущей силой течения против строительства атомных электростанций в Германии, были убежденными феминистками, но для них также была очевидна связь между технологиями, войной против природы, против женщин и будущих поколений. Крестьянки, которые активно протестовали против предлагаемого строительства атомной электростанции в Уиле на юго-западе Германии, также увидели связь между технологиями, манией экономического роста, ориентированной на прибыль, и эксплуатацией стран третьего мира. Эту связь четко обозначила и советская женщина после чернобыльской катастрофы 1986 г.: «Мужчины никогда не думают о жизни. Они хотят только покорить природу и врага».

Новые достижения в области биотехнологии, генной инженерии и репродуктивных технологий заставили женщин остро осознать гендерную предвзятость науки и техники и то, что вся парадигма этих наук патриархальна, антиприродна, колониальна и направлена на то, чтобы лишить женщин их фертильных способностей, как это происходит с производительными способностями природы.

Вслед за основанием в 1984 г. Международной феминистской сети сопротивления генетической и репродуктивной инженерии (англ. *Feminist International Network of Resistance to Reproductive and Genetic Engineering, FINRRAGE*) последовал ряд важных конгрессов: в 1985 г. в Швеции и ФРГ, в 1988 г. в Бангладеш, в 1991 г. в Бразилии. Это движение вышло далеко за рамки узко определенного женского или феминистского движения. В Германии женщины из профсоюзов, церквей и университетов, сельские и городские женщины, работницы и домохозяйки мобилизовались против этих технологий; их этические, экономические последствия и последствия для здоровья продолжают оставаться предметом горячих споров. Это движение сыграло важную роль в предотвращении создания агентства «суррогатного материнства» во Франкфурте.

Экофеминистский принцип поиска связей, в которых капиталистический патриархат и его воинственная наука заняты расчленением и анализом того, что образует живое целое, также является одним из базовых принципов движения. Экофеминистки понимают, что освобождение женщин может быть достигнуто не изолированно, а только как часть более широкой борьбы за сохранение жизни на нашей планете. Это движение также способствует созданию новых связей и сетей. Одна африканская женщина в 1988 г. на конгрессе в Бангладеш, впервые услышав о генетической инженерии и биотехнологиях, воскликнула: «Если это прогресс, мы не хотим его. Оставьте это!».

Движения за жизнь

Экофеминистский подход формируется на основе повседневной жизни, связанной с различными формами репродуктивной (восстановительной) деятельности. Репродуктивный труд⁴ – основа любого общества. Благодаря практическому опыту, возникающему в результате такого труда, например, матери учатся поддерживать биологические циклы в организме ребенка, о котором они заботятся. Точно так же крестьяне и собиратели «настраиваются» на природные циклы, работая на земле. Эти работники, труд которых практически не оплачивается, в значительной степени невидимы в мировой экономике; они не получили должного признания в социологии и не осмыслены как категория «производительных трудящихся» в марксизме. Но взятые вместе эти трудовые группы – матери, крестьяне и собиратели, коренные народы – в действительности образуют класс, который благодаря своим материальным навыкам обеспечения жизни на Земле выходит на авансцену именно сейчас, в эпоху экологических и антропологических кризисов и катастроф (Salleh, 2017).

Это феминистское экологическое утверждение поддерживает призыв Вольфганга Сакса обратиться к изучению «автохтонных обществ, которые живут богато в пределах своих собственных, доступных средств, и к тем формам социальных изменений, которые черпают вдохновение из идей коренных народов о хорошей и правильной жизни... Поэтому задача глобальной экологии может быть понята двояко: это либо технократическая попытка удержать развитие на плаву против потока грабительского хозяйствования и загрязнения окружающей среды, либо культурная попытка стряхнуть гегемонию устаревающих западных ценностей и постепенно отказаться от гонки развития» (Sachs, pp. 4–11).

Термин «экологический феминизм» также широко используется для описания политики, которая рассматривает экологию и феминизм как единую борьбу. Эта борьба активизируется в те моменты, когда ставятся под угрозу

⁴ В экофеминизме под репродуктивным трудом понимается не только неоплачиваемая работа женщин, которая связана с домашними обязанностями (уборка, приготовление пищи, уход за детьми, стирка) и которая не признается важной в капиталистической системе. Как будет показано ниже, в это понятие экофеминистки включают труд всего так называемого «мегаиндустриального класса», т. е. всю деятельность, направленную на поддержание, репродукцию, восстановление и регенерацию жизненных циклов существования человека/культуры и природы. – Прим. пер.

условия жизни в городских кварталах и сельских общинах. Безусловно, и женщины, и мужчины вовлечены в труд по воспроизводству жизни, но поскольку в основном женщины во всем мире занимают социальное положение в качестве лиц, обеспечивающих заботу, уход и питание всей семьи, то обычно именно они в первую очередь принимают меры по охране окружающей среды. Такого рода природоохранные меры универсальны, не зависят от региона, класса или этнической принадлежности, т. е. они уникально интерсекциональны. Так, начиная с 1970-х гг. на всех континентах женщины, реагирующие на сопутствующий ущерб, нанесенный капиталистическими индустриализмом, продуктивизмом, потребительством и моделями развития после Второй мировой войны, начали заниматься тем, что они стали называть экофеминизмом. Немецкие экофеминистки, например, довольно явно строили свою работу на теоретических основах, заложенных в 1910-е гг. Розой Люксембург (см. Luxemburg, 2003).

1980-е гг. также ознаменовались взрывом таких «новых социальных движений», как Антиядерное движение (*Anti-nukes*), Черная сила (*Black Power*), Женское освободительное движение (*Women's Lib*), Движение в защиту земельных прав коренных народов (*Indigenous Land Rights*) и др. Однако, как верно предполагали марксисты, в конечном счете радикальная экология была поглощена партиями зеленых и профессионалами-технократами, а сам феминизм под влиянием либерального индивидуализма превратился в одностороннюю борьбу за равные права. Следующая фаза экофеминизма последовала за Саммитом Земли (Конференцией ООН по окружающей среде и развитию), проходившим в Рио-де-Жанейро в 1992 г., который вместо того, чтобы принять международные меры по защите Земли, в действительности только усилил неокOLONIAльную политику глобального Севера якобы во имя защиты природы. В настоящее время глобальный генеральный план региональных соглашений проложил путь для разработки земель коренных народов транснациональными корпорациями и корпоративного патентования их биоразнообразия. Экофеминистки, например Вандана Шива, присутствовали на Саммите Земли и сделали все возможное, чтобы воспротивиться этим мерам (Shiva, 1987; D'Avila & De Vasconcelos, 1993). К сожалению, в скором времени Рамочная конвенция ООН об изменении климата вынудила социально уязвимых участников этих соглашений пойти на дальнейшие уступки неолиберальному капитализму и транснациональным корпорациям. XX столетие завершилось «битвой за Сиэтл» (англ. *Battle of Seattle*) – массовыми уличными протестами в американском Сиэтле в 1999 г., где международный антиглобализм противостоял Всемирной торговой организации (Isla, 2009, pp. 141–145). Это широкое движение за народную альтернативу глобализации провело свой первый Всемирный социальный форум в 2001 г.

Если экспансия неолиберализма деморализовала рабочих обрабатывающей промышленности в метрополиях, переместив их рабочие места за границу в низкооплачиваемые экспортные зоны глобального Юга, то у многих людей на геополитической периферии была другая повестка дня. Движение безземельных рабочих (португ. *Movimento dos Trabalhadores Sem Terra, MST*) в Бразилии и Движение безземельных людей (англ. *Landless People's Movement*) в ЮАР пропагандировали создание экодеревень и продовольственный суверенитет. В Эквадоре представительницы организации «Экологическое действие» (исп. *Acción Ecológica*) использовали концепт «экологический долг»

для описания 500-летнего колониального хищения природных ресурсов, грабительских процентов Всемирного банка по кредитам на развитие и продолжающейся потери средств к существованию, обусловленной экономическим экстрактивизмом. Справедливость в сочетании с устойчивым развитием также стала предметом обсуждения в 2010 г. на климатическом саммите в боливийской Кочабамбе, где были представлены андские способы обеспечения в качестве альтернативы растрате жизни в условиях промышленного изобилия. После финансового кризиса 2008 г. интернациональная группа молодежи *Occupy Wall Street* разбила лагерь на Уолл-стрит возле Нью-Йоркской фондовой биржи, чтобы выступить против капиталистического финансового класса; в Германии сторонники движения *Occupy!* заблокировали франкфуртские банки. Еще одна политика, основанная на жизнеутверждающих ценностях, проявилась в среднеземноморских государствах, сопротивляющихся программам жесткой экономии Евросоюза. Испанские *Indignados* спровоцировали создание множества самодостаточных хозяйств.

Затем на Конференции ООН Рио+20 в 2012 г. бизнесмены и политики активизировали свою ранее выдвинутую программу «Зеленый новый курс» (англ. *Green New Deal*), направленную на развитие нанотехнологической биоэкономики. И снова экофеминистки приняли участие в критике этого курса (Salleh, 2009). Позже ученые-экологи соберутся в Лейпциге и Будапеште, чтобы обсудить перспективы сокращения роста в сельском хозяйстве, хотя на тот момент работы таких исследователей-экофеминисток, как Вероника Беннхольд-Томсен, Мария Миэс, Вандана Шива, еще не получили широкого признания (Bennholdt-Thomsen & Mies, 1999; Shiva, 2005). Сегодня брюссельское отделение Фонда Розы Люксембург, работающее над социально-экономическими преобразованиями, изучает перспективы конвергенции экофеминистской политики с такими социалистическими движениями, как *Buen Vivir* и *Sumak Kawsay*⁵ в Южной Америке, *Ubuntu*⁶ в Южной Африке, *Swaraj*⁷ в Индии.

⁵ *Buen vivir* в переводе с испанского означает «хорошая жизнь». В языке кечуа *sumak* относится к идеальному и прекрасному состоянию планеты, а *kawsay* означает жизнь с достоинством, полнотой, балансом и гармонией. *Buen Vivir* и *Sumak Kawsay* – это философия, основанная на пяти простых столпах: нет жизни без знания и мудрости; мы все произошли от Матери-Земли; жизнь здорова; жизнь коллективна; у всех есть стремление или мечта. С 1990-х гг. *Sumak Kawsay* превратился в политический проект, направленный на достижение коллективного благополучия, социальной ответственности в отношении людей к природе, на прекращение бесконечного накопления капитала. *Sumak Kawsay* и *Buen Vivir* предлагают коллективную реализацию гармоничной и сбалансированной жизни, основанной на этических ценностях, вместо модели развития, которая рассматривает человека и природу как экономический ресурс.

⁶ Убунту (в переводе с зулусского языка *ubuntu* – человечность по отношению к другим; еще один возможный вариант перевода – вера во вселенские узы общности, связывающие все человечество) – южноафриканское направление этики и гуманистической философии, уделяющее особое внимание верности и лояльности в отношениях между людьми. Убунту является одним из основополагающих принципов постапартеидной ЮАР. – *Прим. пер.*

⁷ Сварадж (хинди *swaraj*, где *swa* – само-; *raj* – закон) – используемый Махатмой

Экофеминисты отмечают, что в условиях капиталистической патриархальной культуры ограждение и коммодификация природы перекликаются с ограждением и коммодификацией женских рабочих тел. Классические намеки на Мать-Природу – это гораздо больше, чем метафора. Вот почему, например, защитная этика веганства циркулирует среди экофеминистских сетей, и проводятся международные встречи по уходу за животными (Kheel, 2008; Jones, 2010). Вот почему женщины по всей Африке, чья жизнь и средства к существованию находятся под угрозой из-за добычи полезных ископаемых вблизи их деревень, создали *WoMin* – антиэкстрактивистскую сеть со своим собственным экофеминистским манифестом. Вот почему в американских Аппалачах матери организуют прямые действия против сноса горных вершин предприятиями угольной промышленности (Bell, 2013). Вот почему индийская *Navdanya* создает «банк» традиционных семян, чтобы спасти их от фармацевтического патентования. Вот почему в китайской провинции Сычуань крестьянки восстанавливают плодородие почвы, возрождая вековые органические технологии, а в Лондоне домохозяйки добровольно посвящают свое время ремонту водосбора Темзы после столетий жестокого обращения с рекой.

Вода: подлинный основной вопрос

Когда активисты не видят того, как логика воспроизводства связывает экологию, рабочих, крестьян, женщин и движения коренных народов, возникает монотематическая, одномерная «политика идентичности», ведущая к разрушительной конкуренции, в рамках которой оказывается, что права одной группы противоречат правам другой, ибо одна идентичность оказывается несовместимой с другой (сегодня такую пагубность политик «идентичностей» мы наблюдаем в деятельности радикальных феминисток). Но когда люди работают вместе, чтобы защитить условия собственной жизни на своей земле и тем самым жизни на планете Земля, то культурные различия отступают, «выносятся за скобки», а то и вовсе элиминируются. Если воспитание – это универсальная человеческая способность, то его материальной основой является еще один универсальный поток – вода. Почему? Потому что:

- глобальная климатическая стабильность зависит от регулярного круговорота воды;
- снижение уровня атмосферного углерода растениями зависит от воды;
- здоровье почвы, растений и животных зависит от воды;
- человеческие тела состоят в основном из воды.

Правительства и международные организации, использующие модель развития, ориентированную на рост, отрицают, что мировая экономика уже столкнулась с кризисом перепроизводства. Что еще более серьезно, они отрицают, что пик нефти совсем скоро сравняется с пиком воды⁸. Всемирный банк и даже

Ганди синоним понятия «самоуправление». Это подразумевает политическую децентрализацию и управление не с помощью централизованного правительства, а посредством прямой демократии членов местного сообщества и общественных собраний. – Прим. пер.

⁸ Пик нефти (англ. *peak oil*) – максимальное мировое производство нефти, которое было или будет достигнуто, и за которым последует необратимый спад добычи. Это

Цели устойчивого развития ООН способствуют приватизации водоснабжения в самых разных по уровню развития странах. Однако «защита воды» неолиберальными рынками представляет собой противоречие в терминах: рынки могут увеличить стоимость товара, только сделав его дефицитным! Сегодня 10 частных компаний контролируют продажу воды в 100 странах, и, как известно, они повышают тарифы на воду, сокращают услуги для бедных и отказываются от обслуживания инфраструктуры водного хозяйства⁹. Начиная со знаковой борьбы граждан Кочабамбы против американской компании *Bechtel* в 2001 г., южноамериканские общины лидируют в мире в области водной политики. В Венесуэле и Мексике существуют массовые движения за муниципальную собственность на услуги. В Европе в этом направлении особенно продвинулась Испания¹⁰. Но самое главное – активистам необходимо в срочном порядке предотвратить захваты водных ресурсов корпорациями и будущие конфликты между крупными державами из-за пресной воды¹¹.

Однако такая социалистическая стратегия, как общественная собственность на воду, – это только половина дела, потому что, как и либерализм, социализм все же остается антропоцентрической политикой. Сообщества постразвития будут «экоцентричными», если станут активно использовать водную парадигму ради восстановления жизни на Земле. В этом отношении глобальный Север может многое почерпнуть из мировоззрения коренных народов и навыков женщин по уходу за детьми. Вклад экологических феминисток полезен на нескольких этапах этого процесса трансформации, не в последнюю очередь и для деструкции антропоцентризма.

Экофеминистки отмечают, что традиционные западные институты – от религии и права до экономики и науки – были созданы, чтобы служить патриархальному господству «первого политического порядка» в мире. К сожалению, «маскулинные права» стали международной позицией по умолчанию как для либералов, так и для социалистов¹². Колеса глобализации все еще смазаны иерархией «великой цепи бытия» Аристотеля – древнего дискурсивного обоснования, которое ставит богов, царей и мужчин на вершину социальной жизни, в силу чего они по своей сущности якобы обладают властью над подчиненными, такими как «женщины, туземцы и Мать-Природа».

понятие связано с концепцией К. Хабберта 1956 г. об истощении запасов нефти. Пик воды (англ. *peak water*) – концепция, которую предложили в 2010 г. П. Глейк и М. Паланиаппан, подчеркивая растущие ограничения в отношении наличия, качества и использования ресурсов пресной воды. – *Прим. пер.*

⁹ Barlow, M., & Clarke, T. (2004, January). *Water privatization*. Retrieved October 18, 2021, from <https://archive.globalpolicy.org/soecon/bwi-wto/wbank/2004/01waterpriv.htm>

¹⁰ Steinfort, L., Kishimoto, S., & Burke, D. (2017, March 22). *10 rousing struggles for public water*. Retrieved October 18, 2021, from <https://www.tni.org/en/article/10-rousing-struggles-for-public-water>

¹¹ Froelich, A. (2018, February 15). *Coca-Cola and Nestlé to privatize the largest reserve of water in South America*. Retrieved October 18, 2021, from <https://awakeandaware.ca/coca-cola-and-nestle-to-privatize-the-largest-reserve-of-water-in-south-america/>

¹² Thompson, D. (2020). *Masculinity and the Ruling of the World*. Retrieved October 22, 2021, from <http://denisethompsonfeminism.wordpress.com/>

Широкое общественное понимание того, что глобальная экономика антропоцентрична, имеет решающее значение для сохранения жизни на Земле. Такие кризисы, как изменение климата, утрата биоразнообразия и пандемия коронавируса, являются результатом доминирующего европоцентристского убеждения, которое ставит человечество выше природы. Это предположение о дуализме «человек – природа», заимствованное из древних авраамических религиозных культур, было в свое время секуляризовано европейским Просвещением и научной революцией. Современная наука перешла от взгляда на природу как на живой организм (Античность) или как «творение Бога» (Средневековье) к взгляду на природу как механический агрегат, машину, которая может быть спроектирована и усовершенствована людьми.

Традиционный ныне кодекс общепринятых правил, определяющий господство человечества над природой, мужского над женским, белого над черным и т. д., на самом деле ограничивает жизненные возможности всех людей, и поэтому феминистским, деколониальным и экологическим активистам имеет смысл разоблачать его по всем направлениям. Однако антропоцентризм этого дуализма нелегко изменить, потому что он снова и снова интериоризируется в каждом индивидуальном сознании в процессах социализации новых поколений. Подсознательный «порядок здравого смысла» повседневной жизни выглядит так, и большинство людей принимают его как «закон природы».

Не только к женщинам традиционно относятся как к более близким к природе, чем мужчины, которые в данной оптике оказываются более близкими к культуре и разуму, т. е. к «человечности», но и к коренным народам и детям. Эта подсознательная иерархия способностей, прав и власти прямо или косвенно влияет на принятие политических решений.

Структурные эффекты этой старой мантры определили направление истории. Женщины и покоренные рабы становятся просто объектами; а в эпоху Просвещения природа и тела даже концептуализируются как машины, части которых могут управляться математическими формулами (Merchant, 1980). Важно заметить то, что такая отчужденная от жизни идеология и культура необходимы для функционирования капитализма. В патриархальном обществе земля по умолчанию ценится как прочная, крепкая, надежная, в то время как животворящие потоки воды так же неустойчивы, проблематичны, как и воплощенная женская фертильность, когда женщины не замужем, т. е. не находятся в подчинении у мужа. Социальные права при этом символизируются в праве собственности на землю и защищены от буйных вод искусственными плотинами, каналами и дренажами. И только поэтому такие «неустойчивые» «объекты», как женщины, требуют «крепкой мужской руки».

Некоторые сторонники «водной парадигмы» описывают маскулинизированное инструментальное рационалистическое стремление овладеть водой с помощью права и инженерии как «гидравлическую миссию» (Kraučik et al., 2008). Еще один пагубный эффект психологического дуализма проявляется в несоответствии между редукционистскими показателями экономистов и живыми экологическими потоками, которые они пытаются измерить. Люди могут отвергать неолиберализм, но одновременно с этим все равно воспринимать механическую индустриализацию природы как само собой разумеющийся «способ ведения экономики». Они не понимают, почему этот метод обеспече-

ния не может быть рационализирован глобально, отрегулирован или исправлен. Инженерные заявления европейских и североамериканских экологических модернистов обманчиво оптимистичны, а аура высокотехнологичных инноваций слишком часто мистифицирует и успокаивает потенциальных критиков политического статус-кво. Оцифрованное, автоматизированное будущее не будет легко «дематериализовываться» в справедливость и устойчивость. Между тем такие важные предложения экономистов-феминисток, как движение к экономике замкнутого цикла или более адекватная оценка труда по уходу за членами семьи и попечению (больных, детей, стариков, людей, попавших в беду), к сожалению, как и предупреждали марксисты, немедленно поглощаются тотализирующей логикой капитала (Odih, 2014).

Другой способ познания

Экофеминистки создали обширную литературу, часто используемую в университетских курсах, в которой раскрываются истоки глобального экологического кризиса, укорененные в институтах и практиках европоцентристских и поло-гендерных привилегий. В этих работах критикуются системы знаний большинства академических дисциплин, даже таких как марксизм и социальная экология. Экофеминистки предлагают альтернативную эпистемологию, способ познания, совершенно отличный от инструментального рационального манипулирования людьми и природой. Но глупо говорить, что они опираются на некую женскую политическую проницательность и врожденную «женскую сущность». Скорее, источником экофеминистской эпистемологии является труд, поскольку люди формируют свое понимание и навыки через взаимодействие с материальным миром, включая человеческие тела. Люди, которые работают автономно, вне оупляющей, оцепеняющей промышленной рутины, т. е. домохозяйки, воспитатели, фермеры, собиратели, люди, ухаживающие за больными, способны более точно строить резонансные модели того, как одна вещь соединяется с другой.

Временные структуры этого «метаиндустриального» рабочего класса являются межпоколенческими и, следовательно, по своей сути оказываются защитными и превентивными, предупреждающими. Эпистемологический масштаб метаиндустриального труда является глубоко внутренним, интимным, максимизируя отзывчивость работника на взаимный переход материи-энергии в природу или в человеческие тела как природу. Суждения метаиндустриальных рабочих основаны на опыте, накопленном методом проб и ошибок, с использованием оценки экосистемы или физического здоровья от колыбели до могилы. Разнообразные потребности видов или возрастных групп напрямую уравниваются и согласовываются в метаиндустриальном труде. Там, где внутренняя экономика и экономика, обеспечивающая средства к существованию, практикуют синергетическое решение проблем, многокритериальное принятие решений является вопросом здравого смысла. В метаиндустриальном труде, где нет разделения между умственными и физическими навыками, ответственность прозрачна; продукт труда не отчуждается от рабочего, как при капитализме, а разделяется и используется совместно с другими. Здесь линейная логика промышленного производства уступает место круговой, циклической логике

воспроизводства. Тем самым социальное обеспечение фактически оказывается одновременно и народной наукой, и политическим действием.

В 2008 г. коренные жители Южной Америки бросили вызов неокOLONIALному экстрактивизму, вдохновив Эквадор на конституционное закрепление Пачамама Райми – ежегодной церемонии, подтверждающей права Матери-Земли¹³ (Acosta, 2009). От Южной Африки до Великобритании и дальше преподавание такой новой академической дисциплины, как Земная юриспруденция (англ. *Earth Jurisprudence*)¹⁴, также известной как Дикий закон (англ. *Wild Law*)¹⁵, помогает разрешению противоречий между мудростью экоцентризма и либеральным языком «прав».

Тем не менее юриспруденция и право остаются в мире идей, тогда как водная парадигма – это материальная политика в действии. Потенциально новые, возникшие в народе взгляды на Земную демократию (англ. *Earth Democracy*) могут дестабилизировать трансатлантического гегемона с его грандиозными технократическими схемами управления Земной системой. Но путь есть, не в последнюю очередь потому, что Цели устойчивого развития ООН основаны на транснациональном управлении водными ресурсами¹⁶. Эти цели описываются как универсальный план действий для «людей, планеты и процветания», который должен вступить в силу в течение следующих пятнадцати лет. Пункт 6а призывает к международному сотрудничеству и наращиванию потенциала в области санитарии, сбора воды, опреснения, повышения эффективности водопользования, очистки сточных вод и повторного использования. Что касается климата, то параллельный «подход к чистой энергии» опирается на мантру 3-Ds – *decentralisation, decarbonisation, digitalization* (децентрализация, декарбонизация, цифровизация), описанную как «выращенную» в утробе предпринимателей и бухгалтеров, не меньше! Полное воздействие на природу «решения» высокотехнологичных проблем – энергоемкой добычи полезных ископаемых, выплавки, производства, транспортировки и технического обслуживания – редко учитывается даже сторонниками Зеленого нового курса.

¹³ На языке кечуа *Pachamama Raymi* – праздник Матери-Земли.

¹⁴ Земная юриспруденция – философия права и управления людьми, основанная на том факте, что люди являются лишь одной частью более широкого сообщества существ и что благополучие каждого члена этого сообщества зависит от благополучия Земли в целом. Эта философия утверждает, что человеческие общества будут жизнеспособными и процветающими только в том случае, если они будут регулировать себя как часть этого более широкого земного сообщества и будут делать это тем образом, который согласуется с фундаментальными законами или принципами, регулирующими функционирование Вселенной (см.: Cullinan, 2003). – *Прим. пер.*

¹⁵ Дикий закон подразумевает такую регуляцию человеческого поведения, которая направляет это поведение на сохранение целостности всего земного сообщества в долгосрочной перспективе, а не на удовлетворение краткосрочных потребностей и интересов людей. Дикие законы призваны регулировать участие человека в этом более широком сообществе. – *Прим. пер.*

¹⁶ *Transforming our world: The 2030 Agenda for sustainable development* (2015). Retrieved October 25, 2021, from [https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=vi
ew&type=400&nr=2125&menu=1515](https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=vi
ew&type=400&nr=2125&menu=1515)

Метаболические издержки этого экстрактивизма – эрозия почвы, токсичность, потери воды и выбросы парниковых газов – явно несовместимы с любой идеей устойчивого развития, не говоря уже о постразвитии. То, что здесь поддерживается, – это поверхностная политика, защищенная установившейся маскулинной культурой редукционизма, дуализма и отрицания.

Вода для климата

Водная парадигма заключается в работе с биоразнообразием и почвами для удержания осадков там, где они выпадают, и тем самым направлена на осуществление регидратации (восстановление влагосодержания) подземных водоносных горизонтов, ландшафта и, конечно, атмосферы. Деньги здесь не имеют значения, ибо труд является общинным и ручным, использующим местные природные ресурсы – камень, дерево и растения. Так, например, в Индии Раджендра Сингх возродил местную традицию строительства джохад¹⁷ или грязевых болот на склонах для сбора муссонных стоков, в то время как Дхрубаджьоти Гхош боролся с застройщиками за сохранение богатого метаболизма водно-болотных угодий Калькутты (Agrawal & Narian, 1997; Barkham, 2016¹⁸). В посткоммунистической Словакии Михал Кравчик поощрял безработных и лишенных собственности сельских жителей к переобучению и восстановлению земель для выращивания продуктов питания, создавая небольшие проекты сбора воды из обильных материалов в их окружающей среде. Хотя географические, исторические и культурные условия в приведенных примерах различаются, тем не менее, между этими шагами после их реализации наблюдается захватывающая транснациональная конвергенция. Подобные эксперименты можно найти в Китае и Франции.

«Водная парадигма» уже продемонстрирована в Эквадоре матерями и бабушками некогда опустошенных горных склонов Набона. Благодаря дальновидности и инновациям эти женщины добились контроля над эрозией почвы, сбором воды, плодородием и продовольственным суверенитетом, посадив растения для защиты и восстановления старых водосборных бассейнов и ручьев. Благодаря этому они также внесли свою лепту в разрешение глобального климатического кризиса. Согласно экофеминистским рассуждениям, крестьяне, обеспечивающие своим семьям средства к существованию, как и многие матери в домохозяйствах глобального Севера, применяют реляционные принципы имманентной взаимосвязи/взаимообусловленности в своей работе для под-

¹⁷ Джохад (хинди *johad*), также известный как покхар, или перколяционный (просачивающийся) пруд, представляет собой принадлежащее общине традиционное водно-болотное угодье для хранения дождевой воды, в котором собирают и хранят воду в течение всего года, чтобы использовать ее для подпитки грунтовых вод в близлежащих колодцах, мытья, стирки, купания и питья людьми и скотом, а также в целях предотвращения затопления и вымывания, эрозии плодородной почвы ниже по течению. – Прим. пер.

¹⁸ Barkham, P. (2016, March 9). *The miracle of Kolkata's wetlands and one man's struggle to save them*. Retrieved October 28, 2021, from <https://www.theguardian.com/cities/2016/mar/09/kolkata-wetlands-india-miracle-environmentalist-flood-defence>

держания метаболических циклов. Ведь люди, в конце концов, – это природа в воплощенной форме. Противоречивая европоцентристская предпосылка о превосходстве человечества над природой помешала многим левым, даже некоторым феминисткам, серьезно отнестись к этой маргинализованной рабочей силе как к политическим акторам.

В пунктах 14 и 15 Целей устойчивого развития ООН признается, что климат – это сложная нелинейная система, тесно связанная с функционированием водных объектов. Но Межправительственная группа экспертов по изменению климата ООН отдает предпочтение редуционистской науке, бессистемному, разрозненному мышлению, управляемому технократами, а не решениям, которые могут принимать и использовать сами люди в непосредственной деятельности (Salleh, 2010, pp. 285–297). Таким образом, глобальная политика в области климата насаждается сверху вниз, без учета собственных возможностей людей действовать каким-либо иным образом, кроме как в качестве граждан-потребителей.

В 2015 г. на переговорах по климату в Париже активисты альтерглобализации согласились присоединиться к борьбе за землю и воду. Международный крестьянский союз *Via Campesina* заявляет, что наше мелкомасштабное обеспечение продовольствием на самом деле «охлаждает Землю»¹⁹. Популярные подходы к суверенитету и самодостаточности чувствуют такие модели, как экокфеминистская этика выживания, экологическая достаточность, *buen vivir*, *swaraj*, *ubuntu*, *commoning u degrowth*²⁰. Эти социальные экологические и политические взгляды и практики способствуют обеспечению средств к существованию, получению квалифицированной работы, солидарности, культурной автономии, осознанию поло-гендерной проблематики, обучению, расширению прав, возможностей и духовному обновлению. Тем не менее внесение социальных изменений в повседневную жизнь потребует решительных усилий по разоблачению и искоренению старых привычек маскулинного антропоцентризма.

Постразвитие и экологически достаточные экономики

Стратегия постразвития является многогранной и синергетической, поскольку она отменяет древний дуалистический код, устанавливающий иерархию господства человечества над природой, мужчины над женщиной, культуры над природой и т. д. Почему? Потому что эта стратегия:

¹⁹ *Small scale sustainable farmers are cooling down the Earth* (2009, December). Retrieved October 30, 2021, from <https://viacampesina.org/en/wp-content/uploads/sites/2/2010/03/Small-Scale-Farmers-Cool-Down-EarthEN.pdf>

²⁰ *Degrowth* (де-рост, антирост, замедление роста) – социально-экономическая, экологическая, социально-политическая и философско-этическая концепция, согласно которой для построения социально справедливого и экономически устойчивого общества необходимо сокращение глобального потребления и, соответственно, замедление роста темпов и объемов производства. Это замедление направлено на элиминацию продуктивистского буржуазного принципа «Расти или умри!» (*Growth or die!*). Концепцию антироста не следует путать с концепцией устойчивого развития. – Прим. пер.

- заменит человеческое экологическое господство над природой взаимностью, а не контролем;
- заменит классовую иерархию господства и превосходства умственного труда над физическим на горизонтальное объединение;
- отбросит поло-гендерную и расовую дискриминацию за счет переоценки маргинальных регенеративных навыков;
- наконец, заменит нисходящие схемы управления Землей фундаментальным биорегионализмом с нуля.

Это политика мира – посткапиталистическая, постколониальная, постпатриархальная и экоцентрическая. По мере того, как люди восстанавливают свою общую человечность в природе, взаимопонимание между культурами растет.

Экологически достаточные экономики не выводят (не экстернализируют) издержки на внешний рынок, эксплуатируя других или экстернализируя отходы в виде загрязнений. Этот трудовой навык необходим для будущего общественного блага – и он уже практикуется большинством мирового класса регенеративных рабочих. Тут следует, на наш взгляд, подчеркнуть, что критически важная традиционная социалистическая и прежде всего марксистская озабоченность эксплуататорскими производственными отношениями отодвинула на второй план озабоченность подавленными «отношениями воспроизводства». Тем не менее у Маркса есть отрывки, которые могли бы описать метаиндустриальный труд, если бы его гуманистический подход был менее узким, менее европоцентристским и патриархальным.

Так, в 1844 г. Маркс писал, что освобождение человека вообще возможно только через формирование «класса, скованного радикальными цепями, такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое особое право, ибо над ней тяготеет не особое бесправие, а бесправие вообще... такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества» (Marx, 1984, p. 190).

Как давно утверждают экофеминистки, репродуктивный труд создает реляционные (учитывающие имманентные взаимосвязи между природой, человеком, техникой и т. д.) «способы познания», которые противостоят механистическому насилию европоцентристского инструментального разума. Если радикальная политика не будет руководствоваться опытом мирового большинства, объединяющего жизнь на Земле, – коренного населения, женщин, заботящихся о семье, и крестьян, – она легко превратится в тип Просвещения, который рассматривает Землю и ее обитателей как бесконечный, неисчерпаемый ресурс.

В то время как линейный разум современной индустрии рассекает метаболизм природы, оставляя позади себя беспорядок и энтропию, представители метаиндустриального класса, которые поддерживают и питают живые процессы, разрабатывают выводимые из жизненных обстоятельств эпистемологии, выражающие альтернативную форму человеческого творчества. Такой труд, свободно присваиваемый капиталом как с внутренней, так и с географической периферии, на самом деле является предпосылкой самого капиталистического способа производства. Иными словами, этот уникальный класс рабочих существует «внутри

капитализма», когда его деятельность субсидирует прибавочную стоимость; тем не менее обеспечение воспроизводства также существует и «вне капитализма», как самодостаточное для самого себя. И поэтому оно имеет большую стратегическую силу на международной арене.

В настоящее время крестьяне и коренные народы глобального Юга представляют собой очень активную часть международной политики. По сути, XXI столетие, похоже, переживает постколониальную развязку, хотя и постоянно откатывается назад из-за трансатлантического оппортунизма. Все массовые проекты на низовом уровне, такие как Глобальный университет устойчивости (*Global University for Sustainability*), Аналитический центр системных альтернатив (*Systemic Alternatives think-tank*), Сеть радикальной экологической демократии (*Radical Ecological Democracy Network*), являются положительными примерами движения постразвития.

Голоса экофеминисток также требуют крупномасштабных цивилизационных изменений, но эмансипация женщин в настоящее время остается проблематичной. Неолиберализм способствует новому разделению и контролю на рабочих местах и в университетах, поскольку женщин поощряют конкурировать друг с другом за мужские привилегии. Как и рабочее движение до него, феминизм может быть легко поглощен капиталистическими патриархальными стратегиями репрессивной терпимости, точно так же, как движения коренных народов могут быть ниспровергнуты пустыми обещаниями правительств. Тем не менее, несмотря на возможные негативные альтернативы, экофеминистки сегодня терпеливо участвуют в этих политических движениях, соединяя свои позиции с позициями других движений там, где это возможно.

Заключение

Большинство правительств и международных организаций в настоящее время серьезно относятся к глобальному экологическому кризису, и разговор, например, об антропоцене²¹ является показателем этого. Тем не менее сам термин «антропоцен» является частью проблемы, поскольку, как и основной международный дискурс, он тоже антропоцентричен. Академические дисциплины, такие как экономика или западные правовые конструкции, основаны на превосходстве человечества над природой. Но антропоцентрическая линза затуманивает тот факт, что выбор, решения и действия подчиненного населения, большинства женщин и колонизированных народов по всему миру не были ответственны за нанесение ущерба планетарной системе.

²¹ Антропоцен (др. – греч. *ἄνθρωπος* – человек, *καίος* – новый) – выделяемая некоторыми исследователями в рамках четвертичного периода и его последней эпохи – голоцена (который начался 11,7 тыс. лет назад и продолжается до сих пор) предполагаемая геологическая эпоха, начинающаяся с начала значительного антропогенного воздействия на геологию и экосистемы Земли. Термин ввели в 2000 г. нидерландский химик, специалист по химии атмосферы, нобелевский лауреат Пауль Крутцен и американский ботаник и эколог Юджин Стормер. Данный термин особенно активно используется марксистскими экологами и экономистами, среди которых Дж.Б. Фостер, П. Буркетт, Б. Кларк, К. Ройл, Э. Альфатер, К. Сайто, П. Суизи. – *Прим. пер.*

Политика и теоретическая литература экологического феминизма развились именно из этого понимания. Экофеминистки также выявили, каким образом, посредством каких механизмов в капиталистических патриархальных обществах обеспечение ресурсами и превращение природы в товар происходило параллельно с обеспечением ресурсами и превращением в товар их собственных воспроизводительных органов. Последнее использование сегодня можно увидеть в существовании двух параллельных парадигм – индивидуалистической монетизированной экономики (экономика-Я) и немонетизированной реляционной экономики (экономика-Мы). Внутренняя экономика-Мы материально поддерживает экономику-Я, но обычно рассматривается как «естественная», «природная» деятельность.

Глобальное большинство женщин, занимающихся воспитанием, уходом за детьми, исторически позиционировалось как трудящиеся прямо на онтологической границе, где встречаются так называемые человечество и природа. В отличие от фабричных или канцелярских работников, культурно разнообразные группы женщин контролируют биологические потоки и поддерживают обмен веществ и энергии в природе. Фактически вся термодинамическая основа капитализма основывается на материальных транзакциях, опосредованных трудом этого невысказанного «метаиндустриального класса», или, как высказался в политическом аспекте Жан Бодрийяр, «молчаливого большинства». День за днем глобальная экономическая система накапливает огромный непризнанный долг перед этими работниками. В последние десятилетия женщины, ухаживающие за детьми на глобальном Севере, и колонизированные общины на Юге объединились в политическое «движение движений», заряженное знанием того, что эмансипация и устойчивость являются взаимосвязанными целями. Уникальная рациональность их метаиндустриального труда заключается в способности обеспечивать экономику без внешних факторов, т. е. без передачи социального долга другим или «принуждения» природных процессов к деградации и энтропии.

Капиталистический патриархальный метод защиты природы состоит в том, чтобы превратить то, что бизнесмены и политики называют «экосистемными услугами», в товар, включив живые метаболические потоки лесов, солнечного света или наземных бактерий в механизм ценообразования. Аналогичным образом Международный валютный фонд и другие организации продвигают Зеленый новый курс и «зеленую экономику» только на словах, на деле же эти квазизеленые курсы, политики и экономики полностью основаны на идеологии свободного рынка. Потому что в интеллектуальном плане принятие решений мировыми лидерами опирается не на категории, имманентные экологическому взгляду на мир, а на буржуазный дискурс, фундированный в таких понятиях, как «прибыль», «финансовый капитал», «человеческий капитал», «природный капитал», «физический капитал» и «свободный рынок». Но поскольку рынки могут увеличить стоимость товара, только сделав этот товар дефицитным, то подобный метод защиты природы является противоречием: «зеленая экономика» – это всего лишь еще одна программа структурной реорганизации, перестраивающая национальные рынки, но не отменяющая самого фундамента – рыночной капиталистической экономики, превращающей все и вся в товар и разрушающей естественные связи человека и природы.

В отличие от риторики научного и технического прогресса, риторики суперсовременных инженерных и цифровых решений, стремления к постоянному росту производства и потребления за счет «завоевания» природы – риторики, которая оправдывает все возрастающую эксплуатацию «неисчерпаемой» природы, имманентная логика метаиндустриального труда защищает метаболизм между человечеством и природой. И если, как мы видим, линейный инструментальный разум современной промышленности оставляет за собой опустошение и разруху, то метапромышленный класс, непосредственно участвуя посредством своего собственного повседневного чувственного труда в метаболических циклах Земли, восстанавливает термодинамическую устойчивость в социо-био-экоценозах.

Метаиндустриальный класс не нуждается в линейной логике капиталистического продуктивизма и погоне за прибылью. Это связано с тем, что метаиндустриальный класс, в силу содержания своего повседневного труда, большей частью интуитивно, способен вырваться из линейной логики производства и перейти к циклической логике воспроизводства. Таким образом, у метаиндустриального класса формируется особая экологическая репродуктивная эпистемология. Наиболее наглядным примером такой логики являются, как мы показали, водные циклы на Земле, поскольку именно вода опосредует обмен веществ природы и людей, воплощенных в природе. В соответствии с «водной парадигмой» все явления, объекты, процессы являются взаимосвязанными компонентами устойчивого органического целого (как в кругообороте воды в природе). Отсюда экофеминистическая политическая стратегия, направленная на формирование устойчивого метаболического существования и сокращающегося промышленного производства, основанного на эпистемологии (системе познания и знаний) метаиндустриального класса и его воспроизводительного труда, но предполагающая необходимость и индустриального производительного («маскулинного») труда. Но самое главное – направленная на выход за пределы логики капиталистического продуктивизма. Таким образом, механизмы социального воспроизводства, предлагаемые экофеминизмом, являются одновременно и народной наукой, народной эпистемологией, и политическим действием.

References

1. Acosta, A. (2009). Los derechos de la naturaleza, nuevas formas de ciudadanía y la Buena Vida. *Ecos de la Constitución de Montecristi. Serie: Documentos Ocasionales*, (7).
2. Agrawal, A., & Narian, S. (Eds.). (1997). *Dying wisdom: Rise, fall, and potential of India's traditional water harvesting systems*. New Delhi: Centre for Science and Environment.
3. Andrews, P. (2006). *Back from the brink. How Australia's landscape can be saved*. Sydney: ABC Books.
4. Bell, S. (2013). *Our roots run deep as iron weed*. Chicago: University of Illinois Press.
5. Bennholdt-Thomsen, V., & Mies, M. (1999). *The subsistence perspective*.

London: Zed Books.

6. Cullinan, C. (2003). *Wild law: A manifesto for Earth justice*. Totnes, Devon: Green Books.

7. D'Avila, M.I., & De Vasconcelos, N. (1993). *Ecologia Feminismo*. Rio de Janeiro: EICOS-UFRJ.

8. D'Eaubonne, F. (1980). Feminism or Death. In E. Marks & I. De Courtivron (Eds.), *New French feminisms. An anthology* (pp. 64–68). Amherst: University of Massachusetts Press.

9. Isla, A. (2009). Who pays for Kyoto protocol? In A. Salleh (Ed.), *Eco-Sufficiency & global justice: Women write political ecology* (pp. 199–217). London: Zed Books.

10. Jones, P. (2010). Liberation as Connection and the Decolonization of Desire. In A. Breeze Harper (Ed.), *Sistah vegan: Black female vegans speak on food, identity, health, and society* (pp. 187–201). Brooklyn: Lantern.

11. Kheel, M. (2008). *Nature ethics*. Lanham: Rowman & Littlefield.

12. Kravčík, M., Pokorný, J., Kohutiar, J., Kováč, M., Tóth, E. (2008). *Water for the recovery of the climate: A new water paradigm*. Košice: Krupa Print.

13. Luxemburg, R. (2003). *The accumulation of capital*. London: Routledge.

14. Marx, K. (1984). Critique of Hegel's philosophy of right. In *Selected writings in sociology and social philosophy*. Harmondsworth: Penguin.

15. Merchant, C. (1980). *The death of nature: Women, ecology and the scientific revolution*. New York: Harper.

16. Mies, M. (1986). *Patriarchy and accumulation on a world scale: Women in the international division of labour*. London: Zed Books.

17. Mies, M., Shiva, V. (2014). *Ecofeminism*. London & New York: Zed Books.

18. Odih, P. (2014). *Watersheds in Marxist Ecofeminism*. Newcastle: Cambridge Scholars.

19. Sachs, W. (Ed.). (1994). *Global Ecology*. London: Zed Books.

20. Salleh, A. (2010). Editorial: A sociological reflection on the complexities of climate change research. *International Journal of Water*, 5(4), 285–297. <https://doi.org/10.1504/ijw.2010.038744>

21. Salleh, A. (2012). Green economy or green utopia? Rio+20 and the reproductive labor class. *Journal of World Systems Research*, 18(2), 141–145. <https://doi.org/10.5195/jwsr.2012.468>

22. Salleh, A. (2017). *Ecofeminism as politics: Nature, Marx, and the Postmodern*. London: Zed Books.

23. Salleh, A. (2018). Una estrategia eco-feminism: Militar por el agua, el clima, u las luchas postdesarrollo. *Ecuador Debate*, (103), 147–158.

24. Shiva, V. (2005). *Earth democracy: Justice, sustainability, and peace*. London: Zed Books.

25. Shiva, W. (1987). *Staying alive: Women, ecology, and development*. London: Zed Books.

Информация об авторе

Ариэль Саллех, доктор философии (PhD), приглашенный профессор, гуманитарный факультет Университета Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, ЮАР, e-mail: arielsalleh7@gmail.com

Information about the author

Ariel Salleh, PhD, Visiting Professor, Faculty of Humanities, Nelson Mandela University, Port Elizabeth, the Republic of South Africa, e-mail: arielsalleh7@gmail.com

УДК 321.6/.8

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_84

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ*

Сергей Владимирович Володенков,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко,

Московский государственный областной университет,
Мытищи, Россия,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.12.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Володенков С.В., Федорченко С.Н. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 84–103. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_84

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 21-011-31089 «Структура и особенности функционирования цифрового пространства современной политики в условиях глобальных технологических трансформаций».

© Володенков С.В., Федорченко С.Н., 2022

Аннотация

Процессы цифровизации, усиленные и ускоренные пандемией COVID-19, оказывают серьезное воздействие на общественно-политическое пространство. Целью настоящего исследования является анализ рисков и перспектив цифровой трансформации для традиционных политических институтов. На основе выделенных британским социологом К. Краучем признаков постдемократии, в качестве ключевых для исследования традиционных политических институтов определены государство, гражданство, парламентаризм и выборы. Кроме того, цифровые трансформации выступают триггером зарождения новых институтов, влияющих на политические действия человека в социуме. В этой связи авторы статьи подчеркивают, что нельзя проигнорировать претензии технологических корпораций на обретение статуса нового политического института, от которого начинает зависеть общественно-политическая коммуникация между гражданами и государством. В ходе исследования получен ряд научных результатов. Проанализирована актуальная практика цифровизации общественно-политических процессов. Особое внимание уделено кейсам цифровой платформизации и деплатформизации со стороны глобальных технологических корпораций как политических субъектов нового типа. Сделан вывод о том, что стремительные технологические изменения оказывают существенное влияние на структурные, содержательные и функциональные параметры традиционных институтов власти, которые вынуждены для сохранения своей эффективной жизнеспособности адаптироваться к новой цифровой среде, обладающей высокой степенью сложности и разнообразия. При этом цифровые технологические трансформации нельзя определить как однозначно конструктивные или деструктивные. Для традиционных политических институтов существуют как позитивный, так и негативный потенциалы цифровизации, тесно переплетенные между собой в сложную систему цифровых эффектов и общественно-политических последствий институциональных изменений как для самого государства, так и для общества. В заключительной части статьи выделены перспективные направления дальнейшего изучения процессов цифровизации общественно-политического пространства.

Ключевые слова:

цифровизация политики, традиционные политические институты, цифровая трансформация, технологические корпорации.

TRADITIONAL POLITICAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: RISKS AND PROSPECTS OF TRANSFORMATION*

Sergey V. Volodenkov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
s.v.cyber@gmail.com

Sergey N. Fedorchenko,

Moscow Region State University,
Mytishchi, Russia,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Article received on December 15, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Volodenkov, S.V., & Fedorchenko, S.N. (2022). Traditional Political Institutions in the Context of Digitalization: Risks and Prospects of Transformation. *Discourse-P*, 19(1), 84–103. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_84

Abstract

The processes of digitalization, intensified and accelerated by the COVID-19 pandemic, have a serious impact on the socio-political space. This research aims to analyze the risks and prospects of digital transformation for traditional political institutions. Based on the signs of post-democracy identified by the English sociologist C. Crouch, the study defines the state, citizenship, parliamentarism and elections as the key traditional political institutions. In addition, digital transformations act as a trigger for emergence of new institutions that influence the political actions of a person in society. In this regard, the authors of the article emphasize that it is impossible to ignore the claims of technology corporations to acquire the status of a new political institution, on which socio-political communication between citizens and the state begins to depend. In the course of the study, the following scientific results are obtained. The current practice of socio-political processes digitalization is analyzed. Special attention is paid to the cases of digital platformization and de-platformization on the part of global technology corporations as political actors

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research according to the research project № 21-011-31089 “The structure and peculiarities of contemporary politics digital space’s functioning in the context of global technological transformations”.

of a new type. It is concluded that that rapid technological changes have a significant impact on the structural, content, and functional parameters of traditional institutions of power, which are forced to adapt to a new digital environment with a high degree of complexity and diversity to maintain their effective viability. Simultaneously, digital technological transformations cannot be defined as unambiguously constructive or destructive. For traditional political institutions, there are both positive and negative potentials of digitalization, closely intertwined into a complex system of digital effects and socio-political consequences of institutional changes for both the state and society. In the final part of the article, promising areas of further study on digitalization of the socio-political space are highlighted.

Keywords:

digitalization of politics, traditional political institutions, digital transformation, technology corporations.

Введение

Цифровые трансформации, усиленные и ускоренные пандемией COVID-19, сформировали для существующих традиционных политических институтов определенный сценарный выбор – либо они адаптируются к новой социотехнической реальности, капитализму платформ, допустив определенной степени изменения в своей структуре и сущности, либо они рискуют перейти в кризисную фазу, вплоть до постепенной эрозии и исчезновения. В первую очередь с рисками и перспективами цифровых метаморфоз столкнулись такие традиционные политические институты, как государство, парламентаризм и выборы, гражданство. Характер такого проблемного контура определяет актуальность настоящего исследования.

Т. Парсонс (2018) отмечал, что институты – это «...факторы, контролирующие действия человека в обществе, и как следствия их» (с. 301). Следовательно, политические институты контролируют политические действия человека в социуме.

В связи с этим важно выяснить, во-первых, что происходит в условиях цифровизации с таким наиболее архаичным политическим институтом, как государство. Выбор института государства обусловлен его важным фундаментальным характером в политической системе, поскольку, с одной стороны, правительство, электронное правительство, открытое правительство, кабинет министров, государственная служба – его развитые, специализированные, но все же во многом производные элементы; с другой стороны, при всей специфике и разнообразии политических режимов именно государство остается их базовым ядром, сохраняющим признаки иерархичности и фактор применения силы. Государство в классификации Парсонса можно отнести к «интегрирующим» институтам, т. к. оно ориентировано на регуляцию отношений.

Во-вторых, нельзя обойти вниманием такой каузальный механизм цифровой трансформации государства, как корпорации. Следует проследить разнонаправленный характер политической эволюции: согласно нашему предполо-

ложению, если такой институт как государство передает часть своих функций корпорациям (посредническая роль между властью и гражданином, слежка, сбор данных, предоставление услуг, ранее остававшихся в ведении лишь государства, право на управление процессами общественно-политических коммуникаций), то корпоративные игроки могут начать приобретать характерные черты нового политического института, влияющего на политические действия человека в социуме.

В-третьих, интерес к институту парламентаризма и выборов определяется его значимостью для легитимации современных демократических политических режимов. По сути, институт парламентаризма, в основе своей содержащий принцип выборов (поэтому была и использована подобная формулировка), служит дополнительным легитимирующим компонентом в тех политических режимах, где власть такого архаичного института, как государство рано прошла десакрализацию, уже недостаточна для сохранения единства и стабильности в обществе, преодоления разногласий и политических противоречий. Органичной частью современной системы парламентаризма и выборов являются партии, благодаря которым запросы на политическую конкуренцию и политическую стабильность уравниваются. Цифровые изменения, касающиеся выборов, парламента, партий, затрагивают проблематику возможностей и рисков цифровой демократии. По параметру целевой ориентации парламентаризм, выборы с партиями можно отнести к «инструментальному» типу института, согласно модели Парсонса.

В-четвертых, нам представляется, что институт гражданства – это стратегически значимая часть современной демократической политической системы. Развитый институт гражданства – это регулярная активность граждан, спровоцированная в ответ на проблемы, не решаемые остальными политическими институтами. Симулякры гражданской активности возникают из-за недоверия представителей власти к собственному населению и приводят к консервации социально-политических проблем, выводу их из политической повестки, но не к разрешению. Реальный институт гражданства означает существование традиции эмпауэрмента – способности, готовности граждан к политическим действиям, преодолению социальной ущемленности (Патрушев, Филиппова, 2020, с. 209–211). Гражданство как институт в настоящее время тесно переплетается со скрепляющей государство макрополитической идентичностью, политической культурой. Если продолжать пользоваться схемой Парсонса, то гражданство во многом – «ситуационный» институт, связанный с определением тех или иных ему присущих политических ролей. Политическая роль, значимость этого института зависит от социально-исторических условий, тех социальных сил, которые придают ему основополагающую функцию (или ее отнимают) в выборах, ротации государственных кадров, внутренней и внешней политике. На практике данный институт виден в появлении гражданских движений, цифровых проектов, готовых политизировать ранее неполитизированные темы. Согласно нашей гипотезе, институт гражданства способен играть прогрессивную роль в развитии социальных отношений только при условиях параллельного массового просвещения граждан в политической и технически-цифровой сфере.

К. Крауч одним из первых заговорил о кризисе института гражданства, а также о превращении корпораций в важный институт, оказывающий существенное воздействие на сложившиеся политические системы. Также он

обращал внимание на движение прежней партийной модели в сторону постдемократической партийной модели, передачу государством ряда своих функций корпорациям (Крауч, 2010, с. 31, 46–47, 60). Позже отмеченные тренды стали активно обсуждаться в академическом дискурсе, в том числе в работах, посвященных проблематике цифровизации политики. Мы воспользуемся выделенными Краучем признаками наступившей постдемократии для более детального анализа существующей научной дискуссии по этому проблемному полю. Через эту призму мы рассмотрим, какое воздействие цифровая трансформация оказывает на такие традиционные политические институты, как государство, парламентаризм и выборы, гражданство. Нельзя проигнорировать и претензии цифровых корпораций на обретение статуса нового политического института, от которого начинает зависеть общественно-политическая коммуникация между гражданами и государством.

Важно уточнить, что традиционные политические институты – это во многом условная рабочая категория. Мы осознаем, что политические институты не существуют в «чистом виде», не являются неким застывшим явлением в пространственно-временном континууме и медленно, но все же изменяются. Более того, для каждой эпохи существуют свои традиционные политические институты. Так, когда-то парламентский институт был довольно новым феноменом относительно более архаичного государственного института монархической власти. И все же в своих предположениях мы отталкиваемся от того тезиса, что цифровые трансформации можно считать тем триггером, который провоцирует изменение традиционных для доцифровой эпохи и зарождение новых политических институтов.

В связи с этим современному политологическому сообществу важно определить, влияют ли цифровые платформы и технологии на функционирование традиционных политических институтов. Исходя из данного исследовательского вопроса, целью настоящей работы стал анализ рисков и перспектив цифровой трансформации для традиционных политических институтов.

Современное государство и цифровые трансформации

Для начала следует обратить внимание на работы, рассматривающие перспективы и риски цифровой трансформации такого политического института, как государство. Причины и последствия цифровизации государства хорошо объясняет все та же модель постдемократии Крауча. Он отмечает, что процесс передачи государством части своего функционала частно-корпоративным подрядчикам имеет серьезную специфику. Государство как институт сохраняет свое политическое ядро в виде центральных органов власти, лишая политической роли местные органы власти, структуры среднего и нижнего уровней, которые все больше попадают в зависимость от рыночной конъюнктуры и выстраивают собственную работу по принципу «покупатель – продавец» (Крауч, 2010, с. 127). Р. Коллингтон отмечает, что государство теряет традиционную с момента своего появления монополию на сбор и обработку информации. Эта функция государством передается цифровым корпорациям, что имеет далеко идущие политические последствия. Корпорации проникают в критически важные для граждан сферы, получая доступ к статистике, геопространственным, метеорологическим

данным, данным социальных, пенсионных и налоговых систем, данным, генерируемым через государственные транспортные коммуникации (Collington, 2021). Фактически в ходе реализованных проектов цифровизации и стратегий экономического роста пересматривалась концепция государства всеобщего благосостояния. Само государство переложило часть своей ответственности за социальную сферу на частный сектор.

Конечно, кроме рисков можно выделить и перспективы цифровизации для государства. В первую очередь об этом говорят исследования, затрагивающие прогрессивные для общества аспекты электронного правительства и электронного правления. Авторы связывают такую стратегию власти со стремлением сформировать эффективное правительство, преодолеть традиционную иерархическую модель его функционирования, отойдя в сторону модели *seamless government* – бесшовного варианта оказания государственных услуг населению со стороны множества министерств. В такой модели государство подключает корпоративные платформы-посредники, сохраняя за собой определение четких правил игры (Сморгунов, 2019). Тем самым представители органов государственной власти нацелены на создание разнообразных контуров обратной связи с гражданами. Такие процедуры, безусловно, для власти оправданы, т. к. могут купировать многие риски делегитимации политического режима в условиях развития цифровых коммуникаций.

Но проблема заключается в том, что цифровые перспективы для государства на деле оборачиваются рисками для других традиционных политических институтов, особенно института гражданства (не в юридическом, а именно в политическом смысле, когда гражданин соотносится с политически грамотным индивидом, способным реализовывать свои права и принимать активное участие в политике). К примеру, такая система как *IBM i2 Analyst's Notebook* предоставила французскому государству возможность доступа к огромному массиву общедоступных данных, их анализу и визуализации. Полиция начала использовать эту систему для изучения активности преступных сетей, экономя ресурсы и время. Отдельные исследователи (Kubler, 2017) предупреждают, что в идеале визуализация данных в таких системах, конечно, помогает интерпретации полученной властями информации, но в ряде ситуаций готовая визуализация, предлагаемая для представителя государственной власти «умными алгоритмами», может стать ответом, готовым решением в отношении конкретных граждан или целых категорий людей (к примеру, в системах наподобие *PredPol* алгоритмы уже берут на себя роль аналитика после обработки информации). Фактически, это приводит к формированию описанного Краучем политического ядра, которое контролируется государством в условиях передачи части своих функций и концентрируется в сегменте армии, полиции, спецслужб безопасности. Это ядро государства можно соотнести с сохраняемой традицией чрезвычайного положения, глубоко исследованной в работах Дж. Агамбена (2011), что заставляет пересмотреть концепцию постгегемонистской власти С. Лэша, согласно которой современная власть уходит от видимой традиционной гегемонии к незаметной в коммуникации постгегемонии (Lash, 2007). Алгоритм, будучи элементом опосредованной коммуникации, может быть элементом незаметной постгегемонистской власти, однако он сочетается со скрывающейся за ним гегемонией конкретного политического субъекта – государства.

В то же самое время в ряде научных работ обосновывается, что технологические трансформации не всегда имеют прямое влияние на современную политику. Особенности политических институтов и политических традиций в разных странах способствуют тому, что темпы цифровизации в них могут значительно отличаться. Так, децентрализованный характер административной системы Германии является весомым фактором специфики цифровизации ее политической жизни. Порядка 76 % услуг находятся в ведении муниципалитетов и федеральных земель (от регистрации автомобиля до выдачи вида на жительство), однако онлайн-коммуникация между гражданами и местными органами власти менее развита, цифровая трансформация на деле достигла успехов пока лишь в функционале электронного правительства (Kuhlmann & Heuberger, 2021). Поэтому возрастает значение новых экспертных центров, «политических лабораторий», создаваемых самим государством с целью внедрения эффективных проектов цифровизации (Fleischer & Carstens, 2021). Вполне возможно, что это естественная реакция государств на угрозу монополизма со стороны цифровых корпораций.

Озабочено государство и сохранением своего суверенитета. Глобальные технологические трансформации поставили государственную власть перед фактом трансграничного влияния цифровых корпораций, которые уже не просто занимаются сбором и анализом данных граждан в своих интересах, но и пытаются монополизировать за собой само предоставление права на коммуникацию. А это уже прямая угроза информационной безопасности как граждан, так и государства. Логичным следствием этого стало то, что появились работы, напрямую затрагивающие аспекты технологического или цифрового суверенитета государства, независимости страны от цифровых корпораций-монополистов и информационной гегемонии США (Шестопад, Мамычев, 2020), труды, описывающие возрождение значения суверенитета как принципа цифровой политики и параллельно подчеркивающие проблематику самоопределения, автономности граждан (Pohle & Thiel, 2020).

Цифровизация накладывает свой отпечаток и на то, как современные государства начинают корректировать взаимоотношения между собой. Эти трансформации хорошо интерпретируют исследования в области цифровой дипломатии. Как правило, цифровая дипломатия является формой традиционной дипломатии, практикующей информационно-коммуникационные технологии, использующей возможности социальных сетей для укрепления дипломатических отношений. Н. А. Цветкова в своей статье выделяет такие инструменты цифровой дипломатии, как хэштеги, анализ больших данных, использование ботов, а также сочетание стратегий *soft power* (мягкой силы) и *sharp power* (острой силы) (Цветкова, 2020). Но другие авторы подчеркивают и негативные, чреватые дипломатическими скандалами эффекты от использования того же *Twitter* как массового сетевого ресурса (Карпович, Троянский, 2020).

Технологические корпорации как субъекты цифровой политики

От изменений, связанных с государством, логично перейти к анализу корпоративного фактора. Если государство частично отстает от своих функций, то что-то должно занять освободившуюся нишу. Современные технологические

корпорации все в большей мере претендуют на политическую субъектность. Как отмечает К. Крауч (2010), в настоящее время корпорации являются не просто организациями, а сосредоточением власти, обусловленным концентрацией капитала и привилегированным доступом представителей бизнеса к государственным служащим и политикам (с. 61–65). Глобальные технологические трансформации начинают влиять на политику и благодаря такому корпоративному феномену, как капитализм платформ, основанному на деятельности цифровых платформ, принадлежащих технологическим корпорациям (Срничек, 2020).

Имеет смысл говорить не только о рисках, но и о важных позитивных потенциалах цифровых корпораций для трансформации традиционных политических институтов. С одной стороны, с помощью цифровых платформ у граждан появляется определенная альтернатива государству в плане коммуникации, сферы услуг, создания проектов. Удобная и грамотно созданная цифровая платформа может стать инструментом для повышения финансовой прозрачности государства перед гражданами, средой для выявления властью нерешенных проблем социально-политического характера.

В тесном переплетении интересов государства, корпораций и граждан развиваются системы *smart city* и появляется феномен «умного гражданства» (Fedorchenko & Karlyavina, 2021). С другой стороны, благодаря цифровым платформам государство может снизить свою загруженность, сконцентрироваться на задачах безопасности и сформировать разнообразные контуры обратной связи между обществом и властью. Хотя с характером взаимоотношения государства, корпораций и граждан не так все однозначно: есть акторы, заинтересованные в дальнейшей глобализации, есть и факторы, позволяющие говорить о политической локализации (или даже о гло (локал) анклавизации) существующего цифрового пространства политики (Цукерман, 2015; Артамонова, Володенков, 2021).

Помимо этого существует риск, что государство, передавая часть своих функций цифровым корпорациям, приводит к утрате компетенции своих же служащих в этой сфере (Крауч, 2010, с. 126). В любом случае от сочетаний взаимодействия государства, цифровых корпораций и гражданства будет зависеть не только специфика турбулентности сложившихся политических процессов, но и процесс зарождения политических режимов нового типа, сочетающих элементы традиционной государственной власти и корпоративно-цифровой власти.

Как демонстрирует актуальная практика, именно цифровые платформы инициируют процесс платформизации – проникновение цифровых инфраструктур в социально-политическую сферу жизнедеятельности общества, а также формируют условия для реализации модели капитализма платформ и связанных с ним сетевых эффектов (Срничек, 2020, с. 41–46).

Однако на сегодняшний день существует и противоположный платформизации вектор деятельности технологических корпораций – деплатформинг и деплатформизация (Van Dijck et al., 2021). Деплатформинг в политическом аспекте связан с ограничением (и даже блокировкой) со стороны владельцев цифровых платформ учетных записей и аккаунтов пользователей по политическим причинам. В качестве примеров деплатформинга можно привести блокировку аккаунта телеканала *Russia Today* видеохостингом *YouTube*, блокировку аккаунта

Федерального агентства новостей социальной сетью *Facebook*¹, а также блокирование аккаунтов президента США Д. Трампа в январе 2021 г.

В свою очередь деплатформизация связана с более масштабной деятельностью цифровых корпораций-монополистов (*Google, Amazon, Apple, Facebook*², *Microsoft* и др.) по вытеснению цифровых корпораций-конкурентов с альтернативной политической идеологией на периферию глобальной цифровой экосистемы. В качестве примера деплатформизации может выступать практически одновременный запрет сторонникам Д. Трампа – пользователям платформы *Parler* доступа к приложениям *Apple* и *Google* с синхронным прекращением со стороны *Amazon* хостинга социальной сети *Parler* и отключением ее от облачной платформы *Amazon Web Services*, что, по сути, привело к фактическому уничтожению *Parler* в цифровом пространстве (Van Dijck et al., 2021).

Признаком того, что цифровые корпорации начинают обретать политическую субъектность и тем самым формировать новую социотехническую реальность, служит то, что они становятся прямыми конкурентами государства в процессах формирования идентичностей разного рода. Не случайно Дж. Чейни-Липпольд обращает внимание исследователей на то, что формы цифрового мониторинга, онлайн-маркетинга, алгоритмического поиска приводят к распространению мягкой биовласти и мягкой биополитики (в терминологии М. Фуко) и вводит в практику так называемую «новую алгоритмическую идентичность» (Cheney-Lippold, 2011).

Такая «плавающая», постоянно адаптирующаяся к внешней цифровой среде идентичность в виде цифровых аватаров (аккаунтов) создается не самими гражданами, а от их имени посредством корпоративных действий, полностью завися от алгоритмов. Алгоритмы при конструировании такой идентичности пользуются типичными категориями биовласти – гендера, расы, социальных групп и т. п. По нашему мнению, такая алгоритмическая идентичность особо актуализирует исследования биополитики Дж. Агамбена в рамках феномена *homo sacer*.

Парламентаризм и выборы в условиях цифровых трансформаций

Другим объектом цифровой трансформации становится традиционный демократический институт парламентаризма и выборов, включающий не только парламент, парламентские фракции партий, но и связанный с избирательными системами, оппозиционными партиями. Сразу следует уточнить, что внедрение систем электронного голосования создало условия для активного использования технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей в обработке «больших политических данных». Известно, что риски делегитимации современных политических режимов часто связаны с падением доверия к действующим выборным процедурам и с обвинениями властей со стороны оппозиции в прямых фальсификациях.

Следствием этого стало применение избирательными комиссиями разных стран технологий сверточных нейронных сетей для быстрой и эффективной

¹ Соцсеть, признанная в России экстремистской.

² Соцсеть, признанная в России экстремистской.

обработки подписных листов, кодирования и визуализации анализа итогов выборов. Такие сети работают в три этапа: преобразуют изображения в понятный программе формат, разделяют их на элементы и, наконец, классифицируют и анализируют эти элементы (Torres & Cantu, 2022). Нейронные сети имеют огромные перспективы и в мониторинге избирательного процесса, выявлении фактов политического насилия (Muchlinski et al., 2021).

В принципе, тот факт, что избиратели могут больше доверять искусственным интеллектуальным системам, чем государству и сотрудникам избирательных комиссий, можно попробовать объяснить сохранением во многих культурах довольно архаичной традиции «пустого центра», что хорошо подметил Дж. Агамбен в своем большом исследовательском проекте *homo sacer* (Агамбен, 2019).

Между тем с интеллектуальными агентами не так все однозначно. Б. Шипперс, к примеру, предупреждает о рисках подмены личностей политиков через приемы *deepfakes*, о последствиях внедрения технологий распознавания лиц, которые способны удерживать людей от участия в публичных политических мероприятиях (Schippers, 2020). Авторы отмечают и факты сопротивления технологиям искусственного интеллекта со стороны разных категорий работников – от пассивного игнорирования до активного блокирования сбора данных системой (Jouce et al., 2021).

Наметилось довольно интересное направление изучения цифровизации политических партий. Так, Е. В. Бродовская (2020) рассматривает аспекты индекса цифрового менеджмента российских партий, складывающегося из развитости цифровой инфраструктуры, персоноцентричности, интегрированности информационного потока, соответствия целевой аудитории и других параметров. Эти тренды можно связать с тем, что описано К. Краучем как передача партиями части своих функций на субподряд корпоративным акторам.

В результате у партий (как и у государства, что описывалось выше), остается центральное политическое ядро в виде лидеров и функционеров, растягивающееся в виде эллипса к своим корпоративным партнерам (Крауч, 2010, с. 96) с целью получения услуг в сфере технологий *Big Data* аналитики, микроцелевой сетевой пропаганды и т.п. В научной среде изучается и феномен «цифровой партии», когда многоуровневая бюрократическая структура индустриального времени заменяется на специальную платформу, обеспечивающую новые возможности в области партийного строительства, финансирования и мобилизации (Gerbaudo, 2018).

Цифровизация политических партий тесно переплетается с глубокой трансформацией поля публичной политики. Здесь важно учитывать, что, по мнению некоторых авторов (Васильев, Игнатовский, 2021), в политической науке сложилось два подхода в изучении цифровизации. Первый в основном рассматривает «цифровизацию сверху», отдавая предпочтение изучению властных инициатив и электронного правительства. Второй учитывает горизонтальный характер цифровых трансформаций политического пространства, допуская роль в этом иных акторов политики.

На наш взгляд, в настоящее время резонно сочетать оба обозначенных подхода, т.к. цифровую инфраструктуру политики определяют довольно разные акторы: цифровые корпорации, государства, политически влиятельные блогеры, сетевые политические движения и цифровые партии, политические хакеры и т.д.

Все эти акторы пытаются повысить свою узнаваемость в сетевом мире, усилить авторитет и влияние посредством воздействия на slacktivистов и кликтивистов³. Так, согласно недавней реконцептуализации теории политического участия Л. Милбрата, кликтивизм начинает играть значимую роль в политическом процессе (George & Leidner, 2019). Ранее подобные группы пользователей серьезно не изучались, однако сегодня ученые все в большей степени обращают на них свое внимание как на важный компонент политической коммуникации.

Цифровая трансформация института гражданства

Традиционный институт гражданства, предполагающий ответственного и политически активного гражданина, также серьезно изменяется под влиянием платформенного капитализма цифровых корпораций. К. Крауч объясняет эволюцию гражданства процессом коммерциализации этого политического института. С одной стороны, партнерство государственного и частного сегментов в предоставлении услуг гражданам способствует тому, что корпорации выбирают ту долю услуг, которую им выгодно обслуживать, тогда как государству остается остальное (Крауч, 2010, с. 102–114).

С другой стороны, модель гражданина-потребителя постепенно сменяет собой модель политически активного и ответственного гражданина. Имеются и другие объяснения кризиса традиционного гражданства. Не так давно появились работы, изучающие феномен институционального «гардеринга» – совокупности технологий, нацеленных властными элитами на уменьшение критичной политизированной публики за счет увеличения числа некритичной публики в интернет-среде (Litvinenko & Тоерфл, 2019). Дж. Чейни-Липполд даже предложил термин *jus algoritmi*, обозначающий форму нового типа гражданина, имеющего цифровые идентификаторы и регулярно отслеживающегося правительственными службами (Cheney-Lippold, 2016).

В академическом дискурсе до сих пор нет однозначности касательно того, чего больше принесет цифровизация для гражданина – потенциалов или рисков: либо корпоративная власть платформ установит режим слежки и регу-

³ Slackтивисты и кликтивисты – это группы интернет-пользователей, не являющиеся инициаторами и организаторами современных политических акций, однако играющие при минимуме личных усилий серьезную роль в распространении политизированного контента (текстов, фото, видео) и формировании общественных представлений о социально-политической повестке дня благодаря репостам, лайкам, комментариям и т.п. Термины «slackтивизм» (*slacker* – бездельник) и «кликтивизм» (*click* – щелчок компьютерной мышью) в основном имеют схожее определение в академических исследованиях, но кликтивизм в большинстве случаев рассматривается как разновидность slackтивизма в пространстве социальных медиа, характеризующегося массовым использованием «кликов» для подписания различных петиций и призывов к различного рода общественно-политическим действиям, включая протестные. При этом оценка успешности и масштабности того или иного общественно-политического призыва осуществляется с помощью подсчета числа «кликов», а сам «кликтивист» считает себя гражданским активистом, несмотря на отсутствие существенных действий и усилий с его стороны для решения конкретной общественно-политической проблемы.

лярного нарушения конфиденциальности персональных данных, либо интернет-коммуникации станут способствовать политической свободе, коллективному участию, развитию идеологии киберлибертарианства (Polizzi, 2021).

Наблюдается дискуссия и в отношении так называемого «умного гражданина» – процесса зарождения нового типа гражданина, просвещенного и активного как в политическом, так и в информационно-техническом понимании: с одной стороны, безусловно, такие тренды могут свидетельствовать о появлении «цифровой демократии», применении властью принципов *happiness policy*, однако, с другой стороны, есть и признаки «цифрового тоталитаризма» – корпоративной и государственной слежки за гражданами посредством «умных алгоритмов», цифрового разрыва (*second-level digital divide*) между активными, просвещенными гражданами, имеющими качественный доступ к цифровым ресурсам, и пассивными гражданами, не обладающими таким доступом (Fedorchenko & Karlyavina, 2021).

Вероятно, по этой причине авторы выделяют два основных сценария развития цифрового гражданства (Zandbergen & Uitermark, 2020): *cybernetic citizenship* (децентрализованные принципы работы с данными, самостоятельный сбор гражданином данных, упор на идеологию либерализма, гражданские инсайты, а не на общий дискурс) и *republican smart citizenship* (ставка на научно аргументированные данные, обеспечивающие возможность гражданину участвовать в политической борьбе).

И все же, согласно исследованиям Э. Цукермана, эффект гемофильности может ограничивать гражданскую цифровую коммуникацию социальными, гендерными, расовыми и другими рамками. По его мнению, потенциальным решением этой проблемы могут стать новые взаимоотношения «ксенофилов» (граждан, открытых для разнообразной коммуникации) с «наводящими мосты» (блогерами, активными гражданами) и «кураторами» (авторитетными редакторами информационных ресурсов и даже полуавтоматизированными системами наподобие *Longreads* или *StumbleUpon*), нацеленные на создание эффекта «серендипности» – интуитивной прозорливости в городской среде, понимания того, что обнаруживающий новые политические возможности цифровой структуры и осуществляющий новые связи гражданин обретает новую силу (Цукерман, 2015, с. 86, 222–247, 298–300).

Примечательно, что Г. Ловинк также выступает за переконфигурацию гражданских связей в цифровом пространстве. Хотя в отличие от Цукермана он видит решение в создании нового типа «сильных связей» (оргнетов), приспособленных для коллективной работы и не подчиненных простому обсуждению новостей. И в этих оргнетах важнейшим вопросом становится проблема алгоритмической архитектуры (Ловинк, 2019, с. 268–279). Помимо Ловинка, многие другие исследователи, начиная с работы об алгократии А. Аниша (Aneesh, 2006), также отмечают повышение социально-политической роли алгоритмов в процессах цифровизации политики (Назаров, 2020; Beer, 2017; Borgesius, 2020; Cheney-Lippold, 2011; Kubler, 2017).

Таким образом, мы можем отметить серьезный потенциал «давления» на параметры и содержательные характеристики традиционного института гражданства в условиях современных цифровых трансформаций сразу по нескольким направлениям. При этом конечный дизайн трансформированных гражданских

связей является, по нашему мнению, многовариантным, и в значительной степени будет зависеть от тех сценариев цифровизации социально-политической сферы жизнедеятельности общества, которые будут реализованы государствами на национальном уровне.

Заключение

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что современные цифровые трансформации самым непосредственным образом влияют на структурные, содержательные и функциональные параметры жизнедеятельности ключевых традиционных политических институтов, которые для выживания и обеспечения собственного эффективного функционирования вынуждены адаптироваться к интенсивно изменяющейся глобальной технологической среде.

Очевидно, что цифровые технологические трансформации нельзя определить как однозначно конструктивные или деструктивные. Для традиционных политических институтов, по нашему мнению, существуют как позитивный, так и негативный потенциалы цифровизации, тесно переплетенные между собой в сложную систему цифровых эффектов и общественно-политических последствий институциональных изменений как для самого государства, так и для общества.

В настоящей работе мы выделили лишь некоторые из традиционных политических институтов, сосредоточив свое внимание в первую очередь на вызовах, стоящих перед ними в условиях адаптации к усложняющейся реальности, характеризующейся масштабным внедрением цифровых технологий в ключевые сферы общественно-политической жизни.

Безусловно, внимательного анализа требуют цифровые трансформации и иных традиционных политических институтов, не рассмотренных в данной статье. Более того, важным представляется изучение и таких аспектов цифровизации, как внедрение в общественно-политическую практику интеллектуальных цифровых актантов, основанных на технологиях искусственного интеллекта и самообучаемых нейросетей, формирование социотехнической реальности и политического диджитал-пространства, переход массовых цифровых коммуникаций в пространство метавселенных, работа над конструированием которых сегодня активно проводится крупными технологическими кампаниями.

Кроме того, качественных прорывов в политологических исследованиях, способных предложить качественные модели трансформации традиционной демократии, политического управления и гражданской коммуникации с властью, можно достигнуть в изучении алгоритмической природы современных политических субъектов. Не менее важным является научный анализ особенностей политической субъектности в условиях стремительного совершенствования «умных» цифровых технологий. Особенности выявленного академического дискурса относительно каузальных механизмов цифрового пространства политических институтов потребовал от авторов также обратиться к отдельному исследованию этого проблемного поля.

Наконец, актуальным исследовательским направлением представляется изучение содержательных особенностей функционирования политических акторов нового типа, к которым мы относим технологические корпорации, раз-

нообразии и сложность которых во многом сравнимы с разнообразием и сложностью традиционных государств как политических институтов.

Именно данные направления исследования представляются нам перспективными для дальнейшей работы в рамках изучения процессов цифровизации современного общественно-политического пространства.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. (2011). *Ното sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Европа.
2. Агамбен, Дж. (2019). *Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. СПб.: Институт Гайдара.
3. Артамонова, Ю. Д., Володенков, С. В. (2021). Трансформация Интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло (локал) анклавизации. *Социологические исследования*, (1), 87–97. <https://dx.doi.org/10.31857/S013216250013572-2>
4. Бродовская, Е. В. (2020). Цифровой менеджмент в деятельности российских политических партий: проблемное поле управления информационными потоками в социальных медиа. *Власть*, 28(6), 81–88. <https://dx.doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7727>
5. Васильев, М. С., Игнатовский, Я. Р. (2021). Цифровизация современной публичной политики: специфика и социальные риски. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, (1), 15–26. <https://dx.doi.org/10.24412/2071-6141-2021-1-15-26>
6. Карпович, О. Г., Троянский, Г. М. (2020). Особенности использования цифровой дипломатии иностранными внешнеполитическими ведомствами и международными организациями. *Дипломатическая служба*, (4), 96–105. <https://dx.doi.org/10.33920/vne-01-2004-11>
7. Крауч, К. (2010). *Постдемократия*. М.: Издательский дом ВШЭ.
8. Ловинк, Г. (2019). *Критическая теория интернета*. М.: Ad Marginem; Музей современного искусства «Гараж».
9. Назаров, М. М. (2020). Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия. *Коммуникология*, 8(2), 108–124. <https://dx.doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124>
10. Парсонс, Т. (2018). *О структуре социального действия*. М.: Академический проект.
11. Патрушев, С. В., Филиппова, Л. Е. (Ред.). (2020). *Структуры господства, граждане и институты*. М.: РОССПЭН.
12. Сморгун, В. Л. (2019). Партисипаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество. *Власть*, 27(5), 9–19. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712>
13. Срничек, Н. (2020). *Капитализм платформ*. М.: Издательский дом ВШЭ.
14. Цветкова, Н. А. (2020). Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*, (2), 37–47. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>

15. Цукерман, Э. (2015). *Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху*. М.: Ad Marginem.
16. Шестопал, С.С., Мамычев, А.Ю. (2020). Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды. *Балтийский гуманитарный журнал*, 9(1), 398–403. <https://dx.doi.org/10.26140/bgз3-2020-0901-0098>
17. Aneesh, A. (2006). *Virtual migration: The programming of globalization*. London: Duke University Press.
18. Beer, D. (2017). The social power of algorithms. *Information, Communication & Society*, 20(1), 1–13. <https://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>
19. Borgesius, F. J. Z. (2020). Strengthening legal protection against discrimination by algorithms and artificial intelligence. *The International Journal of Human Rights*, 24(10), 1572–1593. <https://dx.doi.org/10.1080/13642987.2020.1743976>
20. Cheney-Lippold, J. (2011). A new algorithmic identity soft biopolitics and the modulation of control. *Theory, Culture and Society*, 28(6), 164–181.
21. Cheney-Lippold, J. (2016). Jus algoritmi: How the national security agency remade citizenship. *International Journal of Communication*, (10), 1721–1742.
22. Collington, R. (2021). Disrupting the welfare state? Digitalisation and the retrenchment of public sector capacity. *New Political Economy*, 27(2), 312–328. <https://doi.org/10.1080/13563467.2021.1952559>
23. Fedorchenko, S., & Karlyavina, E. (2021). Smart city: The arrival of a new democracy or digital totalitarianism? *Журнал политических исследований*, 5(1), 3–22. <https://dx.doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-3-22>
24. Fleischer, J., & Carstens, N. (2021). Policy labs as arenas for boundary spanning: inside the digital transformation in Germany. *Public Management Review*. <https://doi.org/10.1080/14719037.2021.1893803>
25. George, J. J., & Leidner, D. E. (2019). From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. *Information and Organization*, 29(3). <https://dx.doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>
26. Gerbaudo, P. (2018). *The digital party: Political organisation and online democracy (digital barricades)*. London: Pluto Press.
27. Joyce, K., Smith-Doerr, L., Alegria, S., & et al. (2021). Toward a sociology of artificial intelligence: A call for research on inequalities and structural change. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 7, 1–11. <https://doi.org/10.1177/2378023121999581>
28. Kubler, K. (2017). State of urgency: Surveillance, power, and algorithms in France's state of emergency. *Big Data & Society*, 4(2). <https://doi.org/10.1177/2053951717736338>
29. Kuhlmann, S., & Heuberger, M. (2021). Digital transformation going local: Implementation, impacts and constraints from a German perspective. *Public Money & Management*. <https://doi.org/10.1080/09540962.2021.1939584>
30. Lash, S. (2007). Power after hegemony: Cultural studies in mutation? *Theory, Culture and Society*, 24(3), 55–78. <https://doi.org/10.1177/0263276407075956>
31. Litvinenko, A., & Toepfl, F. (2019). The “Gardening” of an authoritarian public at large: How Russia's ruling elites transformed the country's media landscape after the 2011/12 protests “For fair elections”. *Publizistik*, 64(2), 225–240. <https://dx.doi.org/10.1007/s11616-019-00486-2>

32. Muchlinski, D., Yang, X., Birch, S., Macdonald, C., & Ounis, I. (2021). We need to go deeper: Measuring electoral violence using convolutional neural networks and social media. *Political Science Research and Methods*, 9(1), 122–139. <https://dx.doi.org/10.1017/psrm.2020.32>
33. Pohle, J., & Thiel, T. (2020). Digital sovereignty. *Internet Policy Review*, 9(4). <https://doi.org/10.14763/2020.4.1532>
34. Polizzi, G. (2021). 'Internet users' utopian/dystopian imaginaries of society in the digital age: Theorizing critical digital literacy and civic engagement. *New Media & Society*. <https://doi.org/10.1177/14614448211018609>
35. Schippers, B. (2020). Artificial intelligence and democratic politics. *Political Insight*, 11(1), 32–35. <https://dx.doi.org/10.1177/2041905820911746>
36. Torres, M., & Cantu, F. (2022). Learning to see: Convolutional neural networks for the analysis of social science data. *Political Analysis*, 30(1), 113–131. <https://doi.org/10.1017/pan.2021.9>
37. Van Dijck, J., de Winkel, T., & Schäfer, M.T. (2021). Deplatformization and the governance of the platform ecosystem. *New Media & Society*. <https://doi.org/10.1177/14614448211045662>
38. Zandbergen, D., & Uitermark, J. (2020). In search of the smart citizen: Republican and cybernetic citizenship in the smart city. *Urban Studies*, 57(8), 1733–1748. <https://dx.doi.org/10.1177/0042098019847410>

References

1. Agamben, G. (2011). *Homo sacer. Chrezvychnoye polozhenie* [Homo sacer. State of emergency]. Moscow: Evropa.
2. Agamben, G. (2019). *Tsarstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya* [The Kingdom and the Glory: For a theological genealogy of economy and government]. Saint Petersburg: Institut Gajdara.
3. Aneesh, A. (2006). *Virtual migration: The programming of globalization*. London: Duke University Press.
4. Artamonova, Yu.D., & Volodenkov, S. V. (2021). Transformatsiya Interneta kak prostranstva obshchestvenno-politicheskikh kommunikatsiy: ot globalizatsii k glo (lokal) anklavizatsii [Transformation of the internet as a space of public and political communications: From globalization to glocalization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), 87–97. <https://dx.doi.org/10.31857/S013216250013572-2>
5. Beer, D. (2017). The social power of algorithms. *Information, communication & society*, 20(1), 1–13. <https://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>
6. Borgesius, F.J.Z. (2020). Strengthening legal protection against discrimination by algorithms and artificial intelligence. *The International Journal of Human Rights*, 24(10), 1572–1593. <https://dx.doi.org/10.1080/13642987.2020.1743976>
7. Brodovskaya, E. V. (2020). Tsifrovoy menedzhment v deyatel'nosti rossiyskikh politicheskikh partiy: problemnoe pole upravleniya informatsionnymi potokami v sotsial'nykh media [Digital management in the activities of Russian political parties: The problem field of information flow management in social media]. *Vlast'*, 28(6), 81–88. <https://dx.doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7727>

8. Cheney-Lippold, J. (2011). A new algorithmic identity soft biopolitics and the modulation of control. *Theory, Culture and Society*, 28(6), 164–181.
9. Cheney-Lippold, J. (2016). Jus algoritmi: How the national security agency remade citizenship. *International Journal of Communication*, (10), 1721–1742.
10. Collington, R. (2021). Disrupting the welfare state? Digitalisation and the retrenchment of public sector capacity. *New Political Economy*, 27(2), 312–328. <https://doi.org/10.1080/13563467.2021.1952559>
11. Crouch, C. (2010). *Postdemokratiya* [Post-Democracy]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE.
12. Fedorchenko, S., & Karlyavina, E. (2021). Smart city: The arrival of a new democracy or digital totalitarianism? *Журнал политических исследований*, 5(1), 3–22. <https://dx.doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-3-22>
13. Fleischer, J., & Carstens, N. (2021). Policy labs as arenas for boundary spanning: inside the digital transformation in Germany. *Public Management Review*. <https://doi.org/10.1080/14719037.2021.1893803>
14. George, J.J., & Leidner, D.E. (2019). From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. *Information and Organization*, 29(3). <https://dx.doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>
15. Gerbaudo, P. (2018). *The digital party: Political organisation and online democracy (digital barricades)*. London: Pluto Press.
16. Joyce, K., Smith-Doerr, L., Alegria, S., & et al. (2021). Toward a sociology of artificial intelligence: A call for research on inequalities and structural change. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 7, 1–11. <https://doi.org/10.1177/2378023121999581>
17. Karpovich, O.G., & Troyanskiy, G.M. (2020). Osobennosti ispol'zovaniya tsifrovoy diplomatii inostrannymi vneshnepoliticheskimi vedomstvami i mezhdunarodnymi organizatsiyami [Features of the use of digital diplomacy by foreign ministries and international organizations]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, (4), 96–105. <https://dx.doi.org/10.33920/vne-01-2004-11>
18. Kubler, K. (2017). State of urgency: Surveillance, power, and algorithms in France's state of emergency. *Big Data & Society*, 4(2). <https://doi.org/10.1177/2053951717736338>
19. Kuhlmann, S., & Heuberger, M. (2021). Digital transformation going local: Implementation, impacts and constraints from a German perspective. *Public Money & Management*. <https://doi.org/10.1080/09540962.2021.1939584>
20. Lash, S. (2007). Power after hegemony: Cultural studies in mutation? *Theory, Culture and Society*, 24(3), 55–78. <https://doi.org/10.1177/0263276407075956>
21. Litvinenko, A., & Toepfl, F. (2019). The “Gardening” of an authoritarian public at large: How Russia's ruling elites transformed the country's media landscape after the 2011/12 protests “For fair elections”. *Publizistik*, 64(2), 225–240. <https://dx.doi.org/10.1007/s11616-019-00486-2>
22. Lovink, G. (2019). *Kriticheskaya teoriya interneta* [Critical theory of the Internet]. Moscow: Ad Marginem; Muzej sovremennogo iskusstva “Garazh”.
23. Muchlinski, D., Yang, X., Birch, S., Macdonald, C., & Ounis, I. (2021). We need to go deeper: Measuring electoral violence using convolutional neural networks and social media. *Political Science Research and Methods*, 9(1), 122–139. <https://dx.doi.org/10.1017/psrm.2020.32>

24. Nazarov, M. M. (2020). Platformy i algoritimizatsiya v media: sodержanie i sotsial'nye sledstviya [Platforms and algorithmization in media: Content and social consequences]. *Kommunikologiya*, 8(2), 108–124. <https://dx.doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124>
25. Parsons, T. (2018). *O strukture sotsial'nogo deystviya* [The structure of social action]. Moscow: Akademicheskij proekt.
26. Patrushev, S. V., & Filippova, L. E. (Eds.). (2020). *Struktury gospodstva, grazhdane i instituty* [Dominance structures, citizens and institutions]. Moscow: ROSSPEN.
27. Pohle, J., & Thiel, T. (2020). Digital sovereignty. *Internet Policy Review*, 9(4). <https://doi.org/10.14763/2020.4.1532>
28. Polizzi, G. (2021). 'Internet users' utopian/dystopian imaginaries of society in the digital age: Theorizing critical digital literacy and civic engagement. *New Media & Society*. <https://doi.org/10.1177/14614448211018609>
29. Schippers, B. (2020). Artificial intelligence and democratic politics. *Political Insight*, 11(1), 32–35. <https://dx.doi.org/10.1177/2041905820911746>
30. Shestopal, S. S., & Mamychev, A. Yu. (2020). Suverenitet v global'nom tsifrovom izmerenii: sovremennye trendy [Sovereignty in the global digital space: current trends]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 9(1), 398–403. <https://dx.doi.org/10.26140/bgz3-2020-0901-0098>
31. Smorgunov, V. L. (2019). Partisipatornaya gosudarstvennaya upravlyaemost': platformy i sotrudnichestvo [Participatory state governance: Platforms and cooperation]. *Vlast'*, 27(5), 9–19. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712>
32. Srnichek, N. (2020). *Kapitalizm platform* [Platform capitalism]. Moscow: Izdatel'skiy dom VShE.
33. Torres, M., & Cantu, F. (2022). Learning to see: Convolutional neural networks for the analysis of social science data. *Political Analysis*, 30(1), 113–131. <https://doi.org/10.1017/pan.2021.9>
34. Tsukerman, E. (2015). *Novye soedineniya. Tsifrovye kosmopolity v kommunikativnuyu epokhu* [New connections. Digital cosmopolitans in the communicative age]. Moscow: Ad Marginem Press.
35. Tsvetkova, N. A. (2020). Fenomen tsifrovoy diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i metodologiya ego izucheniya [The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, (2), 37–47. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>
36. Van Dijck, J., de Winkel, T., & Schäfer, M. T. (2021). Deplatformization and the governance of the platform ecosystem. *New Media & Society*. <https://doi.org/10.1177/14614448211045662>
37. Vasil'ev, M. S., Ignatovskiy, Ya. R. (2021). Tsifrovizatsiya sovremennoy publichnoy politiki: spetsifika i sotsial'nye riski [Digitalization of modern public policy: Specificity and social risks]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (1), 15–26. <https://dx.doi.org/10.24412/2071-6141-2021-1-15-26>
38. Zandbergen, D., & Uitermark, J. (2020). In search of the smart citizen: Republican and cybernetic citizenship in the smart city. *Urban Studies*, 57(8), 1733–1748. <https://dx.doi.org/10.1177/0042098019847410>

Информация об авторах

Сергей Владимирович Володенков, доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко, кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и права, Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Information about the authors

Sergey Vladimirovich Volodenkov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Sergey Nikolaevich Fedorchenko, Candidate of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University, Mytishchi, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

УДК 323.2

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_104

ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Александр Алиевич Керимов,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
kerimov68@mail.ru

Ахмат Аскербиевич Эбзеев,

Карачаево-Черкесский республиканский институт
повышения квалификации работников образования,
Черкесск, Россия,
ebze1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.12.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Керимов А.А., Эбзеев А.А. Факторы и тенденции протестной активности молодежи в современной России // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 104-123. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_104

Аннотация

Цель статьи заключается в том, чтобы установить ключевые факторы молодежного протеста в современной России и спрогнозировать тенденции протестной активности молодого поколения. На основе анализа данных о ценностных ориен-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31682.

© Керимов А.А., Эбзеев А.А., 2022

тациях молодежи, целях молодого поколения, психологических и социокультурных особенностях сделан вывод о дифференциации молодежи. Выделены две возрастные группы с разным протестным потенциалом: от 14 до 24 лет и от 25 до 35 лет. Установлено, что младшая возрастная группа более подвержена протестным настроениям в силу ряда причин, среди которых взросление в стабильной социально-экономической ситуации (ведет к формированию ценностей индивидуализма и свободы), фрустрация на фоне необходимости профорientации или начала трудовой деятельности, отсутствие материальных благ и пр. Также протестный потенциал сопоставлен с такими характеристиками, как уровень образования и локализация проживания. Классические и современные теории протеста проанализированы с точки зрения выявления факторов возникновения молодежного протеста в современных российских реалиях. Помимо этого, проанализировано действие факторов, способных канализировать молодежный протест, направить его в конструктивное русло (молодежная политика и система представительства интересов молодежи). В заключительной части статьи сделан вывод об актуальности факторов протестной активности молодежи в современной России. Авторы подчеркивают, что решение проблемы возможно только при комплексном подходе. С одной стороны, следует включать молодежь в публичную политику путем расширения представительства ее интересов и создания возможности участия в деятельности общественных организаций. С другой стороны, необходимо сбалансировать государственную молодежную политику, включая в нее широкие слои представителей молодого поколения.

Ключевые слова:

молодежь, протест, молодежный протест, факторы протеста, российская молодежь.

UDC 323.2

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_104

FACTORS AND TRENDS OF YOUTH PROTEST ACTIVITY IN MODERN RUSSIA*

Aleksandr A. Kerimov,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
kerimov68@mail.ru

Akhmat A. Ebzeev,

Karachay-Cherkessia Republican Institute for Advanced Training of Education Workers,
Cherkessk, Russia,
ebze1@yandex.ru

* The reported study was funded by RFBR and EISR, project number № 21-011-31682.

Article received on December 12, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Kerimov, A.A., & Ebzeev A.A. (2022). Factors and Trends of Youth Protest Activity in Modern Russia. *Discourse-P*, 19(1), 104-123. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_104

Abstract

The purpose of the article is to identify the key factors of youth protest in modern Russia and to predict the trends of protest activity of the younger generation. Based on the analysis of data on the value orientations of the youth, the goals of the younger generation, psychological and socio-cultural characteristics, the conclusion is made about the differentiation of the youth. There are two age groups with different protest potential: from 14 to 24 years and from 25 to 35 years. It has been established that the younger age group is more susceptible to protest moods due to a number of reasons, including growing up in a stable socio-economic situation (leading to the formation of values of individualism and freedom), frustration against the background of the need for career guidance or the beginning of work, lack of material benefits, etc. Also, the protest potential is compared with such characteristics as the level of education and localization of residence. Classical and modern theories of protest are analysed from the perspective of identifying the factors of youth protest emergence in modern Russian realities. In addition, the action of factors capable of channeling the youth protest and directing it in a constructive direction (youth policy and the system of representation of youth interests) is analysed. In the final part of the article, a conclusion is made about the relevance of the factors of youth protest activity in modern Russia. The authors emphasize that the solution to the problem is possible only with an integrated approach. On the one hand, young people should be included in public policy by expanding the representation of their interests and creating opportunities to participate in the activities of public organizations. On the other hand, it is necessary to balance the state youth policy and include a broad range of representatives of the younger generation in it.

Keywords:

youth, protest, youth protest, protest factors, Russian youth.

Введение

Исследование феномена протестного поведения насчитывает тысячи лет, несмотря на то, что сам термин «протест» сформировался намного позже. Ученые Античности, Средневековья, Нового времени по-разному определяли и называли это явление (бунт, мятеж, восстание). Однако большинство из них сходилось в том, что протест представляет собой действия, направленные на свержение власти.

В XX в. понимание феномена протеста принципиально меняется. Он перестает нести исключительно негативную коннотацию: «Прослеживается важное изменение в подходе к протесту: сейчас это не столько действия, направленные против власти, сколько действия, с помощью которых общество пытается повлиять на власть» (Руденкина, Керимов, 2016, с. 56). И этот конструктивный подход позволяет взглянуть на протест иначе – найти в нем возможности для исправления сложившейся ситуации и обратить внимание власти на протестующих не с позиции применения силы для их подавления, а с позиции диалога.

Особенно актуален такой подход в ситуации, когда протест становится привычным политическим поведением молодежи, той социальной группы, от которой зависит будущее государства, выбор векторов его развития. Ситуация, когда молодежь среди всех других форм взаимодействия с властью выбирает протест, свидетельствует о наличии в обществе по крайней мере двух серьезных дисбалансов. Во-первых, существует реальное противоречие между потребностями молодежи, ее ценностями, возможностью их реализации и принятия остальной частью общества. Во-вторых, имеются институциональные проблемы, которые не дают молодежи выразить свою позицию в более конструктивном ключе с использованием других форм политического поведения.

Протестное поведение молодежи дает власти обратную связь и позволяет увидеть: какие вопросы требуют принятия управленческих решений; какие идеи, бытующие в молодежной среде, являются перспективными и могут пойти на пользу социально-экономическому развитию; какие институты потеряли свою эффективность и утратили значение, а какие необходимо создать для повышения качества взаимодействия общества и власти.

В связи с этим, в данном исследовании мы исходим из конструктивного подхода к пониманию феномена протеста и ставим задачу рассмотреть молодежный протест в качестве индикатора, показывающего необходимость корректировки тех или иных решений власти и механизмов взаимодействия власти и общества.

Результаты исследования

Существует множество исследований, выявляющих ключевые факторы протестного поведения населения. Прежде чем проанализировать факторы возникновения молодежного протеста, остановимся на характеристике этой социальной группы, определим, что отличает ее от другой части населения.

Молодежь как социальная группа не является однородной, и это значит, что при характеристике ее протестного потенциала необходимо провести дифференциацию.

Один из ключевых критериев дифференциации – возрастной. Во-первых, потому что цели молодежи варьируются в зависимости от возраста, во-вторых, потому что из-за исторических реалий у разных возрастных групп сформировались разные ценности.

В России молодежная политика реализуется в отношении молодых людей от 14 до 35 лет¹. Следует отметить, что сознательный период жизни этих людей

¹ Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской

пришелся на новую эпоху, наступившую после распада СССР и окончания холодной войны. Но при этом условия, в которых проходило детство этих людей, отличаются кардинально. Так, старшая возрастная группа молодежи – люди, родившиеся в 1986–1996 гг. (от 25 до 35 лет), провели детство в сложных социально-экономических условиях, в кризисный период, характеризующийся состоянием аномии – когда действующие в обществе нормы перестали быть актуальны, а новые еще не сформировались. Эту группу людей называют и поколением Y (согласно теории поколений), и «миллениумами», т. е. людьми, которые встретили новое тысячелетие в юном возрасте. Младшая возрастная группа молодежи (поколение Z) – люди, родившиеся в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (от 14 до 24 лет), – выросла в совершенно новых технологических условиях при стабильной социально-экономической ситуации и отсутствии кризисных явлений.

Каким образом условия жизни молодых людей повлияли на ценности, которых они придерживаются? Существует точка зрения, согласно которой облик поколения формируют глубокие кризисы и подъемы: «Периоды кризиса стимулируют общество к объединению перед лицом общей опасности, формируют этику самопожертвования и стремления к порядку. Во время подъемов преобладают ценности индивидуализма, а государственные институты, как и весь институциональный порядок в целом, подвергаются критике с точки зрения новых социальных и духовных идеалов» (Безбогова, Ионцева, 2016).

Таким образом, основываясь на анализе социально-экономических и общественно-политических факторов, оказывающих влияние на молодежь в период взросления, мы можем выдвинуть следующую гипотезу. Старшая возрастная группа, выросшая в условиях крайней неопределенности и страха будущего, ориентируется на ценности стабильности. «Миллениумам» свойственно быстрое принятие решений из страха упустить возможность, раннее взросление – для того, чтобы справляться с кризисами и проблемами, а также ориентация на коллектив, помощь и взаимовыручка. Младшая возрастная группа, выросшая в благоприятных экономических условиях и погруженная в новую цифровую среду, разделяет принципиально иные ценности. Прежде всего это отрицание иерархии, стремление к личному счастью, индивидуализм.

Социологическое исследование, проведенное в 2019 г. среди оппозиционно настроенной молодежи (медианный возраст составляет 22 года), свидетельствует о доминировании ценностей индивидуализма в указанной социальной группе (Трынов, Дидковская, 2019). Согласно полученным данным, респонденты видят общественный идеал в обществе с высоким уровнем жизни, рыночной экономикой, развитыми технологиями. Относительно власти они придерживаются следующих позиций: систематическая смена, повышение ответственности перед обществом, увеличение количества выборных должностей. Более половины респондентов придерживается либеральных и либертарианских взглядов, что говорит о приверженности таким ценностям, как свобода и индивидуализм.

При этом обе возрастные группы молодежи объединяет большая степень свободы и открытости по сравнению с представителями старших поколений.

Федерации» (2020, 30 декабря). Взято 1 декабря 2021, с <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>

Этому способствуют два фактора. Во-первых, коренное изменение политической системы России, произошедшее в 1990-е гг. и запустившее процессы демократизации. Во-вторых, стремительное развитие информационных технологий и средств связи, многократно ускоряющее информационные потоки и скорость обмена информацией, благодаря чему молодежь становится значительно более включенной в глобальные процессы, мобильной и адаптивной. Еще одно следствие развития технологий заключается в переводе коммуникаций из реального в виртуальный контакт. Это позволяет выстраивать взаимодействие с большими группами людей, делиться своими интересами, ценностями, организовывать коллективные действия, в том числе протестного характера.

Эти условия также определяют ценности молодежи, характерные для обеих возрастных групп: возможности для самореализации, творчества, гибкая/удаленная работа, развлечения, путешествия и т. д.

Что касается жизненных целей, следует отметить, что представители старшей группы молодежи, как правило, уже устроены в жизни, имеют работу и семью. В то время как наибольшая степень неопределенности, а значит, фрустрации, характерна для молодых людей, определяющихся с выбором профессии, а также для тех, кто только заходит на рынок труда и начинает свою профессиональную детальность, т. е. для людей в возрасте от 14 до 24 лет. И, как мы отметили выше, это как раз то поколение, которое не застало периода турбулентности и кризиса либо находилось в этот период в неосознанном возрасте. А значит, оно более ориентировано на индивидуальные ценности и либеральное мировоззрение. Исследователи отмечают разницу между группами молодежи и с точки зрения наличия материальных благ, которые сдерживают протестное поведение: «Самая юная группа молодежи – до 20 лет – фактически не имеет материальных и прочих обязательств, способных ее сдержать, и поэтому наиболее склонна к протестным формам проявления своих интересов: несанкционированным митингам, манифестациям, забастовкам, голодовкам и др. Более старшая группа чаще всего занимает стороннюю позицию и не проявляет столь активного стремления к стихийным «улично-спонтанным» преобразованиям» (Никипорец-Такигава и др., 2017, с. 38). Согласно упомянутому выше социологическому исследованию, молодые активисты испытывают неудовлетворенность своим материальным положением.

При этом, по данным социологического исследования, проведенного Агентством социальной информации и Федеральным агентством по делам молодежи (Росмолодежь)², уровень поддержки протестных акций поколением Z и поколением Y практически сопоставим (21,7% и 21,0% соответственно). Однако личное участие в акциях протеста чаще принимают представители поколения Z (21,1% против 15,9%), что подтверждает наш вывод о влиянии материальных факторов на политическое поведение молодежи.

Таким образом, характерные для молодежи младшей возрастной группы (от 14 до 24 лет) вопросы, связанные с устройством жизни, нахождением своего места в обществе, а также минимальное количество материальных благ, присущее этой группе, ценности индивидуализма, свободы во всех ее прояв-

² Анализ оценок молодежи РФ в целом по репрезентативной выборке (2020, 20 ноября). Взято 6 декабря 2021, с <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page=1>

лениях, повышенная критичность по отношению к действующим институтам власти свидетельствуют о высоком протестном потенциале.

Еще один критерий дифференциации молодежи – уровень образования, который часто коррелирует с местом проживания. Если проанализировать последние масштабные протестные акции молодежи, мы можем прийти к выводу, что они локализуются в крупных мегаполисах с большим количеством студентов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург): «В мегаполисах наблюдается самая высокая концентрация активной молодежи. Сюда устремляются в поисках больших возможностей амбициозная и ищущая «лучшей доли» социально уязвленная молодежь из провинции» (Пырма, 2017, с. 49).

Так, массовые всероссийские акции протеста 2017 и 2021 гг. прошли в крупных городах. По данным СМИ, протесты 7 октября 2017 г. продемонстрировали широкий географический охват (около 90 городов), наиболее ярко и заметно проявившись в урбанизированных центрах – столицах крупных регионов³. По данным фонда «Либеральная Миссия», в 2021 г. акции протеста, собравшие более 10 тыс. человек, прошли в Москве, Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде: «Лидерами протестной активности в 2021 году, помимо Москвы, являлись Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Новосибирск, Пермь и Краснодар»⁴.

Кроме того, исторически университетская, студенческая среда всегда характеризовалась повышенным уровнем критических настроений в отношении действующей власти, инакомыслием.

Еще одна особенность поведения молодежи в контексте протестной активности заключается в том, что такая форма социальной активности для этой группы является еще и способом самовыражения. Иными словами, участие в протесте может не иметь под собой экономических или политических оснований, а быть обусловлено такими личными причинами, как желание выделиться, «быть модным», показать себя более взрослым, найти новый круг общения, повысить свой социальный статус и т. д.

Также следует обратить внимание на общие психологические характеристики молодежи как социальной группы. Исследователи выделяют среди них активность, максимализм, критичность, желание идти на риск, мобильность, экстремальность и т. д. Указанные психологические характеристики молодежи делают ее восприимчивой к оппозиционным и даже радикальным идеям. «С одной стороны, возникает мода на активную гражданскую позицию, с другой – создается образ «борца с системой» (Чеботарева и др., 2019, с. 150).

Таким образом, молодежь как социальная группа, в особенности молодежь несоциализировавшаяся, обладает рядом характеристик (ценностных, психологических, культурологических, интеллектуальных), усиливающих вероятность

³ Суд Санкт-Петербурга оштрафовал двух активистов штаба Навального (2017, 7 октября). Взято 9 декабря 2021, с <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59d90fc69a794713e832f251>

⁴ Протесты 2021 года и протестное десятилетие 2011–2021 гг. Динамика и оценки численности (2021, 7 сентября). Взято 9 декабря 2021, с <https://liberal.ru/lm-eksperitiza/protesty-2021-goda-i-protestnoe-desyatiletie-2011-2021-gg-dinamika-i-ocenki-chislennosti>

протестного поведения. Однако конвертацию этого потенциала в активные действия обеспечивают факторы протеста.

Теория вопроса разработана в научной литературе достаточно подробно. Существуют так называемые классические теории, объясняющие причины и механизмы формирования протеста, и современные теории, которые пытаются объединить накопленный опыт с анализом современных практик протестной активности. Рассмотрим эти подходы с точки зрения объяснения факторов возникновения протеста.

Теория коллективного поведения, составной частью которой является теория относительной депривации (Гарр, 2005), представляет собой социально-психологический подход. Основной фактор протеста, согласно этой теории, заключается в увеличении разрыва между ожиданиями общества (или части общества) и возможностью их удовлетворения. Формирование и нарастание этого разрыва запускает психологические процессы, в частности, фрустрацию. В результате возникает психологическое напряжение, которое требует разрядки. В случае, если такое напряжение формируется у больших социальных групп, разрядка происходит через протестные действия.

При этом более значимым фактором возникновения протестных настроений является не фактическое ухудшение условий жизни (абсолютная депривация), а субъективное ощущение (относительная депривация). Например, завышенная оценка молодым поколением ценности своего труда приводит к необоснованным ожиданиям относительно заработной платы. При столкновении с реальным рынком труда молодой человек вынужден снижать свои требования, что приводит к фрустрации. Это не означает ухудшение условий жизни, но формирует психологическое напряжение. «Следствием данного состояния становится протест как способ преодоления фрустрации, то есть тех барьеров, которые встают на пути социальных субъектов и препятствуют достижению поставленной цели» (Гоголева, 2020, с. 35).

Анализ последних крупных протестных акций молодежи в России приводит к выводу, что декларируемая причина протестов напрямую соотносится с теорией относительной депривации. Основные претензии протестующих сводятся к недовольству социально-экономической ситуацией, падению уровня жизни, коррупции, неэффективности действий власти по решению указанных проблем. Так, согласно опросам фонда «Общественное мнение», проведенным после массовых протестных акций в июне 2017 г., люди чаще всего связывают их с недовольством властями («терпение лопается у народа»), с тем, что «людей конкретно достала коррупция», с тем, что «надоело жить плохо»⁵.

Критика теории сводится к невозможности измерения порогового значения относительной депривации, необходимого для возникновения протеста. Также под вопросом остается зависимость между психологическими установками человека и его реальными действиями.

Однако, несмотря на критику теории, необходимо отметить, что для молодежи свойственны несколько завышенные, максималистские ожидания относительно своего благосостояния, работы и будущего. Поэтому обострение

⁵ *Акции протеста 12 июня: опросы накануне и после протестов* (2017, 23 июня). Взято 10 декабря 2021, с <https://fom.ru/Nastroeniya/13591>

проблемы с трудоустройством и самореализацией, обусловленное в том числе противозападническими мероприятиями, вызывает среди молодого поколения фрустрацию и психологическое напряжение. Помимо этого, фрустрацию молодежи порождает проблема коррупции и связанный с ней вопрос работы социальных лифтов: «Каждый четвертый молодой человек (24,1 %) рассматривает коррупцию в стране как ситуацию, тревожащую его в настоящий момент больше всего. Представления молодых людей о коррупционной составляющей в стране и государственных структурах активизируют страх не реализовать себя в жизни» (Чуев, 2017, с. 47). Таким образом, мы рассматриваем разрыв между ожиданиями молодежи и реальностью их удовлетворения как один из факторов молодежного протеста. Вместе с тем, на наш взгляд, для преобразования психологической напряженности в реальные протестные действия требуется действие других факторов протеста.

Еще одна классическая теория протеста – теория мобилизации ресурсов – основана на организационном подходе. Ее отличительной особенностью является то, что она стремится рационально обосновать действия протестующих и не рассматривает их как стихийные: «Протест возникает только при формировании экономических, политических и организационных возможностей для мобилизации существующего недовольства» (Савенков, Щеглова, 2018, с. 557).

Критика теории заключается в том, что она объясняет внутреннюю динамику движения/протеста, но не объясняет причину его возникновения. Однако нельзя не согласиться с ключевым положением теории, согласно которому протест организуется путем мобилизации ресурсов и для их мобилизации требуется лидер. Иными словами, насколько бы ни было масштабное недовольство людей и уровень их психологической напряженности, без организации и мобилизации ресурсов этот протестный потенциал не превратится в реальный протест.

Что касается российской молодежи, на сегодняшний день отсутствует человек, способный консолидировать масштабные группы. Протестный потенциал поддерживается лидерами общественного мнения в рамках своей целевой аудитории. Чаще всего в этом амплуа работают представители сферы культуры, например, исполнители рэпа и рок-музыки. Однако они не обладают необходимыми ресурсами, чтобы консолидировать протестно настроенную молодежь.

Политическая активность молодых лидеров ограничивается, с одной стороны, ужесточением законодательства, регламентирующего данную сферу, с другой – правоприменительной практикой. Это и более серьезные наказания за участие в несанкционированных митингах, и привлечение к ответственности за распространение недостоверной информации в социальных сетях. К нововведениям, прямо или косвенно влияющим на эту сферу жизни общества, следует отнести: закон об иностранных агентах, закон об оскорблении чувств верующих, введение штрафов за оскорбление власти, штрафы и административная ответственность за проведение несанкционированных акций и др.

Согласно исследованию, проведенному объединением оппозиционных журналистов «Агентство»⁶, за последние 10 лет законодательство, регламентирующее деятельность СМИ, взаимодействие в социальных сетях, функциони-

⁶ *Болотная 10 лет спустя* (2021, 6 декабря). Взято 10 декабря 2021, с <https://www.agents.media/bolotnaya-10-let/>

рование организаций гражданского общества, участие в акциях протеста и пр., существенно ужесточилось. Анонимные авторы исследования отмечают, что за 10 лет количество задержаний на митингах увеличилось в 13 раз, а средний размер штрафа вырос в 17,5 раз.

Таким образом, сегодня молодые лидеры, в той или иной степени недовольные политикой государства, находятся перед выбором: либо, принимая имеющиеся риски, отстаивать свои убеждения путем организации протестных акций, либо попробовать войти в политическую систему, используя традиционные механизмы участия – членство в политических партиях, участие в выборах и т. д. Однако для реализации лидерского потенциала этим способом необходимо наличие открытой системы рекрутирования и работающих социальных лифтов.

Современные сторонники теории мобилизации ресурсов учитывают и институциональные факторы протеста. В данном случае имеется в виду конфигурация избирательной и партийной систем. От нее зависит возможность выразить протест в конвенциональной форме, т. е. не с помощью несанкционированных митингов, шествий и пр., а путем выбора альтернативной партии или голосования против всех. Иными словами, конкурентность политического режима приводит к более «мягкому» протесту. При этом само по себе ужесточение избирательной системы способно спровоцировать протесты. К примеру, отмена выборных должностей (главы субъектов Федерации и мэры крупных городов) привела к серии крупных протестов. Возврат возможности выбирать глав субъектов Федерации был воспринят позитивно.

В настоящее время формируются новые теории, объясняющие протест с точки зрения таких понятий, как идентичность и ценности. При характеристике современной российской молодежи мы отметили, что даже внутри этой социальной группы присутствуют разные ценности. Ценностные ориентации составляют основу для формирования взглядов относительно развития страны, в связи с чем уместно говорить об идеологических факторах молодежного протеста. Несовпадение взглядов молодежи и власти на приоритеты внутренней и внешней политики также может стать причиной протестных настроений. При этом следует понимать, что это не означает неэффективность власти или падение уровня жизни населения. Речь идет о несовпадении взглядов на будущее.

Еще один аспект молодежного протеста – технологический. Ему необходимо уделить отдельное внимание, поскольку даже одновременное действие всех обозначенных нами факторов не всегда приводит к активным протестным действиям. Для того чтобы протестный потенциал молодежи реализовался, необходимо либо наличие лидера из самой молодежной среды, способного организовать массы людей, либо наличие политической силы, заинтересованной в организации молодежного протеста. И именно последнее зачастую становится причиной превращения молодежного протеста из потенциального в реальный. Иными словами, действия политических сил, заинтересованных в создании протестной активности, являются катализатором для выхода молодых людей на улицы.

В России долгое время молодых людей рекрутировали на протестные действия с помощью антикоррупционной повестки или точечных проблемных тем. Наиболее массовыми (с точки зрения участия молодежи) стали две волны всероссийских протестных акций, организованных А. Навальным и его коман-

дой⁷. В 2017 г. серия протестных акций сопровождала предвыборное турне оппозиционного политика. В начале года это была привычная антикоррупционная повестка, основанная на фильме «Он Вам не Димон». К концу года в фокусе внимания оказались требования по освобождению оппозиционера из-под ареста, а также его допуск к участию в президентских выборах, сопровождающиеся критикой власти: «Акции в предвыборной кампании основывались в основном на санкционированных формах. Несанкционированные мероприятия, посвященные антикоррупционным расследованиям, организовывались в форме митингов и получили широкое освещение в СМИ» (Соколов, Курбанова, 2019, с. 237). В 2021 г. поводом для акций протеста также стали антикоррупционные расследования, в то же время основные требования протестующих сводились к прекращению политического преследования А. Навального. При этом содержание осталось таким же, как в 2017 г., – критика действующей власти, к которой добавились новые актуальные темы: «Эксперты считают, что единого мотива у протестующих нет: люди вышли на улицы из-за накопившейся усталости от эпидемии коронавируса, экономической депрессии и длительного политического затишья»⁸.

Кроме того, следует отметить протестные акции 2011 г. на Болотной площади. Эти протесты не имели конкретного организатора, однако лидерство стремились присвоить себе разные представители несистемной оппозиции (С. Удальцов, А. Навальный, И. Яшин, И. Пономарев и др.), которые так и не смогли консолидировать усилия и объединить своих сторонников в ходе борьбы за признание итогов выборов в Государственную Думу недействительными. При этом реакция органов охраны правопорядка была жесткой – в рамках так называемого «болотного дела» были приговорены к реальным срокам более 10 человек, уголовному преследованию подверглись около 30 человек⁹.

Отдельно необходимо выделить точечные проблемные темы, волнующие молодежь. Прежде всего это экологическая и градостроительная повестка. Такого рода вопросы, касающиеся непосредственного места проживания молодых людей, их комфорта и интересов, способны стать катализатором для самоорганизации молодежи. Один из наиболее медийных локальных протестов, произошедших за последнее время – споры по поводу выбора площадки для строительства Храма Св. Екатерины в Екатеринбурге. «Протесты продолжались несколько дней. Суммарно в них приняли участие около 10 тыс. человек. Основная причина конфликта – недовольство горожан выбором местными властями площадки под строительство храма, предполагающей ликвидацию сквера» (Попцов, 2020, с. 144).

⁷ В июне 2021 г. фонды и предвыборные штабы А. Навального признаны в России экстремистскими организациями, их деятельность запрещена. В январе 2022 г. Росфинмониторинг внес в реестр террористов и экстремистов А. Навального и ряд приближенных к нему людей.

⁸ *Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян* (2021, 30 января). Взято 12 декабря 2021, с <https://www.kommersant.ru/doc/4670663>

⁹ «Болотное дело». *Досье* (2014, 11 июня). Взято 12 декабря 2021, с <https://tass.ru/info/885791>

В случае отсутствия конструктивного диалога протестующих с местной властью, как правило, происходит эскалация конфликта, которую в своих целях могут использовать представители несистемной оппозиции. Конфликт вокруг строительства храма на месте сквера в Екатеринбурге является примером подобного развития событий: представители местной власти вовремя не отреагировали на протест, в результате чего он был подхвачен лидерами локального протеста (движение «Парки и скверы Екатеринбурга» и др.)¹⁰. Согласно экспертному мнению, локальная акция протеста 2019 г. повлияла на массовость всероссийских акций протеста 2021 г. в Екатеринбурге: «Свою роль майские выступления сыграли. Во время тех событий горожане получили опыт победных действий. Многие люди были там, получили живой опыт. Сквер стал символическим местом победы, это притягивает, потому люди и пришли именно туда в субботу, несмотря на мороз»¹¹. Это говорит о том, что местная протестная повестка создает фундамент для развития протестной активности и может быть использована оппозиционными силами в своих целях.

Интерес вызывает не только тематика и организаторы акций протеста, но и сами способы и технологии их организации. Ключевыми информационными ресурсами для мобилизации участников протестных акций выступают интернет-платформы (прежде всего ТикТок, а также Инстаграм¹², Фейсбук¹³, ВКонтакте, Ютуб) и либерально/оппозиционно настроенные электронные медиа. Современные мессенджеры позволяют организовать большое количество людей при минимальном количестве затрат. При этом речь идет не только о предварительной организации, но и о координации действий непосредственно во время протестной акции.

В то же время сама форма проведения протестных акций имитирует игровую, тем самым создавая из акции протеста «глобальную тусовку» (хороводы, шествия с фонариками, пение песен, раздача еды и т. д.): «К традиционным формам политического протеста – митингам, забастовкам, пикетам, манифестациям – добавляют так называемые эффектные формы – флэшмобы, хэппенинги, перформансы» (Савченко, 2012, с. 254). Такая форма протеста привлекает в том числе и аполитичную молодежь, целью которой является общение и развлечение, а не демонстрация своей политической позиции и влияние на власть. Тем самым искусственно создается массовость подобных акций.

Таким образом, мы пришли к выводу, что действие факторов, активизирующих молодежный протест, усиливается. В то же время появляются новые развлекательные формы протестных акций, развиваются технологии формирования молодежного протеста. Потенциал различных интернет-площадок

¹⁰ *Противники и сторонники возведения храма Святой Екатерины встретились с главой региона* (2019, 14 мая). Взято 12 декабря 2021, с <https://www.kommersant.ru/doc/3967947>

¹¹ *Недовольство властью и пандемия: почему акция в поддержку Навального собрала так много участников* (2021, 25 января). Взято 12 декабря 2021, с <https://www.e1.ru/text/politics/2021/01/25/69722896/>

¹² Соцсеть, признанная в России экстремистской.

¹³ Соцсеть, признанная в России экстремистской.

и социальных сетей позволяет охватить большие массы молодых людей и организовать их действия.

Однако существуют определенные условия, сглаживающие действие факторов молодежного протеста. Их анализ позволит оценить и спрогнозировать тенденции протестной активности молодежи в современной России.

Ранее мы отметили, что протест может служить для власти обратной связью и использоваться в конструктивном ключе. В этом случае учет позиции протестно настроенной молодежи может сгладить степень напряжения и решить накопившиеся вопросы. Однако власти необходимо не только решать комплексные проблемы молодежи (доступность образования, возможность трудоустройства, жилищный вопрос и т. д.), но и предоставлять ей возможность участвовать в решении данных вопросов, давать обратную связь о принятых мерах, проводить системную молодежную политику.

Современные социологические исследования выявляют ряд проблем при реализации молодежной политики в России. Ключевая проблема, с точки зрения формирования потенциального молодежного протеста, заключается в невключенности в молодежную политику большей части молодежи – так называемых «средних» (Подъячев, Халий, 2020). Иными словами, молодежная политика в России реализуется посредством концепции «двух полюсов» – поддержка адресуется талантливой молодежи и незащищенным социальным слоям (сироты, дети из неблагополучных семей), в то время как самая массовая часть молодежи остается за рамками внимания и поддержки со стороны государства.

Также исследователями государственной молодежной политики отмечаются кадровые и инфраструктурные проблемы (Чуев, Поляков, 2017). В частности, недостаточное количество специалистов по молодежной политике, как на региональном, так и на муниципальном уровнях.

В рамках анализа протестной активности молодежи мы не преследуем цели дать оценку государственной молодежной политике России. Однако проблемы ее реализации, обозначаемые современными отечественными исследователями, позволяют сделать вывод о том, что сформировавшаяся система работы с молодежью не приводит к нивелированию молодежного протеста. Об этом свидетельствует и неизменность одного из основных документов, посвященных молодежной политике в России. Так, «Основы государственной молодежной политики»¹⁴ с момента их принятия в 2014 г. до настоящего времени остаются неизменными, несмотря на стремительные трансформации как технологического, так и социально-экономического характера, влияющие на объект политики, т. е. на молодежь.

При этом следует отметить, что эксперты и ученые позитивно оценивают принятие в 2020 г. Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации»¹⁵. В частности, отмечается создание единого под-

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2014, 29 ноября). Взято 12 декабря 2021, с <https://docs.cntd.ru/document/420237592>

¹⁵ Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»

хода к молодежной политике и пониманию стратегии ее реализации. Единое правовое поле «позволяет заложить основы дальнейшего правового регулирования сферы молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях власти с активным привлечением молодежи к решению значимых для нее вопросов» (Самохвалов, 2020, с. 27). Позитивно оценивается и введение четкого возрастного критерия для понятия «молодежь» – от 14 до 35 лет (в отличие от размытого возраста от 14 до 30 и в отдельных случаях до 35 лет, установленного в «Основах государственной молодежной политики»), что позволяет включить в государственную молодежную политику дополнительно порядка 12 млн. человек¹⁶.

Однако эксперты сходятся во мнении, что аналитическая оценка действия нового закона возможна только спустя некоторый промежуток времени, в течение которого субъекты Федерации приведут свое законодательство в соответствие с федеральным, а органы власти начнут системно реализовывать свои полномочия, определенные указанным законом: «Принятый документ предстоит наполнить конкретным, практическим содержанием, перейдя от рамочно-терминологического формата к реальным законодательным и управленческим механизмам решения молодежных проблем» (Меркулов, 2021, с. 18).

Помимо эффективной молодежной политики, фактором, нивелирующим или даже канализирующим в определенное русло молодежные протесты, является наличие в политическом пространстве сил, представляющих интересы молодежи. Иными словами, речь идет о политической партии (политических партиях), отражающей позиции молодого поколения и способной продвигать их в парламенте. Отсутствие такой политической силы приводит к тому, что эту нишу занимают представители несистемной оппозиции, чья тактика как раз и заключается в использовании протестного потенциала молодежи.

Определим, насколько этот фактор актуален для современной России. Анализируя ценности и политические позиции молодежи, мы установили, что политически активная молодежь, способная на участие в акциях протеста, придерживается преимущественно либеральных политических взглядов и разделяет такие ценности, как высокий уровень жизни, рыночная экономика, развитие технологий. Ценности исторических традиций и усиления государственной власти, т.е. консервативные ценности, большей частью активной молодежи не поддерживаются. С учетом того, что правящая партия в современной России придерживается именно консервативной идеологии (Лотарев, 2016), активная молодежь выступает по отношению к ней преимущественно оппозиционно и ищет сторонников своих взглядов среди других политических сил, в том числе несистемных.

Некоторое время на представительство интересов либерально настроенных граждан, включая молодежь, претендовала партия «Яблоко». Однако отсутствие кадрового обновления, пассивная позиция и закрытость от своего электората привели к потере аудитории, в первую очередь активных молодых людей.

Федерации» (2020, 30 декабря). Взято 1 декабря 2021, с <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>

¹⁶ *Распределение населения по возрастным группам* (2021, 2 июля). Взято 22 октября 2021, с <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

В то же время радикализация несистемной оппозиции оттолкнула большую часть ее сторонников, которая оказалась не готова к открытой конфронтации с действующей властью. В последнем электоральном цикле появилась новая либеральная политическая сила в лице партии «Новые люди». Однако пока она позиционирует себя в качестве представителя предпринимательского сообщества.

Исходя из указанных фактов, мы можем сделать вывод, что молодежь находится в поиске новых лидеров, выражающих их интересы, поскольку традиционная либеральная оппозиция себя дискредитировала, а новая находится в стадии становления и еще не набрала необходимый авторитет.

Помимо традиционных форм представительства социальных групп в политическом пространстве (политических партий, представляющих их интересы), существуют и институты непосредственного участия. В частности, молодежь может вовлекаться в политику путем участия в молодежных секциях политических партий, молодежных правительствах, молодежных парламентах и т. д. Однако эти формы представительства, во-первых, охватывают относительно небольшой круг молодежи, во-вторых, как правило, интересуют молодежь, настроенную провластно и не участвующую в акциях протеста. Поэтому, анализируя эффективность институтов молодежного представительства, необходимо оценивать то, насколько их работа соответствует интересам молодежи как социальной группы. Превращение этих институтов в «рабочие» органы политической системы и смещение акцентов на продвижение личной карьеры их участников свидетельствует о том, что основная функция не выполняется. Поэтому эффективность представительства интересов молодежи посредством подобных институтов во многом зависит от позиции власти и готовности предоставить молодежным организациям определенную долю самостоятельности. Так, например, К. Д. Купорез, анализируя деятельность Молодежного парламента Свердловской области, приходит к выводу что с 2011 г. его субъектность значительно снизилась: «... как и в третьем созыве, деятельность парламентариев в основном была сведена к организации общественных, спортивных, социально значимых и развлекательных мероприятий для молодежи». Помимо этого, отмечается низкий уровень осведомленности молодежи о деятельности институтов молодежного представительства (Купорез, 2020, с. 29).

Анализируя систему молодежного представительства в России, отечественные авторы выделяют две тенденции, начавшие формироваться в 2000-е гг. и укрепившиеся в период построения вертикали власти. С одной стороны, это встраивание молодежных организаций в политическую систему, снижение уровня субъектности и подконтрольность государству. С другой стороны, «исключение из процесса принятия и реализации политических решений тех молодежных организаций, которые не интегрированы в политическую систему и осуществляют деятельность, относительно независимую от власти» (Давыдов, Коряковцева, 2014, с. 50).

Эти процессы усложняют процесс встраивания в Россию диалога с молодежью и не способствуют формированию эффективной системы представительства ее интересов.

Заключение

Таким образом, проблемы, связанные с представительством интересов молодежи и отсутствием конструктивной политической силы, способной агрегировать и артикулировать потребности молодежи, вкупе с недостатками молодежной политики, приводят к тому, что молодежный протест может стать непредсказуемым и малоуправляемым процессом. Повышение независимости и субъектности институтов молодежного представительства может способствовать решению ряда волнующих молодежь проблем до того, как они будут вынесены в протестную повестку.

При увеличении влияния факторов молодежного протеста власти будет сложно направить протестные действия в конструктивное русло. Последние массовые акции протеста показали, что он строится по единой схеме. В обществе в целом и в молодежной среде в частности существует определенная степень недовольства и фрустрации, вызванная как конкретными социально-экономическими причинами, так и повышенным уровнем тревожности на фоне мероприятий по профилактике новой коронавирусной инфекции. Разного рода критические или дискредитирующие материалы актуализируют имеющееся недовольство. Затем представители несистемной оппозиции генерируют какой-либо повод для протеста или используют имеющийся. Молодежь, обладающая рядом характеристик, усиливающих вероятность протестного поведения, подвержена вовлечению в такого рода акции протеста больше, чем остальные социальные группы. Однако ряд характеристик, влияющих на протестный потенциал молодежи, возможно нивелировать путем выстраивания диалога и учета интересов молодого поколения.

Таким образом, актуальной задачей на текущем этапе представляется включение молодежи в публичную политику путем расширения представительства ее интересов на традиционных площадках органов власти, а также участия в деятельности разного рода общественных организаций.

Список литературы

1. Безбогова, М. С., Ионцева, М. В. (2016). Социально-психологический портрет современной молодежи. *Интернет-журнал «Мир науки»*, 4(6). Взято 22 октября 2021, с <https://mir-nauki.com/PDF/35PSMN616.pdf>
2. Гарр, Т. Р. (2005). *Почему люди бунтуют*. СПб.: Питер.
3. Гоголева, Е. Н. (2020). Студенческий протест и социально-политическая функция института высшего образования. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, (2), 34–41. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.65.2.005>
4. Давыдов, А. В., Коряковцева, О. А. (2014). Молодежные организации и движения в России: история и современность. *PolitBook*, (3), 41–54.
5. Купорез, К. Д. (2020). Молодежные парламенты в современной России: региональный опыт. *Документ. Архив. История. Современность*, (20), 20–34.

6. Лотарев, К. А. (2016). Консерватизм в современной России: к проблеме устойчивого развития. Ч. 1. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 15, 14–22.
7. Меркулов, П. А. (2021). Новый федеральный закон как завершение процесса конституционализации молодежной политики в Российской Федерации. *Вестник Поволжского института управления*, 21(2), 4–19. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2021-2-4-19>
8. Никипорец-Такигава, Г. Ю., Отюцкий, Г. П., Родионова, М. Е. (2017). Об актуальности исследования эффективности реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 7(6), 36–40.
9. Подъячев, К. В., Халий, И. А. (2020). Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 20(2), 263–276. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276>
10. Попцов, Д. А. (2020). Новые медиа в контексте формирования общественного мнения. *Дискурс-Пи*, 17(3), 140–152. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10309>
11. Пырма, Р. В. (2017). Восстание поколения Z: новые политические радикалы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 7(2), 43–50.
12. Руденкина, А. И., Керимов, А. А. (2016). Социально-политическая теория протеста в зарубежной науке. *Социум и власть*, (4), 56–61.
13. Савенков, Р. В., Щеглова, Д. В. (2018). Теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов: развитие концепций анализа политического протеста. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 20(4), 555–563. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-4-555-563>
14. Савченко, И. А. (2012). Политический протест в современном обществе: технологический подход. *Теория и практика общественного развития*, (2), 252–255.
15. Самохвалов, Н. А. (2020). О концептуальных идеях проекта закона «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» и некоторых аспектах его реализации. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 9(4), 25–28. <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0904-0076>
16. Соколов, А. В., Курбанова, А. А. (2019). Массовые движения в современной России (на примере движения в поддержку А. Навального). *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (52), 231–245. <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/21>
17. Трынов, Д. В., Дидковская, Я. В. (2019). Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 14(3), 118–127.
18. Чеботарева, И. В., Мрочко, Л. В., Пирогова, Л. И. (2019). Причины и особенности протестных настроений в молодежной среде. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, (3), 145–152. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-3-145-152>
19. Чуев, С. В. (Ред). (2017). *Ценностные ориентации российской*

молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования. М.: Государственный университет управления.

20. Чувев, С.В., Поляков, М.Б. (2017). Основные проблемы развития сферы государственной молодежной политики. *PolitBook*, (3), 45–63.

References

1. Bezbogova, M.S., & Iontseva, M.V. (2016). Social'no-psixologicheskij portret sovremennoj molodezhi [Socio-psychological portrait of modern youth]. *Internet-zhurnal "Mir nauki"*, 4(6). Retrieved October 22, 2021, from <https://mir-nauki.com/PDF/35PSMN616.pdf>
2. Chebotareva, I.V., Mrochko, L.V., & Pirogova, L.I. (2019). Prichiny i osobennosti protestnyx nastroyenij v molodezhnoj srede [Causes and special aspects of protest moods among young people]. *E'konomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*, (3), 145–152. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-3-145-152>
3. Chuev, S.V. (Ed.). (2017). *Cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi i realizaciya gosudarstvennoj molodyozhnoj politiki: rezul'taty issledovaniya* [Value orientations of Russian youth and the implementation of State youth policy: Research results]. Moscow: Gosudarstvennyj universitet upravleniya.
4. Chuev, S.V., & Polyakov, M.B. (2017). Osnovnye problemy razvitiya sfery gosudarstvennoj molodezhnoj politiki [Main problems of development of State youth policy]. *PolitBook*, (3), 45–63.
5. Davydov, A.V., & Koryakovceva, O.A. (2014). Molodezhnye organizacii i dvizheniya v Rossii: istoriya i sovremennost' [The youth organizations and the movements in Russia: History and present]. *PolitBook*, (3), 41–54.
6. Garr, T.R. (2005). *Pochemu lyudi buntuyut* [Why do people rebel]. Saint Petersburg: Piter.
7. Gogoleva, E.N. (2020). Studencheskij protest i social'no-politicheskaya funkciya instituta vysshego obrazovaniya [The student protest and the socio-political function of the higher education institute]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (2), 34–41. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.65.2.005>
8. Kuporez, K.D. (2020). Molodezhnye parlamenti v sovremennoj Rossii: regional'nyj opyt [Youth parliaments in contemporary Russia: Regional experience]. *Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremennost'*, (20), 20–34.
9. Lotarev, K.A. (2016). Konservatizm v sovremennoj Rossii: k probleme ustojchivogo razvitiya. Chast' 1 [Conservatism in modern Russia: The issue of steady development. Part 1]. *Izvestiya Irkut'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 15, 14–22.
10. Merkulov, P.A. (2021). Novyj federal'nyj zakon kak zavershenie processa konstitucionalizacii molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii [New federal law as the completion of the youth policy constitutionalization process in the Russian Federation]. *Vestnik Povolzh'skogo instituta upravleniya*, 21(2), 4–19. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2021-2-4-19>
11. Nikiporec-Takigava, G. Yu., Otyuckij, G.P., & Rodionova, M.E. (2017). Ob aktual'nosti issledovaniya e'ffektivnosti realizacii gosudarstvennoj molodezhnoj

politiki v Rossijskoj Federacii [About the actuality of studying the efficiency of the implementation of state youth policy in the Russian Federation]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 7(6), 36–40.

12. Podyachev K.V., & Khaliy I.A. (2020). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v sovremennoj Rossii: koncept i realii [The State youth policy in contemporary Russia: Concept and realities]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya*, 20(2), 263–276. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276>

13. Poptsov, D. A. (2020). Novye media v kontekste formirovaniya obshhestvennogo mneniya [New media in the context of public opinion formation]. *Discourse-P*, 17(3), 140–152. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10309>

14. Pyrna, R. V. (2017). Vosstanie pokoleniya Z: novye politicheskie radikaly [Rebellion of the generation Z: New political radicals]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 7(2), 43–50.

15. Rudenkina, A.I., & Kerimov, A.A. (2016). Social'no-politicheskaya teoriya protesta v zarubezhnoj nauke [Social political theory of protest in foreign science]. *Socium i vlast'*, (4), 56–61.

16. Samokhvalov, N.A. (2020). O konceptual'nyx ideyax proekta zakona "O gosudarstvennoj molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii" i nekotoryx aspektax ego realizacii [On the conceptual ideas of the draft law "On State youth policy in the Russian Federation" and certain aspects of its implementation]. *Azimuth nauchnyx issledovanij: e'konomika i upravlenie*, 9(4), 25–28. <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0904-0076>

17. Savchenko, I.A. (2012). Politicheskij protest v sovremennom obshhestve: texnologicheskij podxod [Political protest in modern society: Technological approach]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, (2), 252–255.

18. Savenkov, R.V., & Shheglova, D.V. (2018). Teorii kollektivnogo povedeniya i mobilizacii resursov: razvitie koncepcij analiza politicheskogo protesta [Theories of collective behavior and resource mobilization: Elaboration on the concept of political protest]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 20(4), 555–563. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-4-555-563>

19. Sokolov, A.V., & Kurbanova, A.A. (2019). Massovye dvizheniya v sovremennoj Rossii (na primere dvizheniya v podderzhku A. Naval'nogo) [Mass movements in modern Russia (on the example of the movement in support of A. Navalny)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, (52), 231–245. <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/21>

20. Trynov, D.V., & Didkovskaya, Ya.V. (2019). Novaya protestnaya molodezh': samoidentifikaciya, social'noe samochuvstvie i obraz budushhego [New protest youth: Self-identification, social well-being and future image]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki*, 14(3), 118–127.

Информация об авторах

Александр Алиевич Керимов, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>, e-mail: kerimov68@mail.ru

Ахмат Аскербиевич Эбзеев, доктор политических наук, профессор кафедры истории, обществознания и политологии, Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования, Черкесск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3639-7092>, e-mail: ebze1@yandex.ru

Information about the authors

Aleksandr Alievich Kerimov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>, e-mail: kerimov68@mail.ru

Akhmat Askerbievich Ebzeev, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of History, Social and Political Sciences, Karachay-Cherkessia Republican Institute for Advanced Training of Education Workers, Cherkessk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3639-7092>, e-mail: ebze1@yandex.ru

ИННОВАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Александр Сергеевич Воронов,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
voronov@sra.msu.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Воронов А.С. Инновационная привлекательность регионов Уральского федерального округа: сравнительный анализ // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 124–149. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_124

Аннотация

Цель настоящего исследования заключается в определении инновационной привлекательности трех субъектов Российской Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа: Свердловская область, Курганская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Теоретико-методологическую основу исследования составили теории инновационного, устойчивого и пространственного развития экономических субъектов мезоуровня, концепции инновационного и стратегического управления. Применялись специальные методы: семантический контент-анализ, метод Дельфи, статистические, графический и матричный методы. В качестве эмпирической базы использовались данные Федеральной службы государственной статистики, других федеральных министерств и ведомств, аналитических агентств и информационных порталов, нормативные правовые акты, информация с официальных сайтов органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В ходе исследования автором получен ряд результатов, имеющих

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-2025.2021.2.

© Воронов А.С., 2022

научно-теоретическую и практическую значимость. Проведен анализ региональных стратегических документов в области устойчивого развития и поддержки инноваций, на основе чего выявлены ориентиры стратегического целеполагания, конкурентные преимущества и основные проблемные зоны устойчивого инновационного развития регионов. Определен характер политики устойчивого развития в исследуемых субъектах Российской Федерации с позиции реализации инноваций для обеспечения экологической устойчивости. Представлена и применена методика мультипараметрической оценки человеческого капитала регионов, что дало возможность составить сводную матрицу для принятия управленческих решений относительно стратегии развития человеческого капитала в рассматриваемых регионах. На основе авторской методики получена интегральная оценка инновационно-предпринимательского потенциала регионов, включающая характеристики их интеллектуального, кадрового, инновационно-инвестиционного, информационно-технологического, нормативного правового и отраслевого потенциалов. По итогам исследования сформулированы рекомендации для каждого из трех регионов в целях обеспечения их устойчивого инновационного развития и повышения инновационной привлекательности.

Ключевые слова:

инновационная привлекательность региона, устойчивое развитие, инновационное развитие, человеческий капитал, инновационно-предпринимательский потенциал, Уральский федеральный округ, Свердловская область, Курганская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

UDC 332.1+338.24

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_124

INNOVATIVE ATTRACTIVENESS OF THE REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT: A COMPARATIVE ANALYSIS*

Aleksandr S. Voronov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
voronov@spa.msu.ru

Article received on December 30, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Voronov, A.S. (2022). Innovative Attractiveness of the Regions of the Ural Federal District: A Comparative Analysis. *Discourse-P*, 19(1), 124-149. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_124

* The work was carried out with the support of a grant from the President of the Russian Federation for young scientists – candidates of sciences MK-2025.2021.2.

Abstract

The purpose of this study is to determine the innovative attractiveness of three subjects of the Russian Federation that are part of the Ural Federal District: Sverdlovsk Region, Kurgan Region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. The theories of innovative, sustainable and spatial development of meso-level economic entities, the concepts of innovative and strategic management serve as a theoretical and methodological basis for the research. Special methods are used: semantic content analysis, Delphi method, statistical, graphical and matrix methods. Data of the Federal State Statistics Service, other Russian federal ministries and departments, various analytical agencies and information portals, regulatory legal acts and information from the official websites of state authorities of the subjects of the Russian Federation are used as an empirical base. In the course of the study the following results of theoretical and practical significance are obtained. The analysis of regional strategic documents in the field of sustainable development and innovation support is carried out, on these grounds the guidelines of strategic goal-setting, competitive advantages and the main problem areas of sustainable innovative development of the regions are identified. The nature of the sustainable development policy in the studied subjects of the Russian Federation is determined from the perspective of implementing innovations to ensure environmental sustainability. The method of multiparametric assessment of the human capital of the regions is presented and applied, which made it possible to compile a summary matrix for making managerial decisions regarding the strategy of human capital development in the regions under consideration. Based on the author's methodology, an integral assessment of the innovation and entrepreneurial potential of the regions is obtained, including the characteristics of their intellectual, human resources, innovation and investment, information technology, regulatory legal and industry potentials. Specific recommendations are given for each of the three regions in order to ensure their sustainable innovative development and increase their innovation attractiveness.

Keywords:

innovative attractiveness of the region, sustainable development, innovative development, human capital, innovative and entrepreneurial potential, Ural Federal District, Sverdlovsk Region, Kurgan Region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra.

Введение

Целью настоящего исследования является определение инновационной привлекательности регионов Уральского федерального округа (УрФО) на основе разработанных автором методик оценки человеческого капитала и инновационно-предпринимательского потенциала регионов.

В качестве конкретных объектов исследования выбраны три региона УрФО: Свердловская область, Курганская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО-Югра). Оценка их инновационной привлекательности планируется провести по следующим параметрам: макроэкономическое состояние, природно-ресурсный потенциал, инвестиционный и информационный

потенциал развития, региональная нормативная правовая база поддержки инноваций, инновационно-предпринимательский потенциал и человеческий капитал, инновационные тенденции развития отраслей.

Теоретико-методологическую основу исследования составили теории инновационного, устойчивого и пространственного развития экономических субъектов мезоуровня, концепции инновационного и стратегического управления (Алтухов и др., 2020; Клейнер, 2014; Минакир, Демьяненко, 2010; Рысак, 2007; Nelson, 1993). Использовались специальные методы: семантический контент-анализ, метод Дельфи, статистические, графический и матричный методы.

Источниковая база исследования включает нормативные правовые акты, данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Федеральной службы по интеллектуальной собственности, Министерства науки и высшего образования РФ, Министерства здравоохранения РФ, официальных сайтов органов государственной власти субъектов Федерации, различных аналитических агентств и информационных порталов.

Результаты исследования

Основные макроэкономические показатели выбранных территорий, представляемые Росстатом, – среднегодовая численность занятых; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций; валовой региональный продукт (ВРП); инвестиции в основной капитал и др. – иллюстрируют неоднородность развития, огромные разрывы в ряде показателей качества жизни и социально-экономического положения (Воронов, 2019).

Свердловская область является промышленно развитым регионом, продолжающим динамично развиваться. По итогам 2019 г. по объему ВРП экономика области 9-я среди субъектов Российской Федерации. Основу промышленного развития (32% ВРП) составляют базовые отрасли – машиностроение, черная и цветная металлургия. Инвестиционная привлекательность региона находится на достаточно высоком уровне: по оценкам RAEX¹, инвестиционный климат характеризуется умеренными инвестиционными рисками и высоким потенциалом роста. В рейтинге инновационного развития субъектов РФ, разрабатываемом Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, Свердловская область заняла в 2019 г. 7-е место².

Региональная нормативная правовая база устойчивого развития и поддержки инноваций представлена следующими основными актами:

- Закон Свердловской области от 15 июня 2015 г. № 45-ОЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации, осуществляемом на территории Свердловской области»;
- Долгосрочный прогноз социально-экономического развития Свердловской области на период до 2030 г.;

¹ *Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов RAEX* (2020). Взято 30 октября 2021, с <https://raex-a.ru/ratings/regions/2020>

² *Рейтинг инновационного развития регионов* (2019). Взято 30 октября 2021, с <https://region.hse.ru/rankingid19>

– Закон Свердловской области от 15 июля 2010 г. № 60-ОЗ «О государственной поддержке субъектов инновационной деятельности в Свердловской области»;

– Закон Свердловской области от 23 ноября 2015 г. № 136-ОЗ «Об отдельных вопросах реализации в Свердловской области промышленной политики Российской Федерации»;

– Постановление Правительства Свердловской области от 28 июня 2019 г. № 383-ПП «Об утверждении Стратегии промышленного и инновационного развития Свердловской области на период до 2035 г.»;

– Постановление Правительства Свердловской области от 15 августа 2019 г. № 535-ПП «Об утверждении Инвестиционной стратегии Свердловской области до 2035 г.».

Кластерная политика региона характеризуется развитием ряда образований, к числу которых относятся кластер грузоподъемного (кранового) оборудования, титановый кластер.

Инновационно-предпринимательский потенциал Курганской области можно охарактеризовать как средний. В 2019 г. в рейтинге субъектов РФ по значению инновационного индекса область заняла 68-е место³.

Региональная нормативная правовая база устойчивого развития и поддержки инноваций представлена следующими основными актами:

– Концепция Стратегии социально-экономического развития Курганской области на период до 2030 г.;

– Концепция кластерной политики Курганской области на период до 2030 г.;

– Закон Курганской области от 27 марта 2000 г. № 302 «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Курганской области»;

– Закон Курганской области от 2 сентября 1997 г. № 62 «О курортном деле, природных лечебных ресурсах и лечебно-оздоровительных местностях Курганской области».

Кластерная политика реализуется в рамках функционирования Курганского медицинского кластера и Курганского территориально-отраслевого кластера «Новые технологии арматуростроения». Функционирование медицинского кластера является одним из основных драйверов развития области, в его состав, помимо медицинских учреждений, входят предприятия по производству медицинского оборудования и лекарственных средств, минеральной воды, организации сервиса и туризма, ветеринарные организации.

ХМАО-Югра – нефтегазоносный и нефтегазодобывающий регион. Его социально-экономическое развитие находится на достаточно высоком уровне, округ является регионом-донором, занимает 2-е место (после Москвы) по размеру экономики в России. Инновационно-предпринимательский потенциал можно охарактеризовать как средний. В 2019 г. в рейтинге Российского регионального инновационного индекса ХМАО-Югра занял 44-е место⁴.

Региональная нормативная правовая база устойчивого развития и поддержки инноваций представлена следующими основными актами:

³ Там же.

⁴ Там же.

– Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 25 декабря 2020 г. № 133-оз «О регулировании отдельных вопросов в области научной, научно-технической и инновационной деятельности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»;

– Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года;

– Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 31 марта 2016 г. № 23-оз «О промышленной политике в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре».

Кластерная политика округа характеризуется функционированием газо-перерабатывающего и лесопромышленного кластеров.

В контексте устойчивого инновационного развития необходимо также привести данные об экологической составляющей социально-экономических процессов в регионах (Лазарева 2012; Silvestre & Ţîrcă, 2019).

На рисунке 1 представлены данные по выбросам загрязняющих веществ в атмосферу и степени их улавливания и обезвреживания.

Представленные данные демонстрируют относительно невысокие показатели выбросов загрязняющих веществ в Курганской области при среднем уровне их улавливания и обезвреживания (57,3 % в 2019 г.). В Свердловской области выбросы загрязняющих веществ относительно высокие, что обусловлено развитостью промышленного производства, но при этом почти 90 % этих выбросов улавливается и обезвреживается. Кардинально противоположная ситуация в ХМАО-Югре: при высоких показателях выбросов загрязняющих веществ в атмосферу катастрофически низкий процент их улавливания и обезвреживания.

При этом расходы на охрану окружающей среды в ХМАО-Югре сопоставимы с расходами на охрану окружающей среды в Свердловской области: в период с 2016 по 2019 гг. в ХМАО-Югре они составили, соответственно, 27741, 29100, 27316 и 31623 млн. руб.; в Свердловской области – 17852, 21823, 24423 и 27807 млн. руб. Поэтому экологическая ситуация в ХМАО-Югре является достаточно тяжелой, что требует изменений политики устойчивого развития и реализации экологических инноваций. Что касается последних, то по всем анализируемым регионам можно проследить убывающую тенденцию количества организаций, осуществляющих экологические инновации (рисунок 2).

Также происходит уменьшение затрат на экологические инновации (рисунок 3).

В разрезе основных направлений экологических инноваций сокращение материальных затрат на производство единицы товаров, работ, услуг наблюдается в 2019 г. в половине организаций Свердловской области и ХМАО-Югры, а в Курганской области такие организации в 2019 г. отсутствовали.

Сокращение энергозатрат на производство в Свердловской области характеризует деятельность 50–60 % организаций, в ХМАО-Югре эта цифра в 2019 г. по сравнению с 2017 г. выросла до 50 %, а в Курганской области – до 60 %. Сокращение выбросов в атмосферу углекислого газа обеспечивают только 20 % организаций Курганской области (ранее этот показатель достигал 40 %), в ХМАО-Югре – 25 %. А вот в Свердловской области этот показатель возрастает, составляя 61 %.

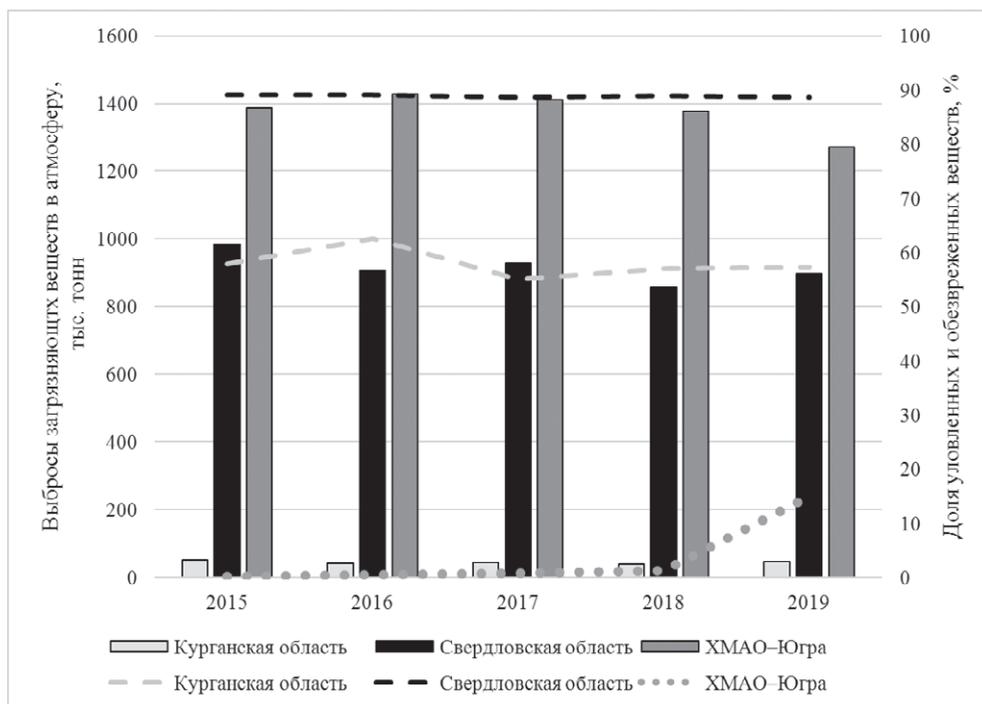

Рисунок 1 – Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ (составлено автором на основе данных Росстата⁵)

Figure 1 – Emissions of pollutants into the atmosphere and the proportion of captured and neutralized air pollutants (compiled by the author based on Rosstat data)

По замене сырья и материалов на безопасные или менее опасные в компаниях и организациях во всех регионах не наблюдается положительных тенденций: только в Курганской области 20% организаций переориентировались на безопасные сырье и материалы; в Свердловской области 16,7% организаций в 2019 г. перешли на другой вид сырья и материалов (против 40% в 2017 г.), а в ХМАО-Югре такой замены вообще не происходило. Мероприятия по снижению загрязнения окружающей среды в Курганской области в 2019 г. осущест-

⁵ Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников (без даты). Взято 30 октября 2021, с https://www.gks.ru/bgd/regl/b20_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/08-03.docx; Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников (без даты). Взято 30 октября 2021, с https://www.gks.ru/bgd/regl/b20_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/08-05.docx

Рисунок 2 – Удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации в отчетном году, % от общего количества (составлено автором на основе данных Росстата⁶)

Figure 2 – The share of organizations that carried out environmental innovations in the reporting year, % of the total number (compiled by the author based on Rosstat data)

вляло 60 % организаций (в период с 2015 г. этот показатель достигал 100 %), в Свердловской области – 72 % организаций, в ХМАО-Югре – 75 %.

Осуществление вторичной переработки (рециркуляции) отходов снизилось во всех регионах: до 20 % в Курганской области и до 50 % в Свердловской области и ХМАО-Югре.

Таким образом, можно сделать вывод, что политика устойчивого развития в большей степени реализуется в Свердловской и Курганской областях, но не является сбалансированной с точки зрения реализации инноваций для обеспечения экологической устойчивости. В ХМАО-Югре экологическая обстановка является неблагоприятной, при этом уровень инновационных и управленческих усилий по ее стабилизации крайне низок.

Анализ стратегических документов развития позволил выделить ориентиры стратегического целеполагания рассматриваемых регионов: Свердловская

⁶ Удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций, по субъектам Российской Федерации (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/innov-n10.xls>

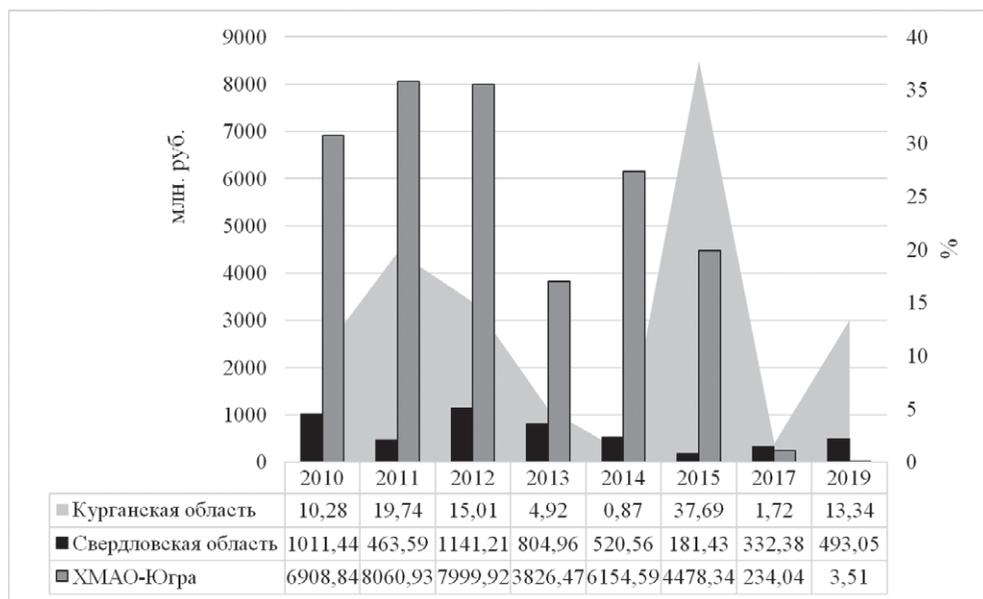

Рисунок 3 – Специальные затраты, связанные с экологическими инновациями (составлено автором на основе данных Росстата⁷)

Figure 3 – Special costs associated with environmental innovation (compiled by the author based on Rosstat data)

область – новое качество жизни, новая индустриализация, территория для жизни и бизнеса; Курганская область – повышение конкурентоспособности и устойчивости региона, развитие человеческого капитала, инфраструктуры, институтов развития; ХМАО-Югра – «умная экономика», глобальная конкурентоспособность, инновации. В целом, при некоторой разности целей, стратегическое целеполагание регионов направлено на обеспечение высокого уровня конкурентоспособности за счет использования инновационного и человеческого потенциалов (Орлова, 2020).

Также на основе анализа перечисленных выше региональных документов стало возможным определение конкурентных преимуществ и основных проблем устойчивого инновационного развития исследуемых субъектов Российской Федерации (таблица 1).

⁷ Специальные затраты, связанные с экологическими инновациями, по субъектам Российской Федерации (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/innov-n12.xls>

Таблица 1 – Конкурентные преимущества и основные проблемные зоны устойчивого инновационного развития регионов (составлено автором)

Table 1 – Competitive advantages and main problem areas of sustainable innovative development of the regions (compiled by the author)

Субъект РФ	Возможности	Угрозы	Сильные стороны	Слабые стороны
Свердловская область	Развитие межрегионального инновационного центра	Недостаточность человеческого капитала	Высокий инновационный и научный потенциал развития, многоотраслевая и диверсифицированная структура экономики	Недостаточная развитость и изношенность инфраструктуры, высокая энергоёмкость и затратноёмкость производств
Курганская область	Развитие комплекса медицинских, туристических и рекреационных услуг	Низкая внешнеэкономическая активность предприятий-резидентов, нехватка финансовых ресурсов	Высокий потенциал аграрного сектора экономики	Недостаточный уровень инновационной и инвестиционной активности, низкая доходность производств, образующих структуру экономики
ХМАО-Югра	Финансирование экономики знаний	Плохая экологическая обстановка, отсутствие жесткой необходимости инноваций	Высокий потенциал добычи углеводородов	Низкий уровень диверсификации экономики

Таким образом, инновационную комфортность Свердловской области можно охарактеризовать как высокую, обусловленную существенным научным потенциалом и дифференцированностью экономики. Инновационная комфортность двух других регионов находится на среднем уровне: в Курганской области из-за низкой инновационной и предпринимательской активности хозяйствующих субъектов и преобладания производств с низкой добавленной стоимостью; в ХМАО-Югре это обусловлено отсутствием жесткой необходимости инновационного развития из-за наличия природных ресурсов (так называемое «ресурсное проклятие»).

Для определения инновационной устойчивости регионов были проведены оценки человеческого капитала и инновационно-предпринимательского потенциала регионов по разработанным авторским методикам (Воронов и др., 2020; Леонтьева и др., 2018).

Оценка человеческого капитала исследуемых регионов проводилась в определенной последовательности.

1. Сбор необходимой информации – исходных данных Росстата, аналитических агентств и собственных экспертных оценок.

2. Формирование эталонной матрицы значений компонент человеческого капитала для каждого региона. Для определения эталонных значений представленных показателей были привлечены эксперты в области инноваций и инновационного развития, государственного управления. Эталонные значения показателей получены методом Дельфи (два тура согласований, коэффициент согласованности мнений – 0,7).

В первом туре экспертами были определены эталонные значения показателей, исходя из средних региональных показателей регионов и реализуемых стратегий. Оценка согласованности мнений экспертов и исключение субъективности при определении эталонных значений компонент проводились с использованием коэффициента конкордации Кендалла. По показателям, выражающимся в относительных или натуральных единицах, эталонные значения совпали практически у всех экспертов. Коэффициент конкордации для таких показателей, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень участия в составе рабочей силы, количество ведущих здоровый образ жизни людей, внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки (% от ВРП), уровень инновационной активности организаций, находился в диапазоне 0,71–0,75.

Второй тур оценки потребовался для уточнения эталонных показателей, выраженных в стоимостных показателях. Поскольку бюджеты регионов отличаются по масштабам, было введено ограничение по стоимостным показателям +/-20% от среднерегиональных значений. Во втором туре коэффициент конкордации по таким показателям, как внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки, инвестиции в образование, инвестиции в здравоохранение, составил 0,73.

3. Формирование матрицы состояний на основе построения тепловой карты человеческого капитала региона. Матрица состояний показывает отклонение реальных показателей развития человеческого капитала от эталонных значений, полученных экспертным путем, а также «зоны риска» каждого элемента. Если отклонение составило менее 5%, то показатель попал в белую зону; от 5 до 23% – в серую; выше 23% – в черную. В зависимости от величины отклонения рассматриваемая компонента человеческого капитала представляет возможность или угрозу с точки зрения устойчивого инновационного развития региона. Проведенный анализ позволил составить окрашенную отчетность для принятия управленческих решений относительно стратегии развития человеческого капитала в регионах.

Сводная матрица состояний человеческого капитала регионов представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Итоговая матрица оценки человеческого капитала регионов (составлено автором)

Table 2 – Regional human capital assessment matrix (compiled by the author)

Показатель (2019 г.)	Субъект РФ		
	Свердловская область	Курганская область	ХМАО-Югра
1	Физиологическая компонента человеческого капитала		

Показатель (2019 г.)		Субъект РФ		
		Свердловская область	Курганская область	ХМАО-Югра
1.1	Расходы на здравоохранение, млрд руб.	27,2	3,2	56,1
1.2	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	71,81	71,14	75,04
1.3	Рабочая сила, % от общей численности	60,3	52,9	70,9
1.4	Количество врачей, чел. на 10000 населения	43,7	29,3	57,3
1.5	Количество людей, ведущих здоровый образ жизни, % от общего числа	7,4	15,1	3,4
1.6	Доступ к качественному медицинскому обслуживанию, баллы	3	3	3
1.7	Интегральный показатель качества жизни	57,14	29,4	58,8
2	Трудовая компонента человеческого капитала			
2.1	Медианное значение начисленной заработной платы работников организаций, руб.	34818	24717	60570
2.2	Реальные денежные доходы населения, % к соответствующему периоду	103,1	104,1	102,6
2.3	Уровень безработицы, %	4,2	7,8	2,5
2.4	Производительность труда, % к предыдущему году	108,1	114,3	81,4
2.5	Индекс производительности труда относительно уровня 2011 г.	122,8	118,5	87,9
2.6	Доля занятых лиц в общей численности населения, %	78	69,9	69,1
3	Интеллектуальная компонента человеческого капитала			
3.1	Расходы на образование, млрд. руб.	106,2	18,8	85,7
3.2	Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки, млн руб.	28017,7	352,1	3411
3.3	Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки, % от ВРП	1,32	0,17	0,07

Показатель (2019 г.)		Субъект РФ		
		Свердловская область	Курганская область	ХМАО-Югра
3.4	Уровень инновационной активности организаций, %	11,6	9,8	5
3.5	Количество высокопроизводительных рабочих мест, тыс. ед.	520,2	51,4	382,8
3.6	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.	21006	637	1462
3.7	Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, %	21,4	26,5	5,3
3.8	Коэффициент изобретательской активности (число патентных заявок на 10000 населения)	1,19	0,58	0,29
4	Социальная компонента человеческого капитала			
4.1	Коэффициент фондов	14,8	10,1	14,1
4.2	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	8,9	19,6	8,9

Проведенная мультипараметрическая оценка человеческого капитала региона, дополненная анализом отклонений, позволила выявить основные проблемные точки развития регионов, определить тренды и перспективы развития.

В Свердловской области 8 из 23 оцениваемых параметров находятся в белой зоне, 11 – в серой, 4 – в черной. Лучшее развитие получили трудовая и интеллектуальная компоненты человеческого капитала, а вот физиологическая и социальная компоненты отстают по абсолютным и относительным показателям. В проблемную черную зону, характеризующую риски развития, попали такие показатели, как количество врачей на 10000 человек населения; доступ к качественному медицинскому обслуживанию; количество людей, ведущих здоровый образ жизни; ожидаемая продолжительность жизни; инвестиции в здравоохранение. Низкое значение начисленной заработной платы работников организаций и высокое значение коэффициента фондов свидетельствуют о сильной дифференциации доходов населения, в том числе среди работников наукоемких профессий.

При этом высокие значения показателей имеют такие оценочные компоненты человеческого капитала, как производительность труда; расходы на образование и научные исследования; численность персонала, занятого исследованиями и разработками; количество используемых научных разработок; уровень изобретательской активности.

Остальные оценочные критерии, такие как продолжительность жизни, инвестиции в здравоохранение, реальные денежные доходы, количество высокопроизводительных рабочих мест, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей, имеют медианные значения.

Итак, оценивая человеческий капитал Свердловской области, можно сделать вывод, что развитие и использование трудовой и интеллектуальной компонент находятся на достаточно высоком уровне, а физиологической и социальной компонент – на низком. Основными направлениями развития и использования человеческого капитала в регионе должны стать повышение качества жизни, сохранение здоровья работников, увеличение и выравнивание доходов населения.

Человеческий капитал Курганской области, согласно проведенному исследованию, демонстрирует низкий уровень формирования и использования. 11 из 23 оцениваемых параметров находятся в критической зоне, характеризуя крайне низкие расходы на здравоохранение, образование, науку; низкие показатели качества и уровня жизни (интегральный показатель качества жизни, доходы населения, уровень безработицы) и низкую инновационную активность (коэффициент изобретательской активности, численность занятых научными исследованиями и разработками). Вызывает серьезные опасения показатель численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума – 19,6%, т. е. каждый пятый житель области имеет доходы ниже прожиточного минимума.

Средние значения имеют такие показатели качества человеческого капитала, как ожидаемая продолжительность жизни; количество людей, ведущих здоровый образ жизни; доступ к качественному медицинскому обслуживанию; количество высокопроизводительных рабочих мест (всего 9 из 23 показателей находятся в серой зоне). Достаточно высокие оценки качества человеческого капитала получили такие параметры, как темп роста реальных доходов, производительность труда и доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП (только 3 из 23 показателей – в белой зоне).

В целом, оценивая человеческий капитал Курганской области, можно сделать вывод, что его развитие и использование имеет крайне низкий уровень, особенно в отношении социальной и интеллектуальной компонент капитала. Основными направлениями развития и использования человеческого капитала в регионе должны стать увеличение и выравнивание доходов населения, создание условий для реализации инновационных инициатив, повышение качества жизни.

В ХМАО-Югре 7 из 23 оцениваемых параметров находятся в белой зоне, 7 – в серой, 9 – в черной зоне. Лучшее развитие получили физиологическая и трудовая компоненты человеческого капитала, а социальная и особенно интеллектуальная компоненты отстают по абсолютным и относительным показателям. В ХМАО-Югре достаточно хорошая ситуация с уровнем инвестиций в здравоохранение, количеством врачей, ожидаемой продолжительностью жизни, интегральным показателем качества жизни, уровнем оплаты труда и уровнем безработицы. Проблемной компонентой человеческого капитала является интеллектуальный потенциал: регион выступает лидером по доходам и уровню жизни, однако расходы на образование и науку демонстрируют крайне низкие значения как в абсолютном, так и относительном выражении. Это сказывается на уровне инновационной активности предприятий и изобретательской активности.

Таким образом, оценивая человеческий капитал ХМАО-Югры, можно сделать вывод, что его развитие и использование имеет средний уровень с сопутствующими проблемами формирования интеллектуальной компоненты капитала. Основными направлениями развития и использования человеческого капитала в регионе должны стать переориентация на инновационный путь развития и отказ от модели сырьевого потребления.

Инновационно-предпринимательский потенциал регионов оценивался в следующей последовательности:

- 1) сбор необходимой информации и формирование матрицы фактических значений индикатора состояния ресурса;
- 2) экспертная оценка качества ресурса, характеризующего инновационно-предпринимательский потенциал;
- 3) агрегирование экспертных оценок (на основе коэффициента вариации была подтверждена высокая степень согласованности мнений экспертов) и составление матрицы инновационно-предпринимательского потенциала региона.

Оценка инновационно-предпринимательского потенциала Свердловской области, Курганской области и ХМАО-Югры представлена в таблице 3.

Таблица 3 – Оценка инновационно-предпринимательского потенциала регионов (2019 г.) (составлено автором)

Table 3 – Assessment of the innovative and entrepreneurial potential of the regions (2019) (compiled by the author)

Вид потенциала	Параметры оценки состояния ресурсов	Фактическое значение индикатора состояния ресурса			Средневзвешенная экспертная оценка		
		Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.	Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.
Интеллектуальный потенциал предпринимательской деятельности							
ИР ₁	Количество высших учебных заведений ⁸				+1	0	0
	Всего, в т. ч.	22	5	3			
	государственные	14	5	3			
	частные	8	0	0			

⁸ На основе данных Минобрнауки России: *Сведения об образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, в разрезе субъектов Российской Федерации (без даты)*. Взято 30 октября 2021, с <https://www.minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-ob-obrazovatelnykh-organizatsiyakh-osushchestvlyayushchikh-obrazovatelnuyu-deyatelnost-po->

Вид потенциала	Параметры оценки состояния ресурсов	Фактическое значение индикатора состояния ресурса			Средневзвешенная экспертная оценка		
		Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.	Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.
ИР ₂	Количество бакалавров, магистрантов, аспирантов, докторантов ⁹				+1	0	-1
	Количество принятых на программы магистратуры и бакалавриата, тыс. чел.	33,9	5,8	3,1			
	Количество аспирантов, чел.	1491 (↓)	142 (↓)	564 (↓)			
	Количество докторантов, чел.	33 (↓)	2 (↑)	0			
ИР ₃	Динамика финансирования НИОКР за счет государственных и частных инвестиций (внутренние затраты на исследования и разработки), млн руб. ¹⁰	28017 (↓)	3411 (↑)	352,1 (↓)	0	-1	-1

⁹ На основе данных Росстата: Прием на обучение по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (без даты). Взято 30 октября 2021, с https://www.gks.ru/bgd/regl/b20_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-17.docx; Численность аспирантов (без даты). Взято 30 октября 2021, с https://www.gks.ru/bgd/regl/b20_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-20.docx; Численность докторантов (без даты). Взято 30 октября 2021, с https://www.gks.ru/bgd/regl/b20_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-21.docx

¹⁰ На основе данных Росстата: Внутренние затраты на научные исследования и разработки (без даты). Взято 30 октября 2021, с https://www.gks.ru/bgd/regl/b20_14p/IssWWW.exe/Stg/d02/19-07.docx

Вид потенциала	Параметры оценки состояния ресурсов	Фактическое значение индикатора состояния ресурса			Средневзвешенная экспертная оценка		
		Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.	Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.
Кадровый потенциал предпринимательской деятельности							
КР ₁	Количество учебных заведений региона всех уровней, осуществляющих программу основного и дополнительного образования по организации предпринимательской деятельности, инновационному предпринимательству ¹¹	12	3	3	+1	0	+1
КР ₂	Количество лиц, получивших поддержку при открытии бизнеса (финансовую, образовательную, консультационную, имущественную), чел. ¹²	37078	н/д	1643	+1	-1	0
КР ₃	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.	20528	1462	616	+1	-1	-1

¹¹ Показатели КР₁, ОР₂ (см. далее) рассчитаны автором путем ручной обработки данных: *Высшее образование в России* (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://vuz.edunetwork.ru>

¹² Показатели КР₂, КР₃, ИИР₃ (см. далее) рассчитаны автором на основе: *Свердловский областной Фонд поддержки предпринимательства* (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://sofr.ru>; *Центр поддержки предпринимательства – Инвестиционное агентство Курганской области* (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://invest45.ru/support/>; *БизнесЮгры.рф – портал малого и среднего предпринимательства Югры* (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://бизнесюгры.рф>; *Ежегодные отчеты Департамента экономического развития ХМАО-Югры о ходе реализации региональных проектов* (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://depeconom.admhmao.ru/deyatelnost/natsproekty/>

Вид потенциала	Параметры оценки состояния ресурсов	Фактическое значение индикатора состояния ресурса			Средневзвешенная экспертная оценка		
		Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.	Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.
Инновационно-инвестиционный потенциал предпринимательской деятельности							
ИИР ₁	Количество организаций инфраструктуры поддержки инновационного предпринимательства ¹³				+1	+1	0
	Индустриальные парки	27	13	9			
	Технопарки	13	2	1			
	Особая экономическая зона	1	0	0			
ИИР ₂	Политика в области формирования и защиты интеллектуальной собственности ¹⁴				+1	+1	0
	Количество центров поддержки технологий и инноваций (опорные организации) – в рамках сотрудничества с Роспатентом	1	3	1			

natsionalnyy-proekt-maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-i-podderzhka-individualnoy-predprinimatelskoy/ezhegodnye-otchety-o-khode-realizatsii-regionalnykh-proektov/; Доклад о реализации и оценке эффективности государственных программ Свердловской области в 2019 году (без даты). Взято 30 октября 2021, с http://economy.midural.ru/sites/default/files/files/files/doklad_o_realizacii_gp_so_v_2019_godu.pdf; Информация по ресурсному обеспечению государственной программы Курганской области «О развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства в Курганской области» на 2014–2020 годы (без даты). Взято 30 октября 2021, с http://economic.kurganobl.ru/assets/files/predprinimat/podderzhka/obyomny_finansirovaniya.pdf

¹³ Индустриальные парки и технопарки России (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://russiaindustrialpark.ru/analytics>

¹⁴ Роспатент и регионы (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://rospatent.gov.ru/ru/activities/regions>

Вид потенциала	Параметры оценки состояния ресурсов	Фактическое значение индикатора состояния ресурса			Средневзвешенная экспертная оценка		
		Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.	Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.
	Соглашение о сотрудничестве между Роспатентом и Правительством региона	да	нет	да			
	Количество используемых результатов интеллектуальной деятельности	2010	н/д	197			
ИИР ₃	Объем и динамика бюджетного финансирования программ подготовки предпринимателей региона в рамках программ поддержки предпринимательства, млн. руб.	3600	2825,6	н/д	+1	+1	-1
Информационно-технологический потенциал предпринимательской деятельности							
ИТР ₁	Количество региональных информационных систем по возможностям использования новых технологий ¹⁵				-1	+1	0
	Уровень достижения «цифровой зрелости»	низкий	высокий	средний			
ИТР ₂	Количество центров по трансферу технологий ¹⁶	2	2	0	0	0	-1

¹⁵ Информатизация регионов: рынок России (без даты). Взято 30 октября 2021, с [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информатизация_регионов_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информатизация_регионов_(рынок_России))

¹⁶ Перечень центров трансфера технологий в разрезе регионов Российской Федерации (без даты). Взято 30 октября 2021, с http://gov.cap.ru/home/15/Innov/Centr_tt_ru.doc

Вид потенциала	Параметры оценки состояния ресурсов	Фактическое значение индикатора состояния ресурса			Средневзвешенная экспертная оценка		
		Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.	Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.
ИТР ₃	Объем финансирования субъектов малого бизнеса по целевым программам развития высокотехнологичных производств, тыс. руб. ¹⁷	1030082,6	н/д	1059979,2	0	-1	0
Нормативный правовой потенциал предпринимательской деятельности							
НПР ₁	Количество нормативных правовых актов, отражающих приоритеты предпринимательских структур ¹⁸	2	4	3	0	0	0
НПР ₂	Количество работников, осуществляющих подготовку специалистов в вузах ¹⁹	6154	1069	573	+1	0	0

¹⁷ Показатель рассчитан автором путем ручной обработки данных по материалам: *Об утверждении государственной программы Свердловской области «Повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области до 2024 года»* (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://66msp.ru/images/support/gos-prog-2020.pdf>; *О государственной программе Курганской области «О развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства в Курганской области»* (без даты). Взято 30 октября 2021, с http://www.economic.kurganobl.ru/assets/files/_sps/ppko_20131014_505.pdf

¹⁸ Показатели НПР₁, НПР₃ (см. далее) составлены автором на основе: *Информация по государственным программам Свердловской области* (без даты). Взято 30 октября 2021, с http://economy.midural.ru/perech_gos_prog_SO; *Законы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры* (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://dereconom.admhmao.ru/dokumenty/hmao/>; *Перечень государственных программ Курганской области* (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://kurganobl.ru/perechen-gosudarstvennyh-programm-kurganskoj-oblasti>

¹⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. (2020). С. 370–373. М.: Росстат

Вид потенциала	Параметры оценки состояния ресурсов	Фактическое значение индикатора состояния ресурса			Средневзвешенная экспертная оценка		
		Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.	Сверд. обл.	ХМАО	Кург. обл.
НПР ₃	Количество региональных законодательных актов, предоставляющих комплекс стимулирующих мер субъектам предпринимательства	7	7	8	0	0	+1
Отраслевой потенциал предпринимательской деятельности							
ОР ₁	Количество программ по развитию отраслевых направлений предпринимательства ²⁰	1	1	1	0	+1	0
ОР ₂	Количество учебных заведений, осуществляющих профессиональную переподготовку по предпринимательству в конкретных отраслях	12	3	3	+1	0	+1
ОР ₃	Количество целевых инвестиционных программ в регионе	5	4	3	+1	+1	+1

Интегральная оценка инновационно-предпринимательского потенциала регионов представлена в таблице 4. Данная оценка получена экспертным путем, предполагающим перевод отдельных составляющих (ресурсов), выделенных в инновационно-предпринимательском потенциале, в качественные характе-

²⁰ Показатели ОР₁, ОР₃ (см. далее) составлены автором на основе: *Программа по развитию малого и среднего предпринимательства в Свердловской области* (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://66msp.ru/informatsiya/ofitsialnaya-informatsiya>; *О развитии малого и среднего предпринимательства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре* (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://depeconom.admhmao.ru/dokumenty/hmao/5180920/>; *О государственной программе Курганской области «О развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства в Курганской области»* (без даты). Взято 30 октября 2021, с <https://docs.cntd.ru/document/571079761>

ристики: всем компонентам экспертами были присвоены значения уровня их использования: высокий (+1), средний (0) и низкий (-1). На этой основе была получена усредненная оценка.

Таблица 4 – Матрица инновационно-предпринимательского потенциала регионов (составлено автором)

Table 4 – Matrix of innovative and entrepreneurial potential of the regions (compiled by the author)

Компоненты потенциала	Свердловская область	ХМАО-Югра	Курганская область
Интеллектуальный потенциал (ИР)	+1	0	-1
Кадровый потенциал (КР)	+1	-1	0
Инновационно-инвестиционный потенциал (ИИР)	+1	+1	0
Информационно-технологический потенциал (ИТР)	0	0	0
Нормативный правовой потенциал (НПР)	0	0	0
Отраслевой потенциал (ОР)	+1	+1	+1

Проведенный анализ показал, что в Свердловской области сформировался достаточно высокий инновационно-предпринимательский потенциал. Использование ресурсов интеллектуального, кадрового, инновационно-инвестиционного и отраслевого потенциалов оценивается экспертами на достаточно высоком уровне. Действительно, по всем характеристикам Свердловская область демонстрирует высокие показатели инновационного и социально-экономического развития, при этом развития требуют нормативный правовой и информационно-технологический потенциал. Поэтому в качестве вектора дальнейшего устойчивого инновационного развития региона можно определить усиленную цифровизацию социальных (развитие цифровых сервисов взаимодействия государства, бизнеса и власти), экономических (создание цифровых платформ по сбору и мониторингу экономических данных) и особенно производственных процессов (использование искусственного интеллекта в производственных системах, создание цифровых двойников производственных процессов).

Инновационно-предпринимательский потенциал ХМАО-Югры можно охарактеризовать как средний, с недостаточным уровнем развития и использования интеллектуального, кадрового, информационно-технологического и нормативного правового потенциалов. Вектором дальнейшего устойчивого инновационного развития региона должно стать создание условий воспроизводства интеллектуального потенциала: создание наукоемких производств; привлечение кадров в сферу научных исследований и разработок; стимулирование инновационной активности за счет реализации программ поддержки молодежи, материального стимулирования изобретательской активности; обучение и поддержка инноваци-

онных предпринимателей; развитие форм сотрудничества с фондами, финансирующими инновационные проекты; создание институциональных условий для инновационных предпринимателей (специальные налоговые режимы, льготы и преференции).

Инновационно-предпринимательский потенциал Курганской области можно охарактеризовать как невысокий, с недостаточным и низким уровнем развития интеллектуального, кадрового, инновационно-инвестиционного, информационно-технологического и нормативного правового потенциалов. Поэтому вектором дальнейшего устойчивого инновационного развития региона должна стать комплексная политика по усилению инвестиционной привлекательности, развитию инновационных инициатив и поддержке предпринимательства: специальные налоговые режимы, льготы и преференции; прямая поддержка малого и среднего предпринимательства; поддержка и поощрение творческих молодежных инициатив; сотрудничество с венчурными фондами; разработка региональных систем финансовой поддержки для организаций, привлекающих дополнительный персонал в научные исследования (субсидии, налоговые льготы, региональные гранты) (Воронов, 2015).

Заключение

В ходе исследования получен ряд результатов, имеющих научно-теоретическую и практическую значимость.

Проведен анализ региональных стратегических документов в области устойчивого развития и поддержки инноваций. На этой основе выявлены ориентиры стратегического целеполагания, конкурентные преимущества и основные проблемные зоны устойчивого инновационного развития регионов. По результатам анализа инновационная комфортность Свердловской области охарактеризована как высокая, обусловленная существенным научным потенциалом и дифференцированностью экономики. Инновационная комфортность двух других регионов находится на среднем уровне: в Курганской области из-за низкой инновационной и предпринимательской активности хозяйствующих субъектов и преобладания производств с низкой добавленной стоимостью; в ХМАО-Югре это связано с отсутствием жесткой необходимости инновационного развития из-за наличия природных ресурсов.

Определен характер политики устойчивого развития в исследуемых субъектах Российской Федерации с позиции реализации инноваций для обеспечения экологической устойчивости. Сделан вывод, что политика устойчивого развития в большей степени реализуется в Свердловской и Курганской областях, но она не сбалансирована с точки зрения реализации инноваций для обеспечения экологической устойчивости. В ХМАО-Югре экологическая обстановка является неблагоприятной, при этом уровень инновационных и управленческих усилий по ее стабилизации крайне низок.

Представлена и применена методика мультипараметрической оценки человеческого капитала регионов, на основе которой составлена сводная матрица для принятия управленческих решений относительно стратегии развития человеческого капитала в регионах. Определено, что развитие и использование человеческого капитала Свердловской области находятся на высоком уровне,

особенно в части трудовой и интеллектуальной компонент; в ХМАО-Югре – на среднем уровне с сопутствующими проблемами формирования интеллектуальной компоненты; в Курганской области – на низком уровне, особенно в отношении социальной и интеллектуальной компонент капитала.

На основе авторской методики получена интегральная оценка инновационно-предпринимательского потенциала регионов. Установлено, что Свердловская область обладает высоким инновационно-предпринимательским потенциалом, особенно в части использования ресурсов интеллектуального, кадрового, инновационно-инвестиционного и отраслевого потенциалов, при этом развития требуют нормативный правовой и информационно-технологический потенциал. Инновационно-предпринимательский потенциал ХМАО-Югры оценивается как средний, с недостаточным уровнем развития и использования интеллектуального, кадрового, информационно-технологического и нормативного правового потенциалов. Инновационно-предпринимательский потенциал Курганской области охарактеризован как невысокий, с недостаточным и низким уровнем развития интеллектуального, кадрового, инновационно-инвестиционного, информационно-технологического и нормативного правового потенциалов.

По итогам исследования сформулированы конкретные рекомендации для каждого из трех регионов в целях обеспечения их устойчивого инновационного развития и повышения инновационной привлекательности. Результаты проведенного анализа могут быть использованы для разработки системы региональных стимуляторов обеспечения инновационной устойчивости территорий и определения направлений трансформации региональной инновационной системы.

Список литературы

1. Алтухов, А. В., Афинская, З. Н., Иващенко, Н. П. (2020). «Умные» концепты инновационной экономики: междисциплинарное исследование. *Экономика и управление*, 26(7), 730–738. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-7-730-738>
2. Воронов, А. С. (2015). Разработка региональных стимуляторов устойчивого инновационного развития. *Экономика и предпринимательство*, (1), 258–261.
3. Воронов, А. С. (2019). Пространственный подход в развитии социально-экономических систем регионов. *Государственное управление. Электронный вестник*, (75), 249–267.
4. Воронов, А. С., Леонтьева, Л. С., Орлова, Л. Н., Сухарева, М. А. (2020). Общие принципы оценки основных показателей развития человеческого капитала по технологическим укладам. *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*, (3), 38–62.
5. Клейнер, Г. Б. (2014). Системное управление в трансформирующейся экономике. *Эффективное антикризисное управление*, (5), 54–59.
6. Лазарева, Е. И. (2012). Экологический риск-менеджмент в экономике инноваций: технологии управления экологическими рисками реализации стратегии инновационного развития экономики России. *Terra Economicus*, 10(1–2), 113–116.

7. Леонтьева, Л. С., Воронов, А. С., Доронина, И. Э. (2018). Управление ресурсами при развитии предпринимательского потенциала региона. *Государственное управление. Электронный вестник*, (67), 203–222.
8. Минакир, П. А., Демьяненко, А. Н. (2010). Пространственная экономика: эволюция подходов и методология. *Экономическая наука современной России*, (3), 7–25.
9. Орлова, Л. Н. (2020). Управление интеллектуальным капиталом: риск-ориентированный подход. *Государственное управление. Электронный вестник*, (80), 105–128. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10066>
10. Рысак, Н. В. (2007). Институционально-технологическая трансформация и пространственное развитие России. *Вестник Оренбургского государственного университета*, (6), 51–58.
11. Nelson, R. R. (Ed.). (1993). *National innovation systems: A comparative analysis*. New York: Oxford University Press.
12. Silvestre, B. S., & Țîrcă, D. M. (2019). Innovations for sustainable development: Moving toward a sustainable future. *Journal of Cleaner Production*, 208, 325–332. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.09.244>

References

1. Altoukhov, A. V., Afinskaya, Z. N., & Ivashchenko, N. P. (2020). “Umnye” koncepty innovacionnoj e’konomiki: mezhdisciplinarnoe issledovanie [“Smart” concepts of knowledge-based economy: Interdisciplinary research]. *E’konomika i upravlenie*, 26(7), 730–738. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-7-730-738>
2. Kleiner, G. B. (2014). Sistemnoe upravlenie v transformiruyushhejsya e’konomike [Systemic management in a transforming economy]. *E’ffektivnoe antikrizisnoe upravlenie*, (5), 54–59.
3. Lazareva, E. I. (2012). E’kologicheskij risk-menedzhment v e’konomike innovacij: tehnologii upravleniya e’kologicheskimi riskami realizacii strategii innovacionnogo razvitiya e’konomiki Rossii [Environmental risk-management in the economics of innovations: Ecological risks govern technologies of the Russian innovative economic development strategy]. *Terra Economicus*, 10(1–2), 113–116.
4. Leontyeva, L. S., Voronov, A. S., & Doronina, I. E. (2018). Upravlenie resursami pri razvitiu predprinimatel’skogo potenciala regiona [Resource management in the development of regional entrepreneurial potential]. *Gosudarstvennoe upravlenie. E’lektronnyj vestnik*, (67), 203–222.
5. Minakir, P. A., Demyanenko, A. N. (2010). Prostranstvennaya e’konomika: e’voluciya podходов i metodologiya [Spatial economics: The evolution of approaches and methodology]. *E’konomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*, (3), 7–25.
6. Nelson, R. R. (Ed.). (1993). *National innovation systems: A comparative analysis*. New York: Oxford University Press.
7. Orlova, L. N. (2020). Upravlenie intellektual’nym kapitalom: risk-orientirovannyj podhod [Intellectual capital management: Risk-driven approach]. *Gosudarstvennoe upravlenie. E’lektronnyj vestnik*, (80), 105–128. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10066>
8. Rysak, N. V. (2007). Institucional’no-technologicheskaya transformaciya

i prostranstvennoe razvitie Rossii [Institutional and technological transformation and spatial development of Russia]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, (6), 51–58.

9. Silvestre, B. S., & Țîrcă, D. M. (2019). Innovations for sustainable development: Moving toward a sustainable future. *Journal of Cleaner Production*, 208, 325–332. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.09.244>

10. Voronov, A. S. (2015). Razrabotka regional'nyx stimulyatorov ustojchivogo innovacionnogo razvitiya [Creation of regional stimulators for sustainable innovation]. *E'konomika i predprinimatel'stvo*, (1), 258–261.

11. Voronov, A. S. (2019). Prostranstvennyj podxod v razvitii social'no-e'konomicheskix sistem regionov [Spatial approach in the development of regions' socio-economic systems]. *Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronnyj vestnik*, (75), 249–267.

12. Voronov, A. S., Leontieva, L. S., Orlova, L. N., & Sukhareva, M. A. (2020). Obshhie principy ocenki osnovnyx pokazatelej razvitiya chelovecheskogo kapitala po texnologicheskim ukladam [General principles for assessing the main indicators of human capital development by technological paradigms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo)*, (3), 38–62.

Информация об авторе

Александр Сергеевич Воронов, кандидат экономических наук, доцент, факультет государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0058-9217>, e-mail: voronov@spa.msu.ru

Information about the author

Aleksandr Sergeevich Voronov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0058-9217>, e-mail: voronov@spa.msu.ru

УДК 304.3+303.42

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_150

РЕКОНСТРУИРУЯ ВИЗУАЛЬНЫЕ СООБЩЕНИЯ ЭПОХИ: ИТОГИ СЕМИНАРА «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ «ОПТИКИ» ВИЗУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»*

Елена Сергеевна Кочухова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
elenascause@yandex.ru

Андрей Владимирович Трофимов,

Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия,
trofiav@usue.ru

Мария Владимировна Воробьева,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
vorobyova-mariya@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00216А «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ».

© Кочухова Е.С., Трофимов А.В., Воробьева М.В., Клинова М.А., 2022

Марина Александровна Клинова,

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
klinowa.m@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.11.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Кочухова Е.С., Трофимов А.В., Воробьева М.В., Клинова М.А. Реконструируя визуальные сообщения эпохи: итоги семинара «Исследовательские «оптики» визуального наследия советской повседневности» // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 150–164. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_150

Аннотация

В статье рассматривается широкий круг вопросов, связанных с изучением советского визуального наследия. Проблематика визуального наследия советской повседневности является актуальной темой научного поиска, реализуемого в русле различных гуманитарных дисциплин – культурологии, истории, философии, культурной антропологии и др. Отсутствие общего междисциплинарного методического и методологического инструментария затрудняет работу с визуальными источниками, представленными разнообразными материалами (фотографиями, карикатурами, художественными фильмами, проектной документацией и пр.). Сделать шаги на пути решения проблемы междисциплинарного диалога о советском визуальном наследии – цель онлайн-семинара, организованного коллективом ученых в рамках научного проекта «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ». В семинаре приняли участие историки, культурологи и философы из Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска, Тюмени, Абакана, Иркутска. На основании сделанных на семинаре докладов в статье обозначены перспективные направления исследования визуального наследия советской повседневности, разрабатываемые в настоящее время в российской гуманитарной науке. Темы, поднятые на семинаре, касаются советских моделей труда и отдыха, престижного потребления, конструирования образов не-советского, проблемы репрезентации «культурного наследия», тематических областей и образов государственной сатиры, разнообразных методик и подходов к изучению советского кинематографа и архитектуры разных периодов. Основными визуальными источниками, к которым обращались докладчики, выступили советские иллюстрированные журналы, газеты, кино и источник, особенно сложный в силу своей неочевидности, – архитектура (не только эскизы и проекты, но и сами здания в городской среде). Большинство представленных на семинаре исследований основаны на качественном анализе источников.

Ключевые слова:

визуальные исследования, советская пресса, советское кино, советская архитектура, советская сагира.

UDC 304.3+303.42

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_150

RECONSTRUCTING THE VISUAL MESSAGES OF THE EPOCH: THE RESULTS OF THE SEMINAR “RESEARCH “OPTICS” OF THE SOVIET EVERYDAY LIFE VISUAL HERITAGE”*

Elena S. Kochukhova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
elenascause@yandex.ru

Andrey V. Trofimov,

Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia,
trofiav@usue.ru

Maria V. Vorobyeva,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vorobyova-mariya@yandex.ru

Marina A. Klinova,

Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
klinowa.m@yandex.ru

Article received on November 28, 2021, accepted on February 10, 2022

* This work was financially supported by the Russian Federal Property Fund, project no. 20-09-00216A, “Visual Standards of the Lifestyle of the Soviet Urban Population after World Wars: A Comparative Analysis”.

For citation: Kochukhova, E.S., Trofimov, A.V., Vorobyeva, M.V., & Klinova, M.A. (2022). Reconstructing The Visual Messages of the Epoch: The Results of the Seminar “Research “Optics” of the Soviet Everyday Life Visual Heritage”. *Discourse-P*, 19(1), 150-164. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_150

Abstract

The article deals with a wide range of issues related to the study of the Soviet visual heritage. The subject matter of the Soviet everyday life visual heritage is topical for scientific research carried out in line with various humanitarian disciplines – cultural studies, history, philosophy, cultural anthropology, etc. The lack of common interdisciplinary methodological tools makes it difficult to work with visual sources, which are represented by different materials (photographs, cartoons, movies, project documentation, etc.). The purpose of the online seminar organized by a team of scientists within the framework of the academic project “Lifestyle visual standards of the Soviet urban population after the World Wars: Comparative analysis” is to take steps on the way of tackling the problem of interdisciplinary dialogue about the Soviet visual heritage. The seminar was attended by historians, cultural scientists and philosophers from Ekaterinburg, Moscow, St. Petersburg, Chelyabinsk, Tyumen, Abakan, and Irkutsk. Based on the reports made at the seminar, the article outlines promising areas of research on the Soviet everyday life visual heritage, which are currently being developed in the Russian humanities. The topics of the seminar relate to the Soviet models of work and leisure, prestigious consumption, the construction of images of non-Soviet, the problem of “cultural heritage” representation, thematic areas and images of state satire, various methods and approaches to the study of the Soviet cinema and architecture of different periods. The main visual sources addressed by the speakers were the Soviet illustrated magazines, newspapers, movies, as well as a source that is especially complex due to its non-obviousness – architecture (not only sketches and projects, but also the buildings themselves in urban environment). Most of the studies presented at the seminar are based on a qualitative analysis of sources.

Keywords:

visual studies, Soviet press, Soviet cinema, Soviet architecture, Soviet satire.

Введение

Научный онлайн-семинар «Исследовательские «оптики» визуального наследия советской повседневности» состоялся 28 октября 2021 г. в рамках проекта «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ». Участников семинара объединил интерес к визуальным источникам как значимому материалу для изучения советского образа жизни и культуры на разных этапах существования Советского государства.

Исследователи из Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска, Тюмени, Абакана, Иркутска обсудили несколько тем. Значительное внимание было уделено советскому архитектурному наследию: как проблемам его изучения, так и его роли в современной городской застройке. Два доклада были основаны на исследовании визуальных инструментов советской сатиры (по материалам журнала «Крокодил» и киножурнала «Фитиль»). Обсуждались проблемы метода в исследованиях советского кинематографа, проблемы дискурсивной трансформации визуальных материалов в следственных процессах 1930-х гг. Несколько докладов были посвящены визуальной репрезентации отдельных явлений, отношений, процессов: образа Франции, рабочих клубов, восточносибирских стахановцев.

Глубина интереса участников семинара к проблемам визуального наследия, новизна их тем и подходов нашли отражение не только в докладах на семинаре, чей краткий обзор следует ниже, но и в уже опубликованных работах (Быкова 2009а, 2009б; Горбачев, 2015, 2020; Гринько, Швецова, 2018, 2019; Каменская, 2021; Лисицина, 2021; Лисицина, Лисицин, 2017, 2021; Mazur, Gorbachev 2017).

Многие участники разрабатывают свои темы при поддержке грантодателей. В частности, доклад Екатерины Каменской сделан в рамках гранта РНФ № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»; доклад Евгении Коньшевой – гранта РФФИ № 20-09-00197 «Городской кинотеатр советской эпохи: трансформация социального пространства (Москва – Ленинград – Челябинск)». Исследование Ильи Сидорчука поддержано грантом Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук, проект МК-1636.2020.6; работа Александра Фокина – грантом РФФИ № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».

Досуг, труд, жилье советских граждан в зеркале визуальных источников: обзор тем семинара

Во вступительном слове организаторы очертили контуры и промежуточные результаты исследовательского проекта «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ». Целью исследования является компаративный анализ визуальных стандартов советского городского образа жизни двух послевоенных двадцатилетий (1920-х – 1930-х гг. и второй половины 1940-х – первой половины 1960-х гг.). Описывая достигнутые в рамках проекта результаты, его участники кратко обозначили содержание своих ключевых публикаций. Во-первых, были выявлены основные теоретико-методологические и методические подходы к исследованию визуальных стандартов городского образа жизни (Клинова, Трофимов, 2020а; Кочухова, 2022). Во-вторых, были проанализированы визуальные источники, позволяющие реконструировать эталоны труда, отдыха, потребления, а также противопоставляемые им практики. В частности, Мариной Клиновой исследованы потребительские девиации, которые освещались на страницах журналов «Крокодил» и «Смена» в 1946–1949 гг.: блат, мещанство, излишнее следование моде (Клинова, 2020б).

Также проведен анализ репрезентации трудовых стратегий горожан в печатных СМИ 1946–1950-х гг. (пресса центрального, регионального, городского и заводского уровня); выделены три модели имплицитной риторики трудовой мобилизации: «труд-подвиг», «труд-вознаграждение», «трудовая демобилизация» (Клинова, 2020а). Андрей Трофимов выявил аспекты смыслового пространства визуальных образов модернизационных процессов, стандартов трудовой и досуговой деятельности молодежи 1920–1930-х гг. на основе материалов обложек журнала «Смена» (Трофимов, 2021). Мариной Клиновой и Андреем Трофимовым на базе анализа рекламного дискурса советской прессы была рассмотрена проблематика формирования визуальных стандартов материального потребления горожан. Была выявлена неравноценная количественная выраженность рекламных объявлений прессы, фиксируемая в хронологическом и территориальном разрезе, обозначены различия газетного и журнального рекламного дискурса (Клинова, Трофимов, 2020b). Мария Воробьева проследила трансформацию образа домохозяйки в советском художественном кинематографе 1950–1960-х гг. и сделала вывод, что существовала разная мера терпимости к положению домохозяйки. Если в 1950-е гг. в кино женский домашний труд приравнен к производительной, общественно полезной деятельности, то в 1960-е гг. он значительно обесценивается, положение домохозяйки репрезентируется как маргинальное (Воробьева, 2020). Также на материале сатирического киножурнала «Фитиль» исследован маргинальный образ советского человека: на службе он – бюрократ и плохой руководитель, лентяй, бракодел, мздоимец и мелкий мошенник; в частной жизни – пьяница, воришка, хам, бездушный и бестактный человек, эгоист, «низкопоклонец» перед Западом (Vorobyeva, 2021).

Семинар продолжился рядом докладов, условно разделенных на следующие тематические области: репрезентация досуга и потребления визуальными источниками, визуальная составляющая советской прессы, советское кино и визуальный образ архитектуры.

Тема досуговой деятельности советских граждан получила рассмотрение в докладе Ильи Сидорчука (СПбГУ, Санкт-Петербург). Автор представил промежуточные результаты исследования по визуальным источникам досуга в заводских рабочих клубах 1920-х – начала 1930-х гг. В начале своего выступления докладчик обозначил, что рабочие должны были стать бенефициарами революционных изменений, гегемоном, который поднят на высокий культурный уровень, в связи с этим необходимо было развивать центры культурно-просветительской деятельности. Рабочий клуб был одним из новых пространств, обязанных взять на себя организацию досуга широких масс. На V Всероссийском съезде профессиональных союзов, состоявшемся 17–22 сентября 1922 г., была закреплена ведущая роль рабочих клубов в культурной работе. В связи с этим широкое распространение получили издания, освещающие их организацию и деятельность. Кроме этого, вопросы клубной работы постоянно затрагивались в изданиях, посвященных культурно-просветительской деятельности и заводских газетах (многотиражах). Зачастую в них публиковались фотографии клубов и проводимой в них работы, карикатуры, шаржи. Жизнь рабочих клубов также показана в эпизодах некоторых ранних советских фильмов («Кружева», «Обломок империи», «Дом на Трубной»). Обращаясь к этим источникам, докладчик показал, что в 1920-е гг. демонстрация удачной клубной работы была

многообразна, включала в себя физические и музыкальные активности, чтение, тематические выставки, лекции, театральные постановки, политработу, а плохая клубная работа характеризовалась как отсутствие этих активностей. В первую пятилетку развлекательная составляющая клубной работы уходит на второй план, уступая пропагандистской.

Иван Гринько (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) и Анна Шевцова (МГПУ, Москва) предложили вниманию участников семинара результаты своего исследования эволюции дискурса наследия в советской сатире, а именно в журнале «Крокодил» в период с 1950-х по начало 1990-х гг. Выбор источника докладчики аргументировали тем, что «Крокодил» являлся одним из ведущих советских СМИ с тиражом до 6,5 млн экземпляров и способствовал формированию у советских граждан стереотипов, многие из которых существуют до сих пор. Несмотря на сатирический характер, с 1933 г. по решению Политбюро журнал был передан газете «Правда», и по сути, и по содержанию являлся идеологическим и пропагандистским изданием всесоюзного масштаба. Авторами исследовались карикатуры, а не тексты, т.к., согласно многим эго-документам, потребители ценили журнал именно за визуальную составляющую. В докладе было показано, что тема наследия появляется в журнале в 1950-е гг., а пик интереса к ней приходится на 1970-е гг. Выявлены следующие аспекты позиционирования культурного наследия: претензии к системе охраны памятников, их нецелевому использованию, легкомысленному отношению к наследию со стороны советских граждан. Что касается объектов культурного наследия, то образы церкви и особняка долгое время замещают собой весь широкий спектр объектов наследия. Другие исторические постройки, тем более деревянные (и деревянские) дома, рассматриваются в «Крокодиле» как помеха городскому развитию. В рамках темы туризма наследие подается как фон. Спектр объектов наследия расширяется в сюжетах, призванных критиковать обобщенный Запад – наследие продается и покупается, преступно вывозится из разных стран. К концу 1980-х гг. в журнале появляется тема сложного наследия прошлого (например, памятников политическим и государственным деятелям, которые дискредитировали себя участием в массовых репрессиях). Природное наследие по сравнению с культурным практически не представлено в карикатурах.

Яна Лисицина (ИГУ, Иркутск) и Василий Лисицин (ИНИТУ, Иркутск) представили исследование культурных маркеров восточносибирских стахановцев на основании эго-документов и фотографий. Докладчики показали, что стахановское движение в Восточно-Сибирском крае принесло не только производственные результаты (увеличение выпускаемой продукции, экономию сырья), но и социальные. Происходило становление новой формации советских людей, передовиков производства, которые в большинстве своем происходили из малоимущих слоев населения. Повышение дохода и позитивное внимание со стороны государства делают их новой элитой, обеспечивают им доступ к хорошему питанию, одежде, местам проживания или отдыха, бытовым «культурным товарам». Стахановцы публично демонстрируют завоеванное положение. Так, костюм должен быть дорогим – местные стахановцы требуют везти в магазины шевиотовые и бостоновые костюмы. В парадном интерьере располагаются премиальные подарки за хорошую работу: музыкальные инструменты (баян, пианино и пр.), патефон, радио. У многих стахановцев имелись подсобное хозяйство,

собственный скот, что также рассматривалось как маркер успеха. Обладание различными вещами, которые не могла иметь основная масса советских граждан, обозначает стахановцев как привилегированную социальную группу.

Екатерина Каменская (УрФУ, Екатеринбург) сделала доклад о визуальной репрезентации Франции в советской прессе 1920-х – 1930-х гг. Эта страна являлась одним из важных партнеров СССР, будучи в то же время местом наибольшего скопления русской эмиграции. О событиях в ней писали не только крупные центральные газеты, но и небольшие городские издания, поскольку советская власть уделяла большое внимание внешнеполитической информации. В СМИ визуальной информации придавалось большое значение: она должна была наглядно подтверждать транслируемые в текстах идеи, создавать устойчивые образы, ее могли воспринимать даже те, кто еще не был грамотен. В фотографиях советских СМИ Франция представлена в нескольких основных темах. Так, в середине 1920-х гг. была очень популярна тема русской эмиграции. Затем интерес к ней спадает, но в 1932 г. вновь возрастает. Классовая борьба представлена типичными фотографиями, которые могли быть сделаны в любой европейской стране (в кадр редко попадают лозунги на французском языке). Положительные образы Франции формируются в фотографиях, отражающих развитие науки и техники. Видовых фотографий практически нет, тогда как в дореволюционной прессе они встречались часто.

Светлана Быкова (УрФУ, Екатеринбург) представила на семинаре материалы об образах прошлого в материалах следственных дел НКВД. Во время обысков его сотрудники изымали у подозреваемых фотографии и другие визуальные материалы, затем следствие квалифицировало их как антисоветские и прикрепляло к делу. Используя уликовую парадигму К. Гинзбурга и теорию дискурса, автор изучила вопрос об идеологических, политических, субъективных причинах трансформации нейтральных образов в «чуждые», «враждебные» и опасные. Именно общественная опасность этих образов, их чуждость советскому подавалась в 1930-е гг. как причина необходимости изъятия визуальных материалов и наказания их владельцев. При всей трагичности ситуации, необходимо уделять внимание моделям интерпретации этих образов следователем и арестованным. Заметки и комментарии к визуальным материалам, обнаруживаемые в следственных делах НКВД, показывают, как вербальное интерпретирует визуальное, трансформируя его.

Олег Горбачев (УрФУ, Екатеринбург) на примере исследования художественных фильмов о советской деревне аргументировал эвристичность количественного подхода к анализу кино. Будучи продуктом художественного творчества, кинофильм является авторским высказыванием, и лишь затем – источником информации об отображаемой эпохе, с чем для историков связаны значительные сложности в его анализе. Сложно определить критерии, согласно которым один или несколько фильмов будут репрезентативны для изучения прошлого. Опасен соблазн обратиться в первую очередь к фильмам признанных мастеров – они способны создать на экране собственный мир, подчас весьма условно связанный с действительностью. В пользу количественного анализа художественных фильмов говорит то, что авторы любого художественного фильма на тему, современную периоду его создания, стремятся к зрительскому успеху и с этой целью апеллируют к узнаваемости отображаемых жизненных

реалий и житейских ситуаций. Их повторяемость дает возможность типизации и необходимых историку обобщений. Кроме того, таким образом более эффективно накапливается материал для верификации с помощью других источников. В подтверждение этих тезисов докладчик продемонстрировал базу из 50 советских «деревенских» фильмов 1950-х – 1980-х гг. (создана совместно с Людмилой Мазур) и показал, как в ней были представлены элементы материальной культуры советской деревни второй половины XX в. Были выявлены вещи-символы и «городские» вещи, демонстративные модели потребления, признаки бытовой и медийной революции, тема электрификации села. В дискуссии по докладу было высказано убеждение, что предложенный вариант анализа сложно назвать количественным, скорее, это качественные методы, примененные к большому массиву данных.

Александр Фокин (ТюмГУ, Тюмень) рассмотрел визуализации позднего СССР в киножурнале «Фитиль», сосредоточившись на гендерных стереотипах 1960-х гг. Сюжеты киножурнала можно разделить на два больших блока: игровые и документальные. Игровые сюжеты обычно были посвящены людским порокам, а документальные – системным проблемам. При этом «Фитиль» мог критиковать структуры вплоть до отдельных министерств, в то время как партийные органы никогда не попадали под огонь критики. Обращение к «Фитилю» позволяет увидеть некоторые недостатки социалистического строительства, признаваемые советской властью. Сатирические издания советской эпохи особенно интересны в силу встроенности их в официальную систему агитации и пропаганды. Те негативные аспекты советской действительности, над которыми разрешалось смеяться, были болезненны для официальных властей, но достаточно безопасны, что позволяло демонстрировать их публично. Задача «Фитиля» заключалась в том, чтобы через высмеивание и критику изменить негативные явления в советской жизни. Анализируя игровые эпизоды журнала «Фитиль» за 1960-е гг., докладчик выявил основные гендерные стереотипы, демонстрируемые на экране, а также динамику их изменения.

Надежда Журавлева (УрФУ, Екатеринбург) посвятила свой доклад методологическим проблемам исследования советской типовой архитектуры 1950-х гг. Послевоенная малоэтажная типовая застройка – так называемые «сталинки» – представляет интерес, поскольку до сих пор организует архитектурный ландшафт многих российских городов. С одной стороны, «сталинки» имеют узнаваемые эстетические и конструктивные характеристики, ассоциирующиеся с особым типом жилого пространства; существуют исследования, посвященные этой архитектуре непосредственно или в сравнительной перспективе. Однако культурологическое осмысление малоэтажной типовой застройки наталкивается, как минимум, на четыре проблемы. Во-первых, – отсутствие оригинальных стилистических признаков, что проявляется в постоянном поиске искусствоведами уточняющих названий – «сталинский неоклассицизм», «сталинский ампир», «неотрадиционализм» и т. д. Вместе с тем сходство советской и зарубежной архитектуры 1930-х – 1950-х гг. позволяет ставить вопрос о международном характере данного явления, его внутрихудожественных и социокультурных основаниях. Во-вторых, – типовые проекты, как правило, не интересны искусствоведам и архитекторам с эстетической точки зрения. Исследование послевоенной массовой застройки сосредотачивается на градостроительных процессах (в том числе

на проблемах реализации планировочных идей в заданных исторических и экономических обстоятельствах). В-третьих, – малоэтажное типовое строительство не вписывается в концептуальные конструкции, интерпретирующие сталинскую архитектуру на основе анализа ее наиболее впечатляющих образцов (ВДНХ, московские высоты, проект Дворца Советов и др.), рядовая городская застройка послевоенного периода не соответствует набору характеристик, обнаруживающихся в селективных образцах стиля. И, наконец, – идеологический дискурс в описании архитектуры не продуктивен. Бессюжетность архитектурной формы приводит к тому, что критерии «правильной» архитектуры стали проблемой внутри самого соцреализма, что отразилось как в дескриптивных документах, так и в градостроительной практике.

Евгения Конышева (ЮУрГУ, Челябинск; НИИТИАГ, Москва) в своем докладе рассматривает архитектурный образ советского кинотеатра 1930-х – 1950-х гг. как пространство визуализации грез. Использование кинематографа как визуального источника по истории советской повседневности уже имеет длительную традицию. Однако таким источником может служить не только кинофильм, но и пространство его демонстрации – здание кинотеатра. Архитектурная среда формирует визуальный контекст повседневной городской жизни; общественные здания, в том числе кинотеатры, выступают важными маркерами в городской топографии. Сами принципы расположения кинотеатров в пространстве советского города могут являться источником при изучении организации досуговых практик горожанина и столкновения навязываемых «сверху» моделей поведения и жизненных реалий. Демонстрируя архитектурные проекты различных советских кинотеатров, их фотографии вскоре после завершения строительства, докладчица акцентировала внимание на тех архитектурно-художественных решениях, которые визуально транслировали господствующие идеологические и эстетические концепции. Кроме того, заложенный в проекты кинотеатров авторский замысел по-разному считывался публикой разного возраста, социального статуса и образовательного уровня, что порождало комплекс новых смысловых интерпретаций. Автор пришла к выводу, что архитектурный образ сохранившихся зданий советских кинотеатров 1930-х – 1950-х гг. можно рассматривать как визуальное наследие советской эпохи и объект анализа для изучения практик советской повседневности.

Алексей Евдокимов (ХГУ, Абакан) и Марина Кашперская (СОШ № 1, Абакан) обратились к роли «хрущевки» в визуальном и социокультурном контексте эпохи. Актуальность этой темы обусловлена тем, что с середины 1950-х гг. «хрущевки» стали неотъемлемой частью повседневности жителей стран бывшего СССР; кроме того, в некоторых городах они и сегодня занимают до 60% всей застройки, т. е. во многом организуют повседневность городов. Эта застройка не только в значительной степени определила быт советских людей, но также стала собирательным символом эпохи, зеркалом социальной и культурной жизни советского человека. В докладе аргументировался тезис, что «хрущевки» выступают показательным примером того идеологического диссонанса, который существовал в советском обществе между властью и народом. В качестве иллюстративного подтверждения данного тезиса рассмотрены, с одной стороны, официальные плакаты и видеоматериалы, посвященные вводу в эксплуатацию нового панельного жилья, с другой – карикатуры журнала «Крокодил», в которых

отразилась пестрая палитра мнений и впечатлений рядовых граждан о новых реалиях быта.

Выводы

Обсуждая общий круг исследований, участники семинара отметили, что на данный момент интерес к визуальному наследию советской повседневности проявляет себя в работах, посвященных в первую очередь коммунальному быту, потреблению, досугу, труду, моде, рекламе. Однако, несмотря на свою привлекательность, в опубликованных по этим темам монографиях и статьях визуальные источники зачастую являются не ключевым, а дополнительным материалом исследования. Историки, антропологи, культурологи, социологи с разных сторон движутся к ответу на вопрос – как исследовать советскую повседневность, опираясь на ее обширное визуальное наследие. При этом представители разных дисциплин часто оказываются не знакомы с теоретическими основаниями и методами работ друг друга. В рамках семинара исследователям отчасти удалось преодолеть дисциплинарные барьеры, познакомиться с результатами эмпирических наработок и теоретическими подходами изучения визуального контента, существующими в русле различных гуманитарных дисциплин.

Формат семинара позволил участникам поддерживать живой обмен мнениями, докладчики советовали друг другу теоретическую литературу, прикладные исследования, источники. В дискуссиях по докладам часто поднимались методологические вопросы, не находившие окончательного ответа. Это неудивительно, поскольку применительно к изучению советского прошлого визуальные методы используются редко, да и в целом визуальные исследования – относительно молодая сфера для российской гуманитарной науки. Из докладов участников становится понятно, что визуальные источники используются в их исследованиях преимущественно как предмет критической реконструкции, позволяющей выявить работу этого визуального материала (фотографий, журнальных иллюстраций, короткометражных фильмов и полного метра, воплощенных и нереализованных архитектурных проектов) по созданию образа эпохи. Распространяясь массово, визуальные сообщения направляли взгляд своего зрителя и формировали его картину мира.

Список литературы

1. Быкова, С.И. (2009а). «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД. *Неприкосновенный запас*, (2), 38–54.
2. Быкова, С.И. (2009b). Советская иконография и «портретные дела» в контексте визуальной политики, 1930-е годы. В Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов (Ред.), *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме* (с. 105–126). М.: Вариант; ЦСПГИ.
3. Воробьёва, М.В. (2020). Об альтернативном толковании труда и его репрезентациях в советском кино 1950–1960-х годов. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*, 26(4), 84–92. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.4.073>

4. Горбачев, О.В. (2015). Советский художественный кинематограф как исторический документ: особенности анализа и интерпретации. В *Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов*. Вып. 15 (с. 126–136). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

5. Горбачев, О.В. (2020). Система кинопроката и советский сельский зритель (середина 1950-х – 1980-е гг.). *Гуманитарные науки в Сибири*, 27(4), 82–89. <https://doi.org/10.15372/HSS20200411>

6. Гринько, И.А., Шевцова, А.А. (2018) «Дятел докладодолбящий» и другие животные: наука в зеркале советской карикатуры. *Историческая экспертиза*, (2), 276–292. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-2-276-291>

7. Гринько, И.А., Шевцова, А.А. (2019). Музеи и советская сатира. *Человек и культура*, (2), 80–96. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.2.28444>

8. Каменская, Е.В. (2021) Советско-французский пакт 1935 г. в контексте международных отношений середины 1930-х гг. (по материалам советской печати). В *Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов*. Вып. 21 (с. 105–121). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

9. Клинова, М.А. (2020а) Модели имплицитной риторики трудовой мобилизации населения: реконструкция на базе контент-анализа материалов прессы 1946–1956 гг. В *Документальное наследие и историческая наука: материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете* (с. 204–212). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

10. Клинова, М.А. (2020b). Потребительские девиации горожан на страницах отечественных печатных СМИ второй половины 1940-х гг. *Урал индустриальный. Бакунинские чтения* (с. 54–60). Екатеринбург: УМЦ-УПИ.

11. Клинова, М.А., Трофимов, А.В. (2020а). Советская городская повседневность после мировых войн: к историографии проблемы. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 20(2), 45–49. <https://doi.org/10.14529/ssh200206>

12. Клинова, М.А., Трофимов, А.В. (2020b). Советский рекламный дискурс первой половины 1950-х гг. (по материалам плакатов и печатных СМИ). *Гуманитарные науки в Сибири*, 27(4), 74–81. <https://doi.org/10.15372/HSS20200410>

13. Кочухова, Е.С. (2022). Городской образ жизни в советском художественном кино: к вопросу о методе исследования. *Идеи и идеалы*, 14(1), ч. 2, 392–407. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-392-407>

14. Лисицина, Я.Ю. (2021). Иркутская выставка портретов стахановцев 1936 года: вместо «героя» – «идиот». В Т.В. Малова (Ред.), *На пороге будущего. Октябрь 1917 года и судьбы русского искусства XX века: сборник статей* (с. 268–271). М.: БуксМАрт.

15. Лисицина, Я.Ю., Лисицин, В.Г. (2017). Культурная составляющая образа стахановца Восточно-Сибирского края в быту и искусстве. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 22, 227–234.

16. Лисицина, Я.Ю., Лисицин, В.Г. (2021). «Здесь дом дадут хороший нам...» (1930-е). *Проект Байкал*, 18(68), 70–75. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1805>

17. Трофимов, А.В. (2021). Визуальные образы настоящего и будущего на обложках журнала «смена» 1920-х годов. В *Историческая наука и историческое образование в условиях глобальных трансформаций* (с. 321–325) Екатеринбург. https://doi.org/10.26170/978-5-7186-1774-0_2021_25_48

18. Mazur L., & Gorbachev, O. (2017). The material culture of the Soviet village between the 1950s and the 1980s as represented in Soviet feature cinema. In G. Roberts (Ed.), *Material culture in Russia and the USSR: Things, values, identities* (pp. 199–228). London: Routledge.

19. Vorobyeva, M.V. (2021). Soviet policy in the sphere of humour and comedy: The case of satirical cinemagazine Fitol. *The European Journal of Humour Research*, 9(1), 155–174.

References

1. Bykova, S.I. (2009a). “Nakazannaya pamyat’”: svidetel’sтва o proshlom v sledstvennykh materialakh NKVD [“Punished memory”: Evidence of the past in the investigative materials of the NKVD]. *Neprikosnovennyj zapas*, (2), 38–54

2. Bykova, S.I. (2009b). Sovetskaya ikonografiya i “portretnye dela” v kontekste vizual’noj politiki, 1930-e gody [Soviet iconography and “portrait cases” in the context of visual politics, 1930s]. In E.R. Yarskaya-Smirnova, P. V. Romanov (Eds.), *Vizual’naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri socializme* (pp. 105–126). Moscow: Variant; CSPGL.

3. Gorbachev, O.V. (2015). Sovetskij xudozhestvennyj kinematograf kak istoricheskij dokument: osobennosti analiza i interpretacii [Soviet art cinema as a historical document: Features of the analysis and interpretation]. In *Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremennost’: sbornik nauchnykh trudov*. Issue 15 (pp. 126–136). Ekaterinburg: Izd-vo Ural’skogo universiteta.

4. Gorbachev, O.V. (2020). Sistema kinoprokata i sovetskij sel’skij zritel’ (seredina 1950-x – 1980-e gg.) [Film distribution system and the soviet rural audience (mid 1950s – 1980s)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 27(4), 82–89. <https://doi.org/10.15372/HSS20200411>

5. Grinko, I.A., & Shevtsova, A.A. (2018). “Dyatel dokladodolbyashnij” i drugie zhivotnye: nauka v zerkale sovetskoj karikatury [“Woodpecker reportshad” and other animals: Science in the mirror of the soviet caricature]. *Istoricheskaya e’kspertiza*, (2), 276–292. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-2-276-291>

6. Grinko, I.A., & Shevtsova, A.A. (2019). Muzei i sovetskaya satira [Museums and the soviet satire]. *Chelovek i kul’tura*, (2), 80–96. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.2.28444>

7. Kamenskaya, E.V. (2021). Sovetsko-francuzskij pakt 1935 g. v kontekste mezhdunarodnykh otnoshenij serediny 1930-x gg. (po materialam sovetskoj pechati) [The Soviet-French pact of 1935 in the context of international relations in the mid-1930s (based on materials from the soviet press)]. In *Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremennost’: sbornik nauchnykh trudov*. Issue 21 (pp. 105–121). Ekaterinburg: Izd-vo Ural’skogo universiteta.

8. Klinova, M.A. (2020a). Modeli implicitnoj ritoriki trudovoj mobilizacii naseleniya: rekonstrukciya na baze kontent-analiza materialov pressy 1946–1956

gg. [Models of implicit rhetoric of labor mobilization: Reconstruction based on content analysis of press materials 1946s–1956s]. In *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka. Materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma, posvyashhennogo 50-letiyu istoriko-arkhivnoj special'nosti v Ural'skom universitete* (pp. 204–212). Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta.

9. Klinova, M. A. (2020b). Potrebitel'skie deviacii gorozhan na stranicax otechestvennyx pechatnyx SMI vtoroj poloviny 1940-x gg. [Consumer deviations of townspeople on the pages of domestic print media in the second half of the 1940s]. *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya* (pp. 54–60). Ekaterinburg: UMC-UPI.

10. Klinova, M. A., & Trofimov, A. V. (2020a). Sovetskaya gorodskaya povsednevnost' posle mirovyx vojn: k istoriografii problemy [Soviet urban everyday life after the world wars: Towards the historiography of the problem]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki*, 20(2), 45–49. <https://doi.org/10.14529/ssh200206>

11. Klinova, M. A., & Trofimov, A. V. (2020b). Sovetskij reklamnyj diskurs pervoj poloviny 1950-x gg. (po materialam plakatov i pechatnyx SMI) [Soviet advertising discourse of the first half of the 1950s (based on posters and print media)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 27(4), 74–81. <https://doi.org/10.15372/HSS20200410>

12. Kochukhova, E. S. (2022). Gorodskoj obraz zhizni v sovetskom xudozhestvennom kino: k voprosu o metode issledovaniya. [Urban lifestyle in soviet feature films: development of research methodology]. *Idey i idealy*, 14(1), pt. 2, 392–407. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-392-407>

13. Lisitsina, Ya. Yu. (2021). Irkutskaya vystavka portretov staxanovcev 1936 goda: vmesto “geroya” – “idiot” [Irkutsk exhibition p of Stakhanovites' ortraits in 1936: there is an “idiot” instead the “hero”]. In T. V. Malova (Ed.), *Na poroge budushhego. Oktyabr' 1917 goda i sud'by russkogo iskusstva XX veka: sbornik statej*. (pp. 268–271). Moscow: BuksMArt.

14. Lisitsina, Ya. Yu., & Lisitsin, V. G. (2017). Kul'turnaya sostavlyayushhaya obraza staxanovca Vostochno-Sibirskogo kraja v bytu i iskusstve [The cultural aspect of the stakhanovite movement in the east siberian territory]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 22, 227–234.

15. Lisitsina, Ya. Yu., & Lisitsin, V. G. (2021). “Zdes' dom dadut xoroshij nam...” (1930-e) [“Here we'll be given a good house...” (the 1930s)]. *Proekt Bajkal*, 18(68), 70–75. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1805>

16. Mazur, L., & Gorbachev, O. (2017). The material culture of the Soviet village between the 1950s and the 1980s as represented in Soviet feature cinema. In G. Roberts (Ed.), *Material culture in Russia and the USSR: Things, values, identities* (pp. 199–228). London: Routledge.

17. Trofimov, A. V. (2021). Vizual'nye obrazy nastoyashhego i budushhego na oblozhkax zhurnala “Smena” 1920-x godov [Visual images of the present and the future on the covers of the magazine “Smena” of the 1920s]. In *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe obrazovanie v usloviyax global'nyx transformacij* (pp. 321–325). Ekaterinburg. https://doi.org/10.26170/978-5-7186-1774-0_2021_25_48

18. Vorobyeva, M. V. (2021). Soviet policy in the sphere of humour and comedy: the case of satirical cinemagazine Fitol. *The European Journal of Humour Research*, 9(1), 155–174.

19. Vorobyova, M. V. (2021). Ob al'ternativnom tolkovanii truda i ego

representaciayah v sovetskom kino 1950–1960-x godov [On alternative interpretation and representations of labor in soviet cinema of the 1950s and 1960s]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 26(4), 84–92. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.4.073>

Информация об авторах

Елена Сергеевна Кочухова, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>, e-mail: elenascause@yandex.ru

Андрей Владимирович Трофимов, доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: trofiav@usue.ru

Мария Владимировна Воробьева, кандидат культурологии, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Марина Александровна Клинова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-4161>, e-mail: klinowa.m@yandex.ru

Information about the authors

Elena Sergeevna Kochukhova, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>, e-mail: elenascause@yandex.ru

Andrey Vladimirovich Trofimov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural State University of Economics, Russia, Ekaterinburg, e-mail: trofiav@usue.ru

Maria Vladimirovna Vorobyeva, Candidate of Cultural Studies, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Marina Aleksandrovna Klinova, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-4161>, e-mail: klinowa.m@yandex.ru

УДК 329:81'42

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_165

МЕДИДИСКУРС ЕВРОМАЙДАНА: СПОРЫ ОБ УРОКАХ

Рецензия на монографию: Байша О. А. Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с.

Кирилл Константинович Фурсов,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
biathlon91@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2022, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Фурсов К. К. Медиадискурс Евромайдана: споры об уроках // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 165–174. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_165

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу монографии «Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана», автором которой является российский политолог О. А. Байша. В основе книги лежит исследование причин украинской революции и ее социальных последствий после 2013 г. Опираясь на работы Э. Лакло, Ш. Муфф и Н. Карпентье, О. А. Байша провела подробный дискурс-анализ источников массмедиа. Конструктивистский подход позволил показать, как формировались значения понятий «Евромайдан» и «Слуга народа». Монография описывает, как социально-политический конфликт на Украине привел к насильственному решению проблемы цивилизационного выбора посредством антагонистического дискурса. Это раскрыто на примерах политической борьбы на площади Независимости в Киеве, начала «антитеррористической операции» в Донбассе, трагедии в Одесском доме профсоюзов 2 мая 2014 г. В работе разделяются антагонистический и агональный дискурсы. Если для первого типа дискурса под категорией «иной» понимается «враг»,

© Фурсов К. К., 2022

то для второго – это «противник». Автор также смогла показать, что революцию Евромайдана и президентство В. Зеленского объединяет колониальный дискурс. Стремление части элит и общества на Запад привели к формированию дискурсивной гегемонии и тоталитарному замыканию смысла украинской идентичности. Это позволило обозначить противников Евромайдана врагами и использовать против них оружие. К преимуществам работы можно отнести большую исследовательскую базу медиаисточников. Важным можно считать совет автора по поиску компромисса в решении конфликта: допустить альтернативные дискурсы, сделать украинский медиадискурс с проницаемыми границами. Среди недостатков работы следует отметить анализ источников только одной стороны конфликта на Украине, а также идеологическую предвзятость автора.

Ключевые слова:

агональный дискурс, дискурс-анализ, Евромайдан, колониальный дискурс, массмедиа, модернизация, неолиберализм, образ врага.

UDC 329:81'42

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_165

EUROMAIDAN MEDIA DISCOURSE: DEBATE ABOUT THE LESSONS

Monograph review: Baysha, O.A. (2021). *A Discursive Fracture of the Social Field: The Lessons of the Euromaidan*. Moscow: HSE Publishing House

Kirill K. Fursov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
biathlon91@mail.ru

Article received on January 12, 2022, accepted on February 10, 2022

For citation: Fursov, K.K. (2022). *Euromaidan Media Discourse: Debate about the Lessons. Discourse-P, 19(1)*, 165-174. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_165

Abstract

This article is an analytical review of the monograph by the Russian political scientist Olga A. Baysha “A Discursive Fracture of the Social Field: The Lessons of the Euromaidan”. The research subject of the monograph is the causes of the Ukrainian

revolution and its social consequences after 2013. Drawing on the theories of E. Laclau, Ch. Mouffe, N. Carpentier, the author conducted a thorough discourse analysis of media sources. The constructivist approach made it possible to show how the meanings of concepts “Euromaidan” and “Servant of the people” were formed. The monograph describes how the socio-political conflict in Ukraine led to a violent solution to the problem of civilizational choice through antagonistic discourse. This is revealed by the examples of the political struggle on Independence Square (Maidan Nezalezhnosti), the beginning of the “anti-terrorist operation” in Donbass, the tragedy in Odessa’s Trade Unions House on May 2, 2014. Antagonistic and agonal discourses are separated. If for the first type of discourse the category “other” means “enemy”, then for the second one it is “opponent”. The author also succeeded in showing that the Euromaidan revolution and the presidency of V. Zelensky are united by the colonial discourse. The aspiration of a part of the elites and society to the West led to the formation of discursive hegemony and a totalitarian closure of the meaning of the Ukrainian identity. This made it possible to designate the opponents of Euromaidan as enemies and use weapons against them. The advantages of the monograph include a large research base of media sources. The author’s advice on finding a compromise in resolving the conflict in Ukraine might be considered important: to allow alternative discourses, to make the Ukrainian media discourse borders permeable. Among the shortcomings of the work, it should be noted the analysis of the sources of only one side of the conflict in Ukraine, as well as the ideological bias of the author.

Keywords:

agonal discourse, discourse analyses, Euromaidan, colonial discourse, mass media, modernization, neoliberalism, enemy image.

Введение

В 2021 г. была опубликована монография доцента департамента медиа НИУ ВШЭ О. А. Байши «Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана» (Байша, 2021), где события Евромайдана рассмотрены в рамках дискурс-анализа массмедиа. В книге показывается, как теоретические модели Э. Лакло и Ш. Муфф могут быть использованы для оценки конфликтной политической реальности. Рецензентами выступили Дж. Хартли, заслуженный профессор Университета Кёртина, и О. Бойд-Барретт, заслуженный профессор Университета Боулинг-Грин. После публикации книга получила разные оценки: положительную в отзывах Н. Проценко¹ и К. Кеворкян², отрицательную – у А. Турова³. Большинство оценок сводилось к политическим и историческим интерпретациям содержания монографии. Однако данная книга заслуживает

¹ Проценко, Н. (2021, 30 июня). *Как и почему победил украинский майдан*. Взято 2 января 2022, с <https://gorky.media/reviews/kak-i-pochemu-pobedil-ukrainskij-majdan/>

² Кеворкян, К. (2021, 22 октября). *С чего началась война? Урок «языка ненависти»*. Взято 2 января 2022, с <https://ukraina.ru/exclusive/20211022/1032511272.html>

³ Туров, А. (2021, 15 июня). *Согнанные в центр столицы пьяные гопники-титушки и несчастные преподаватели*. Взято 2 января 2022, с <https://republic.ru/posts/100713>

внимания не только в силу актуальности политических событий, но и как достойный теоретико-методологический пример политического медиадискурса. Далее в обзоре будет показано, как теории политического медиадискурса раскрывают формирование политической инородности в период украинской революции 2013–2014 гг. и президентства В. Зеленского. Помимо этого, будут представлены рекомендации О. А. Байши по решению политического конфликта на Украине в рамках дискурса и показаны недостатки работы.

Результаты исследования

Монография «Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана» разделена на 9 глав. В работу входит описание теорий дискурс-анализа Э. Лакло, Ш. Муфф, Н. Карпентье. По мнению автора, причины украинской революции коренятся в социальном и региональном неравенстве. Проведен анализ конструкций Евромайдана в различных публичных источниках. Показаны оценки украинскими СМИ движения «Антимайдан», которое стали обозначать понятием «терроризм» во время трагедии в Одессе 2 мая 2014 г. В последних главах анализируется популизм В. Зеленского. В результате делается вывод, что любой доминирующий украинский дискурс 2013–2020 гг. является подражанием западному колониальному дискурсу модернизации. Автор под ним понимает эволюцию в сторону прогресса через противопоставление современного Запада и остальных «других» (Байша, 2021, с. 141).

Преимуществом монографии является ее опора на проработанную теорию дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф (Laclau & Mouffe, 1985). Это позволяет рассматривать события Евромайдана как борьбу за конструирование социально-политического поля через гегемонию дискурса. На социальном уровне борьба шла между общественными группами, на уровне дискурса – за смыслы и их доминирование. В условиях общественно-политической нестабильности главным условием формирования политической власти является доминирование одного из конкурирующих дискурсов. Теория популизма Э. Лакло показывает, что есть категория «народ», которая является пустым означающим и требует своего названия (Байша, 2021, с. 17–21). Гегемония популизма достигается тогда, когда часть общества обозначает целое через риторические средства катахрезы и синекдохи (Laclau, 2014). Теорию радикального плюрализма Ш. Муфф автор использует для того, чтобы показать, что прогрессивные дискурсы активистов Евромайдана имели антидемократические тенденции. Замыкание смысла дискурса Евромайдана произошло благодаря распространению в СМИ определенных концептов, которые превратили противников во врагов. Смыслы и границы политических концептов из временных стали постоянными (Байша, 2021, с. 22–26). Автор разделяет точку зрения Э. Лакло, что демократия – это плюрализм культур. В результате исследования причин украинской революции О. А. Байша приходит к выводу, что плюрализм культур был утрачен на Украине, что привело к противоречивым результатам из-за формального следования.

Для того чтобы показать социальный конфликт, автором монографии была использована теория антагонистического и агонального дискурса Н. Карпентье (Carpentier, 2017). Эти дискурсы разделяются по модели «свой – чужой». Если для антагонистического дискурса категория «чужой» становится

врагом, то для агонального дискурса – противником. В отношении противника не предполагается использовать насилие. Вместо плюрализма множества социальных и политических групп на Украине возник антагонизм, который привел к насильственным методам решения проблемы (Байша, 2021, с. 27–29).

Большая часть монографии посвящена анализу различных аспектов украинского медиадискурса. В начале исследования рассматривается период политической борьбы государственной власти со сторонниками сближения с Европой во время митингов в Киеве. Автором проведен дискурс-анализ 430 мнений активистов, размещенных с 26 ноября 2013 г. по 18 февраля 2014 г. на сайте газеты «Украинская правда». Концепт «Евромайдан» стал пустым означающим, в котором воплотились требования протестующих. Образ Европы выступал для них символом идеального общества, в котором заключены ценности свободы, достойной жизни, справедливости, морали, развития человеческого духа. Противоположным означающим для участников митингов в Киеве стало понятие «совок», которое имело смысл зависимости Украины от России, преступности и олигархии системы власти, консервативности мышления людей. В рамках агонального дискурса риторическим средством упрощения политической картины мира стал прием «или – или».

Кроме этого, был проведен анализ роликов выступлений лидеров революции на площади Независимости. В рамках концепта «Евромайдан» активисты стали символом Украины, а их противники оказались за границами данного символического поля. Политический дискурс носил мифологический характер, потому что опирался на веру активистов в спасение со стороны Европы. Стоит заметить, что участники революции находились в идеологическом противоречии между собой. Сторонники либеральной идеологии не замечали лозунги националистов «Слава нации – смерть врагам!» (Байша, 2021, с. 82). Автор обращает внимание на то, что революция на Украине стала следствием победы медиадискурса Евромайдана: «Смена власти в Киеве произошла несмотря на то, что миллионы украинцев по-прежнему считали Януковича куда легитимнее политиков, пришедших к власти на волне Евромайдана». Как видно из проделанного анализа, такое исключение антимайданной «инородности» было логическим следствием гегемонистского дискурса Евромайдана, который показал себя «реальной силой, способствующей формированию и построению социальных отношений» (с. 63). К враждебным относились образы России и В. Путина. Противники революции превратились во врагов-предателей.

Еще одна база текстов использовалась для определения интерпретации понятия «терроризм» в ходе «антитеррористической операции» (АТО) в Донбассе. Автором были проанализированы 1138 новостей в изданиях «Украинская Правда», «Левый Берег» и «Гордон» с 22 февраля по 14 апреля 2014 г. Сделан вывод, что при помощи такого стилистического приема, как синекдоха (обозначения части как целого), понятие «федерализм» превратилось в «сепаратизм», а затем – в «терроризм» (Байша, 2021, с. 93) Участники сепаратистского движения на Украине обозначались словами «туристы», «гастролеры», «артисты». Использовалось радикальное взаимоисключение в процессе описания действий противоборствующих сторон: с одной стороны участвовали миролюбивые украинцы, с другой – агрессивные и нецивилизованные пророссийские оппоненты. После того как Крым вошел в состав России, инородность для противников

украинской революции стала постоянной. Это привело к тому, что преследовались несогласные журналисты, альтернативные СМИ закрывались.

Стоит обратить внимание на то, что О. А. Байша показала процесс формирования гегемонистского дискурса. Между политическими противниками существовала разница цивилизационного выбора – Европа или Россия. Сторонники Евромайдана в результате революции получили государственную власть. Тотальное замыкание смысла победившей стороны и радикальное отличие оппонентов привели к использованию технологии дегуманизации врага (Байша, 2021, с. 98–102). Именно это позволило украинской власти применить насилие к своим противникам.

Продолжением работы стал анализ медиафреймов 179 материалов телеканалов ICTV, 1+1, Интер, новостей изданий «Цензор», «Гордон», «Корреспондент», «Обозреватель», «Сегодня». В центре внимания оказалось описание событий во время пожара в Доме профсоюзов в Одессе 2 мая 2014 г. Медиафреймы были разделены на следующие категории: «российский заговор», «сепаратизм», «полицейский беспредел», «политическая ответственность», «нейтральное освещение». Большинство материалов относились к категории «российский заговор». Его основной смысл сводился к тому, что Россия планировала, координировала и финансировала беспорядки в Одессе. В основе фрейма «российского заговора» лежала техника фейковых новостей (Байша, 2021, с. 112–114). Также использовалось риторическое средство синекдохи «колорады», применяемое к противникам революции и идеологии украинского национализма.

Автор объясняет, при помощи каких технологий и приемов удалось превратить агональный дискурс в антагонистический. Среди экспертов массмедиа прозвучало замечание, что О. А. Байша не использовала источники дискурса противников Евромайдана. Здесь следует отметить, что работа построена в рамках критического дискурс-анализа, который предполагает исследование только доминирующего дискурса (Дейк, 2013, с. 19–26). Поэтому использование источников медиадискурса противников Евромайдана для данной работы не требуется, однако автору нужно было обозначить эту позицию.

Актуальной монографию делает анализ тенденций политического дискурса Украины после избрания президента В. Зеленского. На выборах он использовал агональный дискурс популизма, в рамках которого народ противопоставлялся олигархам и их марионеткам. Но сам образ нового президента Украины представлялся электоральным симулякром. На выборы он шел как актер в роли президента Голобородько, защищающего простой народ в фильме «Слуга народа». В. Зеленский воспользовался одобрением населения одного из эпизодов сериала, демонстрирующего расстрел парламента. Но за желанием перемен, которые олицетворял новый руководитель страны, скрывалась идеология неолиберализма в виде интересов глобальных корпораций. Эта политика нашла отражение в проведении земельной реформы, приватизации государственной земельной собственности, сокращения власти профсоюзов, повышении гибкости трудового законодательства. В период президентства В. Зеленского пустыми означающими стали понятия «модернизация» и «слуга народа». Они подразумевали под собой идеологический контекст неолиберализма: приватизацию, вестернизацию, отсутствие социальной справедливости. Политическая власть на Украине сформировала гегемонистский дискурс того,

что альтернативы модернизации нет (Байша, 2021, с. 131–136). Президентство В. Зеленского обозначило разрыв между имиджем публичной политики и реальными экономическими интересами.

О.А. Байша полагает, что Евромайдан и успех В. Зеленского являются результатом модернизационных дискурсов. Для них важна цель эволюции в сторону прогресса. Но на Украине получил распространение его противоположный вариант – колонизаторский дискурс. При описании данного типа дискурса были использованы работы широкого круга зарубежных авторов (Raj, 2013; Santos 2007; Seth, 2009; Walsh, 2007). Его составляющей является противопоставление «прогресса» «регрессу», современности – прошлому, знающих экспертов – местным аборигенам. Интеллектуалы маргинализуют местное население посредством формирования смыслов вестернизации и безальтернативности модернизации.

В монографии проведен анализ работ дискурсов модернизации различных авторов. Характерные черты прогрессивных дискурсов выражены в следующих аспектах:

- 1) незападное общество является частью универсального проекта глобализации;
- 2) западное общество – это варвары или деморализованные массы;
- 3) сторонники всеобщей глобализации – это авангард истории, ведущей к западным условиям;
- 4) Запад – модель экономического, политического и культурного развития; западные условия – идеал развития (Байша, 2021, с. 148–152).

Использование прогрессивного дискурса на Украине привело к новому социальному расколу на прогрессистов и регрессистов. Итог гегемонии такого дискурса – разрушение местных систем самоуправления по отношению к глобальной системе. Украинский дискурс Евромайдана привел к внутренней инородности части граждан страны, которых обозначали в качестве отсталых.

Автор монографии смогла показать систему конструирования колонизаторского дискурса. Активисты Евромайдана стали частью мирового сообщества, их опора строилась на поддержке глобальных корпоративных массмедиа. Посредством замыкания смысла они смогли сформировать дискурс внутренней инородности общества. Произошло разделение общества на тех, кто является сторонниками Европы, и их врагов. Социальный конфликт на Украине нашел отражение в параметрах характера замыкания дискурса. Они включают в себя исключенные смыслы, политические возможности, социальные последствия, а также жесткость границ концептов дискурса.

О.А. Байша не останавливается на анализе социально-политического раскола на Украине. Она дает советы по решению проблемы социально-политического противоборства. Между политическими противниками в обществе нужен компромисс, разрыв логики дихотомии. Границы дискурсов должны быть проницаемы, а справедливые общественные отношения следует выстраивать на практике через доступ к альтернативным дискурсам. Вместо односторонней эволюции в обществе должен сложиться плюрализм мнений (Байша, 2021, с. 148–152).

Работа «Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана» получила противоречивые оценки. Некоторые эксперты обвинили автора в по-

литической ангажированности за критику Евромайदानа и идеологии неолиберализма. О. А. Байша не использовала анализ источников массмедиа противников Евромайदानа. При обозначении формирования украинской идентичности не рассматривалась работа Б. Андерсона о воображаемом конструировании наций (Андерсон, 2001). Автор анализирует общественно-политическую борьбу, не уделяя внимания элитному расколу. Н. Проценко считает, что не все причины украинской революции можно найти в исследовании дискурса, он лишь отражает общественные изменения. Мы можем только понять процесс того, как строится виртуальная политическая реальность массмедиа⁴. К недостаткам можно отнести и широкую временную рамку дискурса – с 2013 по 2020 гг.

Заключение

Монография О. А. Байши получила отклик в СМИ, которые давали ей политико-идеологическую оценку. В основе критики работы лежало несогласие автора с дискурсом прогресса. Применяемый инструментальный дискурс-анализа не заслужил особого внимания рецензентов, несмотря на то, что использование постмодернистского подхода к анализу дискурса источников массмедиа в политической науке России является достаточно редким.

Основной вывод работы – социальный раскол на Украине стал возможен из-за формирования идеологии модернизационного дискурса, который превратился в колонизаторский. А гегемония его среди активистов и политиков привела к замыканию смысла. Опора на теории Э. Лакло и Ш. Муфф показала, как риторические средства синекдохи и катахрезы привели к формированию образа врага в виде инородной общности граждан одной страны. Достоинством работы является демонстрация манипулятивных техник построения дискурса – фейковых новостей или риторического средства «или – или». Непроницаемые границы дискурса, исключение альтернативных массмедиа привели к трагическим последствиям на Украине – вооруженному конфликту и насилию.

Заслуживает положительной оценки использование различных методик анализа медиадискурса, большой базы источников. Попытки исследования политического дискурса украинской революции предпринимались различными авторами, но таких работ, масштабных по времени и методикам анализа, до этого не проводилось. Компоненты дискурса выстраиваются в целостную систему. В работе использовались социологический, психологический и идеологический контексты. Советы для поиска компромиссов сторон конфликта по размыканию жестких границ дискурсов являются полезными, делают работу завершённой. При описании дискурсивных практик Евромайदानа автор использовала конструктивистскую парадигму. Показана трансформация понятий в виде пустых означающих через цепочку смыслов.

В монографии найдено применение модель антагонистического и агонального дискурса Н. Карпентье. Агональный дискурс Евромайदानа включает в себя признаки дихотомии и психологических компонентов. А это значит, что монография О. А. Байши отражает сформированную теорию дискурса вражды

⁴ Проценко, Н. (2021, 30 июня) *Как и почему победил украинский майдан*. Взято 2 января 2022, с <https://gorky.media/reviews/kak-i-pochemu-pobedil-ukrainskij-majdan/>

массмедиа (Фурсов, 2018). В рамках данного типа дискурса выводы автора могут быть полезными для других исследователей, потому что использованы разные методики дискурс-анализа.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей. Для российской политической науки выводы монографии являются важными, поскольку показывают, как сформированная модель дискурс-анализа может быть использована при анализе источников политических массмедиа.

Список литературы

1. Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле.
2. Байша, О.А. (2021). *Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2371-1>
3. Дейк, Т.А. ван (2013). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
4. Фурсов, К.К. (2018). Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории. *Социум и власть*, (5), 46–56.
5. Carpenter, N. (2017). *The discursivematerial knot: Cyprus in conflict and community media participation*. New York: Peter Lang.
6. Laclau, E. (2014). *The rhetorical foundations of society*. New York: Verso.
7. Laclau, E., & Mouffe, C. (1985). *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. London: Verso.
8. Raj, K. (2013). Beyond Postcolonialism... and Postpositivism. *Circulation and the global history of science*. *Isis*, 104(2), 337–347. <https://doi.org/10.1086/670951>
9. Santos, B.S. (2007). Beyond abyssal thinking: From global lines to ecologies of knowledges. *Review (Fernand Braudel Center)*, 30(1), 45–89.
10. Seth, S. (2009). Historical sociology and postcolonial theory: Two strategies for challenging Eurocentrism. *International Political Sociology*, 3(3), 334–338. https://doi.org/10.1111/j.1749-5687.2009.00079_4.x
11. Walsh, C. (2007). Shifting the geopolitics of critical knowledge. *Cultural Studies*, 21(2), 224–239.

References

1. Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshleniya ob istokax i rasprostranenii nacionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: KANON-press-C; Kuchkovo pole.
2. Baysha, O.A. (2021). *Diskursivnyj razlom social'nogo polya. Uroki Evromajdana* [A discursive fracture of the social field: The lessons of the Euromaidan]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly e'konomiki. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2371-1>

3. Carpentier, N. (2017). *The discursivematerial knot: Cyprus in conflict and community media participation*. New York: Peter Lang.
4. Dejk, T.A. van (2013). *Diskurs i vlast': Rerezentaciya dominirovaniya v yazyke i komunikacii* [Society and discourse: How social contexts influence text and talk]. Moscow: LIBROKOM.
5. Fursov, K.K. (2018). Diskurs vrazhdy mass-media: process formirovaniya i struktura teorii. *Socium i vlast'*, (5), 46–56.
6. Laclau, E. (2014). *The rhetorical foundations of society*. New York: Verso.
7. Laclau, E., & Mouffe, C. (1985). *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. London: Verso.
8. Raj, K. (2013). Beyond Postcolonialism... and Postpositivism. Circulation and the global history of science. *Isis*, 104(2), 337–347. <https://doi.org/10.1086/670951>
9. Santos, B.S. (2007). Beyond abyssal thinking: From global lines to ecologies of knowledges. *Review (Fernand Braudel Center)*, 30(1), 45–89.
10. Seth, S. (2009). Historical sociology and postcolonial theory: Two strategies for challenging Eurocentrism. *International Political Sociology*, 3(3), 334–338. https://doi.org/10.1111/j.1749-5687.2009.00079_4.x
11. Walsh, C. (2007). Shifting the geopolitics of critical knowledge. *Cultural Studies*, 21(2), 224–239.

Информация об авторе

Кирилл Константинович Фурсов, аспирант, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5989-8973>, e-mail: biathlon91@mail.ru

Information about the author

Kirill Konstantinovich Fursov, Post-graduate student, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5989-8973>, e-mail: biathlon91@mail.ru

УДК 327+32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_175

КЛЮЧЕВЫЕ РЕСУРСЫ И СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ АФРИКАНСКИХ СТРАН

Рецензия на книгу: Tella, O. (2021). *Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports*. Abingdon: Routledge

Егор Александрович Вепрев,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
egor.veprev99@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Вепрев Е.А. Ключевые ресурсы и специфика изучения мягкой силы африканских стран // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 175–187. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_175

Аннотация

За последние два десятилетия имидж Африки заметно изменился: из «безнадежного» континента она превратилась в «поднимающийся» регион, что отмечено и более частым включением ее стран в глобальные рейтинги мягкой силы. Однако научных исследований в данной области по-прежнему мало, а их охват ограничен самыми влиятельными державами – ЮАР и Нигерией. Настоящая статья представляет собой аналитический обзор книги «Мягкая сила Африки: философия, политические ценности, внешняя политика и культурный экспорт» (*Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports*), автором которой является южноафриканский политолог Олувасеун Телла (Oluwaseun Tella). Проведенный анализ позволяет выделить в данной работе три проблемно-тематических блока. В первых, изложение критериев отбора рассмотренных случаев и оценка предыдущих

© Вепрев Е.А., 2022

исследований. Во-вторых, разработка методологии: ее основой служат концепция мягкой силы Дж. Ная, которую автор книги подвергает деамериканизации и африканизации, а также элементы SWOT-анализа. В-третьих, собственно обзор достоинств и уязвимостей мягкой силы Нигерии, ЮАР, Египта и Кении, рассуждения о потенциале континента в целом. Автор опирается на огромный объем фактологического материала, свидетельствующего о серьезном потенциале выбранных государств Черного континента в области мягкой силы, в том числе в глобальном масштабе. В книге предпринята успешная попытка придать первоначальной концепции Дж. Ная африканскую специфику через включение в состав источников мягкой силы местных традиционных философских концепций, при этом подчеркивается их аксиологическая значимость как моделей развития, альтернативных западному индивидуализму и реализму. Высокой степенью научной новизны характеризуются главы, посвященные Египту и Кении, поскольку литературы по данным странам почти нет. Работа обладает большой исследовательской и просветительской значимостью, объединяя и актуализируя большую часть того, что известно о мягкой силе Африки в настоящий момент.

Ключевые слова:

мягкая сила, африканские философские учения, деамериканизация, африканизация, Нигерия, ЮАР, Египет, Кения.

UDC 327+32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_175

KEY RESOURCES AND SPECIFICS OF STUDYING SOFT POWER OF AFRICAN COUNTRIES

Book review: Tella, O. (2021). *Africa's soft power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports*. Abingdon: Routledge

Egor A. Veprev,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
egor.veprev99@mail.ru

Article received on December 30, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Veprev, E.A. (2022). Key Resources and Specifics of Studying Soft Power of African Countries. *Discourse-P*, 19(1), 175-187. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_175

Abstract

Over the past two decades, the image of Africa has changed markedly: from a “hopeless” continent, it has turned into a “rising” region, which is also noted by the expanding inclusion of its countries in global soft power rankings. However, the number of scientific studies in this area is still quite small, and their coverage is limited to the most influential powers – South Africa and Nigeria. This article is an analytical review of the book “Africa’s soft power: Philosophies, political values, foreign policies and cultural exports” by South African political scientist Oluwaseun Tella. The analysis makes it possible to distinguish three problem-thematic blocks in the reviewed work. The first of them is related to the selection criteria for the cases considered and an assessment of previous studies. The second block covers the development of a methodology: its basis is the concept of soft power by J. Nye, which the author of the book subjects to de-Americanization and Africanization, as well as elements of SWOT analysis. The third describes the advantages and vulnerabilities of soft power in Nigeria, South Africa, Egypt and Kenya, it also gives reasoning about potential of the continent as a whole. The book relies on a huge amount of factual material testifying to the serious potential of the selected states in the field of soft power, including on a global scale. The author makes a successful attempt to give the original concept of J. Nye an African specificity through inclusion of local traditional philosophies in the soft power sources, while emphasizing their axiological significance as development models alternative to Western individualism and realism. The chapters devoted to Egypt and Kenya are characterized by a high degree of scientific novelty, since there is almost no literature on these countries. The reviewed work has a huge research and educational significance, combining and updating most of everything that is known about the soft power of Africa now.

Keywords:

soft power, African philosophies, de-Americanization, Africanization, Nigeria, South Africa, Egypt, Kenya.

Введение

При рассмотрении различных регионов планеты с позиции мягкой силы Африка на первый взгляд кажется одним из мест, меньше всего подходящих под данный термин и порождающих в сознании преимущественно отрицательные образы – нищета, болезни, преступность, войны, терроризм. В 2000 г. журнал *Economist* даже назвал ее «безнадежным континентом». Через 11 лет редакция изменила свое мнение, заговорив о «подъеме Африки», имея в виду высокие темпы экономического роста по всему материку. С тех пор регион все меньше понимается как «обреченный на отсталость», а его государства чаще ассоциируются с мягкой силой (Tella, 2021, p. 174). Так, если в *Global Soft Power Index 2020* от компании *Brandirectory* в числе 60 отобранных случаев оказалось только 4 африканских страны (ЮАР, Египет, Алжир и Нигерия)¹, то в рейтинге

¹ *Global Soft Power Index 2020* (n.d.). Retrieved December 4, 2021, from <https://>

2021 г. их уже 16 из 100 позиций (добавлены Марокко, Эфиопия, Тунис, Кот-д'Ивуар, Замбия, Камерун, Гана, Уганда, Кения, Танзания, Сенегал и Ангола)².

Однако собственно научных исследований в данной области мало, их объем увеличивается преимущественно за счет изучения только двух государств – ЮАР и Нигерии. Среди отечественных работ выделяется статья Д. А. Тарасовой «Потенциал «мягкой силы» Нигерии как региональной державы» (2019), достаточно развернуто демонстрирующая главные достоинства и недостатки западноафриканского лидера. В публикации О. Г. Леоновой «Мягкая сила – ресурс внешней политики государства» (2013) в качестве особого раздела представлен анализ мягкой силы ЮАР через сформулированную президентом Табо Мбеки в 1998 г. концепцию «африканского ренессанса», которая проникнута местной философией Убунту. В статье «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния» О. Г. Леонова (2014) освещает и другие ресурсы привлекательности Претории – добровольный отказ от ядерного оружия, миротворчество и интеграционные усилия на континенте, эволюционная трансформация от режима апартеида к демократической и толерантной системе управления.

И все же в целом в российском дискурсе Африка по-прежнему воспринимается лишь как объект воздействия мягкой силы мировых держав, главным образом Китая. В этой связи весьма актуальной и значимой является книга «Мягкая сила Африки: философия, политические ценности, внешняя политика и культурный экспорт» (*Africa's Soft Power: Philosophies, Political Values, Foreign Policies and Cultural Exports*), опубликованная в 2021 г. издательством Routledge, импринтом международного издательства Taylor & Francis. Ее автор – Олувасеун Телла (*Oluwaseun Tella*), старший научный сотрудник, директор «Дипломатии будущего» в Институте будущего знаний Йоханнесбургского университета, в 2015 г. получивший степень доктора политических наук в Университете Квазулу-Натал (ЮАР). Сам он представляет свой труд как «первую публикацию книги об африканской мягкой силе» (Tella, 2021, p. 1), что с учетом степени изученности данного поля не далеко от истины.

Результаты исследования

Основой методологии работы является концепция мягкой силы, которую автор подвергает деамериканизации и африканизации. Изначально Дж. Най провозгласил ресурсами мягкой силы культуру, политические ценности (идеологию) и институты внешней политики, однако такая трактовка выглядит заметно смещенной в пользу США, подчеркивая их глобальное доминирование. В настоящее время данное понятие перенято, адаптировано учеными со всего мира (Tella, 2021, p. 15) и включает в себя намного больше источников, что рассматривается в работе на примере стран БРИКС. Так, для Китая мягкая сила – это все, что находится за пределами военной сферы и безопасности, в том

brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2020.pdf

² *Global Soft Power Index 2021* (n.d.). Retrieved December 4, 2021, from <https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2021.pdf>

числе инвестиции, торговля, помощь, участие в многосторонних организациях, а также более терпимая и прагматичная альтернативная модель мирового развития – Пекинский консенсус; для России – природные ресурсы (нефть и газ), язык и идеология суверенной демократии; для Индии – огромная диаспора, буддизм и йога; для Бразилии – пацифизм и звезды футбола, приносящие успехи на соревнованиях (р. 175). Что касается государств Африки, то автор считает ключевым компонентом их мягкой силы традиционные этико-философские учения, основанные на морали и коллективизме в противовес международному реализму и западному индивидуализму: нигерийское Омолуваби, южноафриканское Убунту, египетский фараонизм и кенийское Харамби (р. 28).

Условно содержание данной книги можно разделить на 3 основных тематических блока.

Первый блок включает введение (оно же глава 1), где обосновывается отбор случаев, рассмотренных в работе, и оцениваются предыдущие исследования мягкой силы африканских держав. Главными факторами включения страны в анализ стали наличие местной традиционной философии и распределение по четырем ключевым субрегионам – Южный (ЮАР), Западный (Нигерия), Северный (Египет) и Восточный (Кения). Если ведущая роль двух первых государств как локальных гегемонов, крупнейших экономик и главных миротворцев не оспаривается никем, то двум последним в этом плане приходится вступать в конкуренцию с соседями. Однако выбор Египта обоснован его репутацией «колыбели цивилизации» и передовой арабской страны, оказывающей влияние не только на Северную Африку, но и на Ближний Восток (Tella, 2021, р. 3). Опираясь в планировании своего исследования на международные рейтинги, автор отмечает, что в *Global Soft Power Index 2020* входят все отобранные случаи за исключением Кении, которую заменяет Алжир, к тому же превосходящий ее по огневой мощи³; с другой стороны, Найроби занимает более высокую позицию в экономическом плане (р. 4), будучи по данному критерию лидером в Восточной Африке.

Что касается предшествующей научной литературы по теме, ставшей источниковой базой для книги, то применительно к мягкой силе ЮАР она затрагивает все рассмотренные Теллой аспекты: либеральную конституцию и политический переход (Sidiropoulos, 2014), знаковых лидеров, музыку, мильные оперы, университеты, спортивные мероприятия, этническое и расовое разнообразие (Ogunnubi & Okeke-Uzodike, 2015). Имеются и критические статьи, отмечающие вредоносные для мягкой силы ксенофобию и противоречивую политику в области прав человека (Westhuizen, 2016; Ogunnubi & Amao, 2016); здесь особо необходимо отметить научный вклад самого Теллы, выраженный в более ранней работе, где он объединяет анализ слабых сторон, дополнительно включая экономические проблемы – бедность, неравенство и безработицу (Tella, 2018a).

Также автору принадлежит самый полный обзор мягкой силы Нигерии, послуживший основой соответствующей главы (Tella, 2018b), хотя в компаративных исследованиях с ЮАР были выделены и другие факторы, не отмеченные им или отмеченные незначительно, такие как, с одной стороны, мегацеркви, еда,

³ *African Military Strength 2021* (n.d.). Retrieved December 8, 2021, from <https://www.globalfirepower.com/countries-listing-africa.php>

язык, одежда, спортивные мероприятия и шоу *Big Brother Naija*, с другой – высокий уровень неравенства и загрязнение окружающей среды (Akinola & Ogunnubi, 2020; Ogunnubi & Isike, 2015, 2018). В отношении Египта и Кении выделяется по единственной работе, которые к тому же посвящены только одной избранной стороне их мягкой силы (El Rehim, 2017; Mwanika, 2014): в теоретическом плане можно считать такое положение вещей исследовательским преимуществом, поскольку главы 5 и 6 книги отличаются высокой научной новизной, но с практической точки зрения, по мнению Теллы, оно свидетельствует о том, что Каир и Найроби пренебрегают данным аспектом влияния во внешней политике (Tella, 2021, p. 7).

Второй тематический блок – посвященная методологии исследования глава 2, которая называется «Деамериканизация и африканизация мягкой силы». Приступая к первой процедуре, автор закономерно опирается на опыт прочих стран БРИКС и еще во введении приводит ряд утверждений, обосновывающих место ЮАР в организации именно ресурсами мягкой силы, благодаря которым она может, в частности, бросить вызов доминированию Соединенных Штатов в Африке (Tella, 2021, p. 5). Как уже было сказано, по мнению Теллы, определение мягкой силы, данное Дж. Наем, разработано для США и подчеркивает их глобальное доминирование за счет популярной культуры, либеральных ценностей и внешнеполитических институтов, в то время как другие страны достигают внешнеполитических целей, используя в качестве ресурсов мягкой силы и прочие инструменты, даже те, которые традиционно относятся к жесткой силе. Применительно к Африке на роль дополнительного специфического компонента автор предлагает традиционные философские течения, до сих пор не освещенные ни в одном исследовании.

Нигерийский концепт *Омолуваби* означает воплощение хорошего характера, некоего идеала, к которому должен стремиться каждый. Данное учение состоит из двух аспектов – описательного и нормативного. Согласно первому, добродетельный человек должен быть честным, скромным, мужественным, трудолюбивым, терпимым, верным традициям, социально ответственным, а также соблюдать правила, обладать самодисциплиной и самоконтролем, бескорыстно служить человечеству (последние черты особенно актуальны в контексте перспектив использования *Омолуваби* в борьбе с коррупцией). Второй аспект – это стандарт приемлемого поведения в обществе и этического управления. Например, урегулирование конфликтов производится через обращение к совести его сторон и при участии старейшин, решения принимаются только после консультаций и переговоров, гарантируется равный доступ к экономическим, социальным и политическим ресурсам. Таким образом, данная философия имеет особое практическое выражение в миротворческой деятельности Нигерии и несет в себе важный урок для выстраивания «благого управления по-африкански», основанного на демократии, справедливости и моральной отзывчивости (Tella, 2021, pp. 31–32, 55).

Южноафриканское учение *Убунту*, означающее «человечность», подчеркивает ценности заботы, прощения, взаимной ответственности, равенства и общности. Претория более остальных преуспела во встраивании этических принципов в свою политику: амнистия лицам, виновным в нарушении прав человека во времена апартеида, миротворческая деятельность, многосторон-

ность в отношениях с государствами на международной арене, стремление к справедливому миропорядку. Являясь также «философией освобождения», Убунту осуждает расизм и сексизм, акцентирует внимание на демократии и человеческом достоинстве – главных ценностях ЮАР после апартеида; выживание социума определяется общностью и разделением обязанностей, а власть должна осуществляться на основе консенсуса. Индивид оказывается глубоко вплетенным в социальную структуру, основанную на гуманизме и коллективистском существовании в противовес реалистическому и индивидуалистическому пониманию международной политики, которое предполагает конкуренцию, нарушающую мир и безопасность (Tella, 2021, pp. 28–29, 93).

Национальный девиз Кении *Харамби* («Давайте соберемся вместе») означает добровольческие проекты по самопомощи, в которые каждый член местной общины вносит вклад по мере своих способностей; таким путем создаются школы, медицинские центры, общественные здания, дороги, плотины, мосты, инфраструктура для водоснабжения. Данная деятельность приносит множество положительных эффектов: предоставление общественных благ, борьба с нищетой, избавление правительства от избыточной нагрузки. Харамби включает в себя 4 основных принципа: стратегия развития «снизу вверх», коллективное благо в противовес личной выгоде, расставление приоритетов в соответствии с реальными потребностями большинства, максимальное использование местных ресурсов. Данный концепт также означает дух особой нации – сплоченной, гармоничной, социально и экономически инклюзивной, где все имеют равные возможности для реализации своего потенциала. Таким образом, Харамби воспитывает самостоятельную общественность, осознающую, что ответственность за развитие лежит главным образом на ее плечах. Ценности этой философии ярко проявились в гуманитарной дипломатии, где Кения предпринимает ключевые усилия по развитию сотрудничества африканских стран (Tella, 2021, pp. 33–34, 154).

Фараонизм еще в 1920-е гг. предложил политические и правовые основания для деколонизации Египта, продемонстрировав его древнюю национальную самобытность; обращаясь к жителям Страны пирамид как к членам коллектива, находящегося вне времени, он способствовал примирению между классами, регионами и сектами. В настоящее время концепт продолжает определять внешнюю политику Каира, подкрепляя его панарабистские устремления статусом старейшей, главной и самой ценной нации Ближнего Востока и Северной Африки. Фараонизм также заставляет Запад искать истоки своей цивилизации в Египте, поскольку даже Греция и Рим рассматривали его как образец в области законодательства, гражданского правосудия и наук. Главное отличие данной идеологии от Омолуваби, Убунту и Харамби заключается, таким образом, в представлении конкретных и абстрактных изменений образа территории и цивилизации; кроме того, фараонизм неразрывно связан с туристическим аспектом, демонстрацией исторического, культурного и символического наследия, а также литературой и образованием (Tella, 2021, pp. 35–36, 125).

В остальном концепт мягкой силы для африканских держав, судя по содержанию последующих глав, представляет собой нечто среднее между первоначальным пониманием Ная и незападными адаптациями. С одной стороны, без культурного достояния проекция мягкой силы вряд ли возможна в принципе.

Таковыми источниками служат: нигерийские фильмы, Голливуд – вторая по величине киноиндустрия мира, популярная по всей Африке и среди эмигрантов за ее пределами, в том числе в США и Великобритании (Tella, 2021, p. 42); артисты афробитов, привлекающие таких звезд, как Бейонсе и Снуп Дог, сервисы *iTunes, Shazam, YouTube, Apple Music* и *Spotify*, крупнейшие звукозаписывающие компании *Sony* и *Universal* (p. 48); литература (Воле Шойинка – нобелевский лауреат); южноафриканские мыльные оперы; кенийская одежда, представленная в ключевых бутиках США, Канады, Нидерландов, на Неделе моды в Нью-Йорке (p. 150); египетское историческое наследие. В создании внешнеполитических институтов Абуджа и Претория также имеют существенные достижения, а их деятельность еще и наполнена «должным идеологическим содержанием», из-за которого последнюю даже считают на континенте «марионеткой Запада» (p. 117): активное участие в миротворческих операциях ООН, ключевая роль в становлении Африканского союза, продвижение идей демократии и прав человека; Конституция ЮАР считается одной из самых либеральных в мире; есть в данных областях и концепции незападного характера, такие как египетский панарабизм или кенийское панафриканство. С другой стороны, в ход идут и альтернативные факторы: спортивная дипломатия (Чемпионат мира по футболу 2010 г. в Южной Африке, влияние Мохаммеда Салаха, победы кенийских легкоатлетов); граничащая с жесткой силой экономическая дипломатия, в частности, нигерийский Корпус технической помощи, действующий в странах Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, служащий примером для аналогичных организаций Канады и Японии (p. 58); высококвалифицированные египетские рабочие, рассеянные от Персидского залива до Северной Америки, денежные переводы которых порой достигали 6% ВВП страны (pp. 129–130); кенийский порт Момбаса, служащий точкой доступа к соседним государствам Центральной Африки (p. 158), престижное высшее образование и знаковые лидеры (Нельсон Мандела, Табо Мбеки) в ЮАР; туризм в Кении – Национальный парк Найроби, Культурный фестиваль Русинга, Маралалское верблюжье дерби (p. 152). Сюда же можно отнести и регулярно подчеркиваемые Теллой традиционные философские концепции – несмотря на применение их принципов во внутренней и внешней политике, это, конечно, не идеологии (кроме фараонизма), а своего рода жизненные уклады или этические учения.

Примечательно, кстати, что, анализируя опыт Китая, автор сначала пишет о большей стратегичности диктатур в использовании мягкой силы (Tella, 2021, p. 17), что как бы подчеркивает определяющую роль государства, а потом утверждает, что ее проекция, напротив, лежит преимущественно в сфере гражданского общества, из-за слабости которого Поднебесной не удастся должным образом использовать ресурсы для глобального продвижения своего бренда (p. 21). В дальнейшем Телла еще несколько раз употребляет данное замечание, придерживаясь тем самым трактовки Ная, где источники мягкой силы отражают атрибуты демократических государств.

Третий тематический блок составляют главы 3–6, где, собственно, последовательно анализируются достоинства и недостатки мягкой силы Нигерии, ЮАР, Египта и Кении; а также заключительная глава 7, посвященная рассуждениям о потенциале Африки в целом и тезисному изложению предыдущих разделов. Главный элемент научной новизны здесь – это, конечно, африканские фило-

софские учения, составляющие суть специфики мягкой силы стран Черного континента. Телла впервые включает данные идеалы в состав мягкой силы, особо отмечая их аксиологический потенциал. Делая акцент на коллективизме, человечности, единстве и рассматривая личность в неразрывной связи с обществом, они представляют собой альтернативу западному индивидуализму, либеральной демократии и международному реализму, основанному на страхе, недоверии и силовом продвижении узких эгоистических интересов в ущерб общему благу (Tella, 2021, pp. 28–29, 32). По мнению Теллы, ценности Убунту и Омолуваби, если из них будет черпать вдохновение весь мир, позволят не только преобразовать государственное управление и правовую систему в Африке, искоренив коррупцию, но и построить более щедрый и справедливый экономический миропорядок, даже выработать более демократичную модель политического строя, создать многополярную и многостороннюю международную систему (pp. 30–32). Харамби несет полезный опыт сотрудничества государства с НПО и общественностью, содержит урок взаимной ответственности, самостоятельности и самопомощи для граждан, которые часто излишне полагаются на правительство в предоставлении социальных услуг (pp. 34–35).

Поскольку предыдущие исследования мягкой силы Нигерии и ЮАР являются достаточно многоаспектными и всеобъемлющими, в заслугу автора можно поставить применение элементов SWOT-анализа и сведение воедино достоинств и уязвимостей данных стран, в том числе основываясь на собственных более ранних работах. Примечательно, что в главу о Нигерии включен такой пункт, как борьба с влиянием на континенте мировых и великих держав – США, Китая и Франции (Tella, 2021, pp. 72–75); было бы интересно рассмотреть, актуальна ли подобная угроза для других отобранных случаев, и если да, то с чьей стороны и в какой форме (соперничество Египта с Турцией и Ираном рассматривается Теллой в контексте борьбы за гегемонию на Ближнем Востоке, а не в Северной Африке). Самой высокой степенью научной новизны характеризуются главы 5 и 6, поскольку, как уже было сказано, выбор соответствующих стран, особенно Кении, не столь очевиден, и работ по ним почти нет. Несмотря на то, что фараонизм как идеология и форма египетского национализма исследован лучше, чем прочие философии, а изучением исторического наследия Страны пирамид занимается отдельная наука – египтология, в соответствующей главе это и многое другое детально анализируется через призму концепции мягкой силы. Аналогична ситуация с Кенией. Стоит отметить, что автор выделяет ее осторожную и миролюбивую внешнюю политику, даже позицию «неохотного» субрегионального гегемона, мирное сосуществование и нежелание вмешиваться во внутренние дела других стран (pp. 155–156) в качестве достоинства наравне с миротворческой деятельностью Нигерии и ЮАР и египетским панарабизмом. С другой стороны, Найроби играет ключевую роль в объединении (в духе Харамби) всех государств континента для выработки «африканских решений африканских проблем», в частности, в контексте борьбы с Международным уголовным судом. Здесь Телла подчеркивает такую важную исследовательскую проблему, как различие глобальной и региональной мягкой силы: в то время как претензии Гааги подорвали имидж Кении главным образом на Западе, среди государств Черного континента ее позиции лишь укрепились (pp. 163–164). Таким образом, оценка мягкой силы зависит от пространственно-институциональной

«системы координат», а это важно учитывать и уметь применять при адаптации концепции для незападных стран.

Заключительная глава отчасти имеет практический характер, поскольку в ней автор предлагает рекомендации, на какие проблемы и негативные факторы африканским державам необходимо обратить внимание в первую очередь, чтобы реализовать имеющийся потенциал мягкой силы. Прежде всего это связано с устранением такого явления, как взаимоисключение ее источников и слабостей. Например, сомнительное моральное право Нигерии продвигать демократию при ее внутреннем дефиците, участие в миротворческих операциях и невозможность полностью контролировать собственную территорию из-за деятельности террористических группировок; повседневная ксенофобия при либеральной конституции и многонациональности в ЮАР; панарабистский курс Египта, блокируемый падением геополитического влияния (Tella, 2021, pp. 176–177).

Заключение

Одним из основных и бесспорных достоинств исследования является включение в источники мягкой силы африканских философских учений, детальный анализ их содержания и в принципе оповещение таким образом широкой аудитории об их существовании и аксиологической значимости, акцентирование их потенциала как учений о человеке и обществе, альтернативных западным моделям. Действительно, этот культурно-цивилизационный ресурс и пример имеет и практическое (Харамби как возможный стиль и принцип функционирования местного самоуправления), и теоретическое значение, в том числе для нашей страны, которая также могла бы представить подобную систему, основанную на жизненном укладе и историческом опыте, к примеру, коренных малочисленных народов Севера. Кроме того, если в разделах, посвященных мягкой силе Египта и Кении, представлен столь же подробный и всеобъемлющий анализ, как в главах о Нигерии и ЮАР (об этом, правда, сложно судить из-за недостатка литературы), то автору удалось произвести существенный прирост научных знаний по данным темам, хотя в будущем, возможно, компаративные исследования выявят и другие, не затронутые в данной книге факторы. Заслуга Теллы также состоит в объединении в одном источнике того, что известно о мягкой силе Африки в настоящий момент, хотя простор для исследований, конечно, по-прежнему очень велик, и в самой работе неоднократно встречаются упоминания о влиянии Алжира и Эфиопии, есть чем гордиться также Руанде и Танзании, и многим другим странам, отмеченным в *Global Soft Power Index 2021*. Наконец, книга написана довольно доступным и понятным языком, содержит много фактологии по каждому источнику мягкой силы и, помимо прочего, возвращает читателя «к истокам», знакомя с первоначальной концепцией Дж. Ная.

С другой стороны, автор переоценивает значимость африканских философских концепций для международных отношений, поскольку неолиберализм, также критикуя реалистическую теорию, совпадает с ними по ряду основных положений: необходимость международного сотрудничества для достижения мира, прогресса и экономического благополучия, большая роль моральных стандартов, стремление к демократизации, решение глобальных проблем общими усилиями человечества, приобретение определенной выгоды каждым актором.

Также вызывает вопросы конкретное содержание деамериканизации и африканизации мягкой силы. Если первый термин означает расширение рамок концепции за пределы первоначально выделенных Наем областей и дополнение ее другими элементами, которые конкретная страна считает нужными и выгодными, то африканизация, по-видимому, ничем не отличается от деамериканизации, кроме обязательного включения в состав источников мягкой силы местных традиционных философий; понятие, которому придается такая важность, в итоге мало наполнено реальным содержанием. Наконец, работа носит ярко выраженный описательный характер и могла бы стать еще более полезной и интересной, а ее научная новизна еще выше, если бы дополнялась развернутыми рекомендациями по раскрытию потенциала мягкой силы не только в заключительной главе, но и в качестве вывода по каждому отобранному случаю.

Тем не менее книга Олувасеуна Теллы, существенно расширяя поле научных исследований мягкой силы стран Африки, привнося в него новые, не учтенные прежде компоненты и охватывая огромный объем фактологического материала, представляет собой весьма актуальный и значимый труд, выполняет мощную просветительскую функцию и обладает неоспоримой ценностью для дальнейших изысканий.

Список литературы

1. Леонова, О.Г. (2013). Мягкая сила – ресурс внешней политики государства. *Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer»*, (4), 27–40.
2. Леонова, О.Г. (2014). «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния. *Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer»*, (3), 18–28.
3. Тарасова, Д. А. (2019). Потенциал «мягкой силы» Нигерии как региональной державы. *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*, (3), 206–211.
4. Akinola, A., & Ogunnubi, O. (2020). Soft power or wasteful entertainment? Interrogating the prospect of 'Big Brother Naija'. *The Round Table. The Commonwealth Journal of International Affairs*, 109(1), 71–85. <https://doi.org/10.1080/00358533.2020.1717088>
5. El Rehim, A. (2017). The potential of Egypt's soft power post Arab Spring. *Geopolitics under Globalization*, 1(1), 12–16. [https://doi.org/10.21511/gg.01\(1\).2017.02](https://doi.org/10.21511/gg.01(1).2017.02)
6. Mwanika, P. (2014). *Kenya's diplomacy on the Somali conflict and strategic intervention: Soft-power diplomacy and stabilization dynamics*. Newcastle upon Tyne: Scholar's Press.
7. Ogunnubi, O., & Amao, O. (2016). South Africa's emerging "soft power" influence in Africa and its impending limitations: Will the giant be able to weather the storm? *African Security*, 9(4), 299–319. <https://doi.org/10.1080/19392206.2016.1242978>
8. Ogunnubi, O., & Isike, C. (2015). Regional hegemonic contention and the asymmetry of soft power: A comparative analysis of South Africa and Nigeria. *Strategic Review for Southern Africa*, 37(1), 152–177. <https://doi.org/10.35293/srsa>

v37i1.214

9. Ogunnubi, O., & Isike, C. (2018). Nigeria's soft power sources: Between potential and illusion? *International Journal of Politics, Culture and Society*, 31(1), 49–67. <https://doi.org/10.1007/s10767-017-9258-6>
10. Ogunnubi, O., & Okeke-Uzodike, U. (2015). South Africa's foreign policy and the strategy of soft power. *South African Journal of International Affairs*, 22(1), 23–41. <https://doi.org/10.1080/10220461.2015.1007078>
11. Sidiropoulos, E. (2014). South Africa's emerging soft power. *Current History*, 113(763), 197–202. <https://doi.org/10.1525/curh.2014.113.763.197>
12. Tella, O. (2018a). Currencies, constraints and contradictions of South Africa's soft power. *Journal of Asian and African Studies*, 53(3), 420–436. <https://doi.org/10.1177/0021909616688336>
13. Tella, O. (2018b). Is Nigeria a soft power state? *Social Dynamics. A Journal of African Studies*, 44(2), 376–394. <https://doi.org/10.1080/02533952.2018.1492833>
14. Tella, O. (2021). *Africa's soft power: Philosophies, political values, foreign policies and cultural exports*. Abingdon: Routledge.
15. Westhuizen, J. van der. (2016). South Africa's soft power conundrum: How to win friends and influence people in Africa. *Journal of Political Power*, 9(3), 449–465. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2016.1232290>

References

1. Akinola, A., & Ogunnubi, O. (2020). Soft power or wasteful entertainment? Interrogating the prospect of 'Big Brother Naija'. *The Round Table. The Commonwealth Journal of International Affairs*, 109(1), 71–85. <https://doi.org/10.1080/00358533.2020.1717088>
2. El Rehim, A. (2017). The potential of Egypt's soft power post Arab Spring. *Geopolitics under Globalization*, 1(1), 12–16. [https://doi.org/10.21511/gg.01\(1\).2017.02](https://doi.org/10.21511/gg.01(1).2017.02)
3. Leonova, O.G. (2013). Myagkaya sila – resurs vneshnej politiki gosudarstva [Soft power as a resource of the state foreign politics]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal "Obozrevatel'-Observer"*, (4), 27–40.
4. Leonova, O.G. (2014). "Myagkaya sila": instrumenty i koeffitsienty vliyaniya ["Soft power": The tools and the influence coefficients]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal "Obozrevatel'-Observer"*, (3), 18–28.
5. Mwanika, P. (2014). *Kenya's diplomacy on the Somali conflict and strategic intervention: Soft-power diplomacy and stabilization dynamics*. Newcastle upon Tyne: Scholar's Press.
6. Ogunnubi, O., & Amao, O. (2016). South Africa's emerging "soft power" influence in Africa and its impending limitations: Will the giant be able to weather the storm? *African Security*, 9(4), 299–319. <https://doi.org/10.1080/19392206.2016.1242978>
7. Ogunnubi, O., & Isike, C. (2015). Regional hegemonic contention and the asymmetry of soft power: A comparative analysis of South Africa and Nigeria. *Strategic Review for Southern Africa*, 37(1), 152–177. <https://doi.org/10.35293/srsa.v37i1.214>

8. Ogunnubi, O., & Isike, C. (2018). Nigeria's soft power sources: Between potential and illusion? *International Journal of Politics, Culture and Society*, 31(1), 49–67. <https://doi.org/10.1007/s10767-017-9258-6>
9. Ogunnubi, O., & Okeke-Uzodike, U. (2015). South Africa's foreign policy and the strategy of soft power. *South African Journal of International Affairs*, 22(1), 23–41. <https://doi.org/10.1080/10220461.2015.1007078>
10. Sidiropoulos, E. (2014). South Africa's emerging soft power. *Current History*, 113(763), 197–202. <https://doi.org/10.1525/curh.2014.113.763.197>
11. Tarasova, D. A. (2019). Potencial “myagkoj sily” Nigerii kak regional'noj derzhavy [“Soft power” of Nigeria as one of the sub-Saharan leaders]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, (3), 206–211.
12. Tella, O. (2018a). Currencies, constraints and contradictions of South Africa's soft power. *Journal of Asian and African Studies*, 53(3), 420–436. <https://doi.org/10.1177/0021909616688336>
13. Tella, O. (2018b). Is Nigeria a soft power state? *Social Dynamics. A Journal of African Studies*, 44(2), 376–394. <https://doi.org/10.1080/02533952.2018.1492833>
14. Tella, O. (2021). *Africa's soft power: Philosophies, political values, foreign policies and cultural exports*. Abingdon: Routledge.
15. Westhuizen, J. van der (2016). South Africa's soft power conundrum: How to win friends and influence people in Africa. *Journal of Political Power*, 9(3), 449–465. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2016.1232290>

Информация об авторе

Егор Александрович Вепрев, магистрант, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2690-2040>, e-mail: egor.veprev99@mail.ru

Information about the author

Egor Aleksandrovich Veprev, Master degree student, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2690-2040>, e-mail: egor.veprev99@mail.ru

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “ ”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуночную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуночные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуночными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т.д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
- Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
- Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
- Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
- Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

- Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
- Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию, следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи,

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты.

При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).

References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. Информация об авторе

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. Information about the author

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya associaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitiya territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-О3) ст. 5 (Россия)</i> . Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018</i> (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	<p>Author, A.A. (year). <i>Book title</i>. Location: Publisher.</p> <p>Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i>. M.: Gnosis.</p> <p>Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i>. New York, NY: Routledge.</p>
Book, monograph (organization is indicated as an author)	<p>Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i>. Location: Publisher.</p> <p>Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i>. Moscow: Freedom.</p>
Book, monograph (without authors)	<p><i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher.</p> <p><i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.</p>
Book, monograph (with the indication of the editor)	<p>Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i>. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".</p>
Article	<p>Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title</i>, volume(issue number), page(s). doi</p> <p>Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i>, 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4</p>
Working paper	<p>Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher.</p> <p>Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL</p> <p>Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf</p>

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov